АКАДЕМИЯ НАУК СССР

К. В. БАЗИЛЕВИЧ

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА И ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ в 1662 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

К. В. БАЗИЛЕВИЧ

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА И ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ в 1662 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1936 — ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик В. Волгин.

Октябрь 1935 г.

Редактор издания академик Б. Д. Греков.

1

Между городскими восстаниями 1648—1650 гг. и восстанием Разина в 1668—1671 гг. лежит 18-летний промежуток, обычно характеризующийся как время относительного спокойствия внутри и очень напряженной борьбы на внешнем фронте; в течение 13 лет (1654—1667 гг.) шла война за Украину. Однако при изучении этого периода всегда возникает вопрос, насколько открытые классовые выступления в конце 40-х и в начале 70-х гг. были изолированы друг от друга? Можно ли считать, что 50-е и 60-е годы были действительно временем устойчивого внутреннего положения Московского государства? В исторической литературе нет ответа на этот вопрос. При изучении рассматриваемого времени преимущественно останавливались на двух его крайних хронологических гранях, совпадающих с яркими событиями открытой классовой борьбы. В течение всего промежуточного периода можно отметить лишь одно крупное выступление—так называемый „медный бунт" 1662 г. Историческая традиция очень давно, со времени Григория Котошихина, бывшего его очевидцем, рассматривала восстание в Москве 25 июля 1662 г. как случайный и изолированный эпизод, вызванный обесценением медных денег. Обычно о нем говорилось вскользь в общих курсах русской истории, хотя еще в 1890 г. А. Зерцалов опубликовал интересные и ценные материалы, составляющие часть следственного дела. Причина недостаточного внимания к московскому восстанию 1662 г. заключается отчасти в его относительно скромном размере по сравнению, например, с городскими восстаниями 1648—1650 гг.; с другой стороны, известное влияние не могла не оказать и недостаточная разработанность социально-экономической истории этого периода.

Если считать обесценение медных денег, сопровождавшееся угрожающим ростом цен и наступлением голода, основной причиной выступления низших слоев московского посадского населения, то и в этом случае правильное понимание событий 25 июля 1662 г. возможно только после привлечения более широкого исторического материала, относящегося к расстройству денежного обращения, и предварительного изучения влияния денежного кризиса на народное хозяйство и на экономическое положение различных классов населения. Между тем научную разработку денежной реформы Алексея Михайловича нельзя признать удовлетворительной даже в отношении фактической истории. Причина этого заключалась в бедности и малосодержательности документальных источников и в большой зависимости от сообщений Котошихина и Мейерберга, содержащих ряд неточностей. До последнего времени не был известен даже год выпуска медных денег. В. Берх, один из первых писавший об этой операции, отнес начало обращения медных денег к 1657 г.[1] С. Соловьев считал, что выпуск медных денег произошел в 1656 г.[2] К этому же году относит начало новой денежной системы А. Брикнер, автор специальных исследований о медных деньгах.[3] В действительности А. Брикнер, принявший первое упоминание в известных ему источниках за начало выпуска медных денег, сделал известную ошибку—argumentum a silentio, в данном случае равную двум годам. Ошибку А. Брикнера повторило большинство авторов, касавшихся этого вопроса в общих курсах истории, или в отдельных статьях, в том числе В. Ключевский, Д. Иловайский, И. Кауфман, С. Платонов и др. В настоящее время мы располагаем более полным архивным материалом, позволяющим совершенно точно установить начало монетной операции, последовавшей в первые месяцы Польской войны.

Вследствие этого для правильного понимания происхождения и назначения денежной реформы необходимо обратиться к характеристике общего экономического и финансового положения страны перед началом войны.

Несмотря на то, что борьба за Украину, которую Алексей Михайлович начал в 1654 г., подготовлялась в течение нескольких

[1] В. Берх. Царствование царя Алексея Михайловича, ч. I, стр. 117.

[2] С. Соловьев. История России, кн. III, стр. 191.

[3] А. Брикнер. Медные деньги в России 1656—1663 гг. и денежные знаки в Швеции 1716—1719 гг.; его же Finanzgeschichtliche Studien. Kupfergeldkrisen.

лет, — экономическое и финансовое положение страны в момент объявления войны не были благоприятны. Причина заключалась как в общих политических условиях и в больших расходах, связанных с формированием постоянной армии, так и в том направлении, которое приняла московская экономическая политика еще в начале царствования Алексея Михайловича, получившего в наследие от отца финансовую систему в весьма расстроенном состоянии. Еще Смоленская война наглядно демонстрировала кризис всей системы прямого поземельного обложения. Последующие годы показали прогрессирующий рост пустоты, охвативший земли всех категорий (черносошные, дворцовые и частновладельческие), и большой рост недоимок. Пустота „государевой казны“ заставила правительство отказаться от соблазнительной мысли удержать Азов, захваченный донскими казаками.

Правительство Алексея Михайловича в первые же годы выступило с широкими агрессивными и колонизационными планами, следствием которых было переустройство армии, с развертыванием новых формирований стрелецких, драгунских, рейтарских и солдатских полков. Из-за границы прибывают сотни военных специалистов из числа безработных шведских, голландских и английских офицеров. Производятся большие закупки оружия и военного снаряжения.

Изыскивая средства, необходимые для покрытия расходов, правительство Алексея Михайловича обратилось к усилению косвенного обложения и к системе мероприятий, имевших целью содействовать развитию крупного купеческого капитала и укрепить экономическое положение высших слоев посадского и торгового населения. К ним относились: городская реформа, сопровождавшаяся уничтожением особых феодальных прав на городской территории, реформа таможенного обложения, в которой уже в это время выступают развившиеся впоследствии тенденции протекционизма, отмена тарханов, уничтожение мелких сборов, откупов, лишение привилегий иностранного купечества.

Первый опыт замены прямого обложения косвенным был произведен в 1646 г. введением нового повышенного налога на соль, который по первоначальному предположению должен был заменить мыт, стрелецкие и ямские деньги. Как известно, эта попытка перехода к косвенному обложению кончилась полной неудачей. В последующих мероприятиях все яснее и яснее выступает принцип создания выгодного торгового баланса, в качестве основного источ-

ника поступления денежного металла (серебра), необходимость в котором особенно остро ощущалась вследствие отсутствия собственных рудных разработок. Этим объясняется то внимание, которое оказывается вопросам внешней торговли, начиная от системы покровительственных пошлин и кончая развитием государственной торговли.

В экономической политике этого периода, касавшейся вопросов обложения и торговли, нельзя не почувствовать влияния доктрины меркантилизма в ее ранней монетарной стадии развития. Трудно решить вопрос, насколько московские экономисты и финансисты были самостоятельны и оригинальны в этом отношении. Во всяком случае, им были известны основные принципы меркантилизма, если не в системе отвлеченных теоретических понятий, то в системе практических мероприятий. Особый интерес имеет записка, представленная в 1651 г. царю французским авантюристом Жаном де-Грон. Не ограничиваясь предложениями, касавшимися развития морской торговли, де-Грон указывал на необходимость расширить площадь запашки путем рациональной эксплоатации лесных богатств и выжига поташа и дегтя. Он предлагал таким способом образовать „громадные пустоши", которые затем превратить в „громадные хлебородные страны". Это позволило бы царскому правительству столько же вывозить хлеба в Европу, сколько его вывозилось из Данцига, самого крупного порта отпускной хлебной торговли.

В течение двухлетнего промежутка времени между появлением трактата де-Грона и началом Польской войны был проведен ряд мероприятий, очень близко напоминающих предложения де-Грона. Развитие поташного производства преимущественно в южном и юго-западном районе в лесных пространствах бассейнов рек Оки, Угры и Десны позволяет говорить о настоящей предпринимательской горячке, охватившей широкие слои дворянства и торговой буржуазии, от крупных землевладельцев до мелких посадских элементов. В то же время правительство проявляет особый интерес к экспортной торговле хлебом. В связь с ней следует поставить известную „кабацкую реформу" 1652 г., имевшую целью посредством уменьшения числа мест продажи вина, уменьшения дней и времени торговли (торговля воспрещалась во все постные и праздничные дни, составлявшие около одной трети времени года) сократить общий расход вина. Вследствие экстенсивного способа производства, требовавшего на переработку вина

огромного количества хлеба, это должно было бы привести к сохранению для торговли больших запасов ржи, не уменьшая в то же время внутреннего потребления хлеба в пищу. Нужно думать, что недавний опыт производства хлебных закупок на экспорт в Пскове, явившихся непосредственным поводом для восстания, был достаточно памятен и также оказал некоторое влияние на эту реформу. Во всяком случае, ее никак нельзя рассматривать с точки зрения одного морального принципа, будто бы провозглашенного патриархом Никоном.

Из изложенного следует, что удачного результата кабацкой реформы можно было бы ожидать только в случае развития экспортных операций хлебом, так как конъюнктура хлебного рынка в Западной Европе была действительно в это время очень благоприятной. Однако внешняя политическая и экономическая обстановка скоро изменилась совсем в другом направлении. В 1652 г., после издания навигационного акта Кромвеля, вспыхнула англо-голландская война, в сильнейшей степени отразившаяся на оборотах Архангельского порта. Московскому правительству пришлось прекратить дальнейшие хлебные поставки и в значительной степени сократить всю внешнюю торговлю. По причине застоя торговли во многих местах обнаружились недоборы „против прежних лет“. Купцы возвращались с ярмарки с нераспроданным товаром. Но еще больший недобор поразил в 1652 и 1653 гг. кабацкие сборы, вследствие применения новых правил торговли. В общей сложности доход от кабаков упал не меньше чем на 30%. В то же время правительство продолжало крупные закупки за границей и должно было расплачиваться за них серебром. Вследствие этого баланс внешней торговли принял резко выраженный пассивный характер.[1]

2

Давно ожидавшаяся война была официально объявлена в Москве 23 октября 1653 г. С конца февраля 1654 г. началось движение войск к границам. 26 апреля из столицы выступили полки армии кн. А. Н. Трубецкого. Царь с главными силами отправился в поход на Смоленск 18 мая. Первая остановка была

[1] См. нашу работу „Экономическая политика правительства Алексея Михайловича“ (печатается в Ученых записках Исторического факультета Московского университета, т. I).

сделана в с. Воробьеве, где Алексей Михайлович находился в течение трех дней (19 — 21 мая). Во время отсутствия царя управление столицей было передано боярину кн. М. П. Пронскому с товарищами.

Сохранившаяся в делах Разрядного приказа переписка между царем, находившимся в походе, и боярами, ведавшими Москву, а также отписки из разных частей армии по поводу высылки денег, очень ярко рисуют рост финансовых затруднений в первые месяцы войны. В Москве происходят тщательные поиски денежных средств в различных приказах; в армию немедленно отправляются даже небольшие суммы денег. Однако ни обычные, ни чрезвычайные поступления не могли удовлетворить потребности в денежных средствах.

В острые моменты финансовых затруднений Московское правительство обычно прибегало к экстраординарным сборам в виде единовременного налога в определенном процентном размере на капиталы и имущество („пятинные деньги"), а также к повышению прямых поземельных налогов. В начале кампании 1654 г. прямые поземельные налоги были оставлены без изменений. „Пятинные деньги", по сообщению Котошихина, сначала собирались в размере двадцатой деньги, потом десятой деньги „не по один год", а в 1662 и 1663 гг. производился сбор „пятой деньги" серебром.[1]

К сожалению, Котошихин не приводит более точных данных о времени этих сборов. По документальным источникам устанавливается первый сбор десятой деньги с 20 марта 1654 г., то есть непосредственно после начала войны. Сбор производился с торговых и посадских людей „по их скаскам и по окладу с животов их и с промыслов". Одновременно производился сбор „ратным людям на жалованье" по полуполтине со двора в церковных, дворянских и дворцовых землях и по 4 алтына с деньгою — с крестьянских и бобыльских дворов бояр, окольничих и думных людей.[2] Следующий сбор десятой деньги, коснувшийся на этот раз и крестьян, последовал осенью этого же года.[3]

[1] Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 136.

[2] Государственный архив феодально-крепостной эпохи. (В дальнейшем при указании материалов, хранящихся в этом архиве, ссылка на него не делается.) Разрядный приказ, Московский стол, № 867, л. 459—462. Этот сбор пропущен у П. Милюкова (Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого).

[3] Акты исторические, т. IV, № 93.

Сборы десятой деньги и ратным людям на жалованье, а также остальные поступления в приказы, происходили крайне медленно. С 20 марта по 1 июня сборы десятой деньги и ратным людям на жалованье дали 35 000 руб., из которых первые 5000 руб. были посланы в поход 22 мая. На требование царя тотчас прислать к нему в поход 100 000 руб. „или сколько зберетца больши или меньши“ и везти их „наспех“ бояре, ведавшие в отсутствии царя Москву, могли выслать 2 июня только 30 000 руб. В четвертях (Новгородской, Владимирской, Галицкой, Костромской и Устюжской) в это время денег в сборе совсем не было, а в Новой четверти были только 3000 руб. на московские расходы. О сборе десятой деньги в города были посланы „третьи грамоты“. [1]

Документальные материалы, относящиеся к денежной реформе, позволяют с большой подробностью представить историю первых двух месяцев выпуска новых монет. [2]

Указ о выпуске новых серебряных денег последовал 8 мая 1654 г., когда было велено перечеканить 893 620 немецких ефимков в русские деньги такого же размера; для этого надлежало сбить на ефимках немецкие клейма „наглатко“ и „учинить на ефимках чеканы против денег“. Повидимому, тогда же последовал указ о выпуске медных полтинников, полуполтинников, алтынников и гривенников. Из донесения Аф. Нарбекова, заведывавшего денежным двором, посланного царю в первых числах июня 1654 г., следует, что именно деньги этих достоинств было велено сделать из 10 000 пудов меди, причем из одного фунта меди должно было выходить медных монет по номинальной цене на 10 руб. [3] Первые

[1] Разрядный приказ. Московский стол, ст. № 867.

[2] Данные, относящиеся к возникновению денежной реформы и к началу выпуска новых серебряных и медных монет, находятся в следующих архивных материалах: Разрядного приказа Московского стола, столбцы №№ 864 и 867, и Севского стола, столбец № 157.

[3] По сделанному в Москве расчету из фунта должно было выйти: „20 полтинников, весу в них по 5 золотников без чети в ефимке, 40 полуполтинников, весу по полтретья золотника без получетверти в полуефимке, 100 гривенников, весу в гривеннике доведетца меньши золотника, 333 алтынника с третью, весу доведетца в алтыннике против серебреных 5 денег“ (Отписка М. Пронского к царю в поход. Разрядный приказ, Севский стол, ст. № 157). В этом расчете не был принят во внимание угар металла, что несколько понижало вес выпускаемых монет. И действительно, средний вес медного полтинника в музейных собраниях составляет 388.3 долей (вместо 460.8 долей). Во всяком случае, мнение И. Кауфмана о том, что вес вновь выпущенных монет был случайным,—„сегодня—

образцы медных алтынников, деланных „по обрезу", были показаны царю в селе Воробьево под Москвой, где он остановился, направляясь в армию 19—21 мая.[1] Царь одобрил образцы, и после этого была вычеканена первая пробная партия алтынников. До конца мая на заведение оборудования денежного двора и на поденный корм мастерам и ярыжным было израсходовано 150 руб. 13 ал. 2 д.

Таким образом, момент начала денежной операции должен быть отнесен к маю 1654 г., т. е. к самому началу войны. Решение о выпуске новых серебряных и медных денег было принято или одновременно, или с небольшим промежутком времени. Во всяком случае, разработка образцов и подготовка к производству денежного двора для выпуска новых серебряных и медных монет производилась в одно время. История первых двух месяцев существования Нового денежного двора, поспешность и вместе с тем полная неподготовленность к денежной операции могут служить указанием на то, что денежная реформа была задумана незадолго до появления указа о начале чеканки новых монет, т. е., вероятно, не раньше апреля, и была связана с отмеченными выше затруднениями финансового характера.

Выпуск малоценных медных монет, номинальная стоимость которых резко отличалась от стоимости заключенного в них металла, представляет исключительное явление среди финансовых и экономических мероприятий Московского правительства, хотя к извлечению прибыли посредством порчи серебряной монеты оно неоднократно прибегало в течение XVI—XVII вв. Еще в 1535 г. пониженная денежная стопа была установлена в 3 рубля из гривенки серебра в 48 золотников. Дальнейшее понижение веса монет произошло, повидимому, в конце царствования Василия Шуйского. При Михаиле Федоровиче, в 1613 г. и позже, была принята стопа в 4 руб. из гривенки серебра. После 1616 г., но не позже 1626 г., вес монеты был еще понижен, и стопа была доведена до $4^1/_2$ руб.[2]

один, но завтра может оказаться другой, послезавтра—третий и т. д."— является совершенно ошибочным, так же как и предположение, что крупные медные монеты были умышленно сделаны относительно легче медных монет мелких достоинств, при сравнении одной и той же номинальной ценности (И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века).

[1] Дворцовые разряды, т. 3, стр. 423.

[2] И. Кауфман. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века; С. Б. Веселовский. Понижение веса монеты при царе Василье Шуйском; его же, Семь сборов запросных и пятинных денег.

Однако само Московское правительство хорошо понимало принципиальную разницу, существовавшую между понижением веса серебряных монет и выпуском монет с принудительным курсом из материала, представлявшего ничтожную рыночную стоимость. В последнем случае они обращались в неразменные денежные знаки, наиболее частым видом которых являются кожаные и бумажные деньги. Об этом говорили московские бояре в 1620 г. английскому посланнику Джону Мерику, отвечая на жалобу об уменьшении веса русских монет: „После царя Федора Ивановича, в Московском государстве учинилась смута, многое разорение и земли запустение, царская казна разграблена, а служивых людей умножилось и жалованья дать нечего; государи христианские пограничные помощи не подали—так поневоле деньги стали делать легче, чтоб государство было чем построить и служилых людей пожаловать. Да и не новое то дело: во многих государствах то бывало в воинское время, не только золотые или деньги бывали дороже и легче прежнего,—во многих государствах торговали медными или кожаными деньгами, и теперь медными деньгами торгуют мало не везде; а как скоро которое государство поисправится, то опять и деньги поправляются, а укоризны в том нет никакой".[1]

В конце XVI и в первой половине XVII в. выпуск билонной медной монеты был широко распространен. Медные монеты чеканились между прочим и у ближайших соседей—в Польше и Швеции. Шведские медные талеры (плиты), называвшиеся у московских купцов „досками", ввозились в Россию как металл. Но особый интерес представляют те страны, в которых разрыв между номинальной стоимостью монеты и рыночной стоимостью заключенного в ней металла достигал такого размера, что фактически обращал медные монеты в денежные знаки, подобно кожаным или появившимся в начале XVIII в. бумажным денежным знакам. В первой половине XVII в. можно указать два таких примера—Испанию и Германию. В Испании чисто медные монеты в большом количестве появились с 1602 г.; они неоднократно извлекались из обращения и вновь выпускались с изменением ценности и чекана. В германских государствах в начале XVII в. сначала в Клеве, Аахене, Люнебурге, потом в Брауншвейгском государстве и, нако-

[1] С. Соловьев. История России, изд. 3-е, „Общественная Польза", кн. II, стр. 1178.

нец, в Прирейнской области, Саксонии, Силезии, Богемии и Австрии, чеканилась медная монета, лишь сверху слегка прикрытая серебром; затем последние остатки серебра исчезли, и она стала чисто медной. В Австрии, в связи с выпуском малоценных денег, произошли события, напоминающие то, что впоследствии после выпуска медных денег произошло в Московском государстве, закончившись известным „медным бунтом“ в Москве в 1662 г.: крестьяне отказывались везти в город продовольствие, бунтовали и нападали на монетчиков, которых приходилось вооружать огнестрельным оружием; в Вене лишь с большим трудом удалось успокоить волнения. В результате пришлось частью монету изъять из обращения, частью понизить ее номинальную цену.[1]

Таким образом Московскому правительству были известны способы извлечения дохода в моменты острых финансовых затруднений посредством выпуска малоценных монет с принудительным курсом. Что касается непосредственных инициаторов денежной реформы 1654 г., то этот вопрос не может быть окончательно решен.

Если верить Мейербергу, записавшему в своих дорожных записках ходившие в Москве слухи, — главным инициатором выпуска медных денег был окольничий Федор Михайлович Ртищев. По этому поводу Мейерберг замечает, что Ртищев нажил „жестокую ненависть“ и что „потому богу известно, какая еще будет его участь у народа, расположенного к мятежам по своей природе“.[2] Бывший в том же имперском посольстве вместе с Мейербергом Севастиан Главинич, также записавший слышанные им в Москве разговоры, называет в качестве инициатора денежной реформы патриарха Никона.[3] К сожалению, у нас нет возможности проверить сообщения Мейерберга и Главинича по документальным источникам. Некоторые указания на инициативу, проявленную в этом вопросе, можно видеть в следующем названии одного из несохранившихся столбцов Тайного приказа: „Статьи в тетратех, каковы прислал думный дворянин Офанасей Лаврентьевич Ордын-Нащокин, как для пополнения ратей в полки с поместей и с вотчин и (с) скольких дворов даточных и рейтар взять, и почему им в год кормовых денег давать, и как о медных деньгах для тех же ратных людей

[1] И. М. Кулишер. История экономического быта Западной Европы, т. II, стр. 284—285.

[2] Мейерберг. Путешествие в Московию, стр. 169.

[3] Севастиан Главинич. О происшествиях московских. Перевод А. Шемякина, Москва, 1875.

промысл чинить".[1] Если правильно понимание заголовка столбца, А. Ордын-Нащокин подал царю записку о порядке пополнения армии и содержании даточных людей и рейтар, посредством выпуска („промысл чинить“) медных денег. Последнее выражение позволяет предполагать, что записка была подана в самом начале монетной операции или, может быть, даже несколько раньше. В таком случае А. Ордын-Нащокин был бы одним из инициаторов монетной реформы. Эта мысль находит некоторое подтверждение в последующей деятельности А. Ордын-Нащокина, принимавшего близкое участие в разрешении основных финансовых и экономических проблем.

Извлечение дохода путем выпуска легковесной и малоценной монеты достигалось в данном случае двумя различными средствами: повышением номинальной ценности серебряных денег (при том же весе металла) и выпуском медных денег по курсу серебряных, тогда как отношение рыночных цен серебра к меди в это время составляло 60—62.5:1.[2] В выпуске серебряной монеты более высокого номинального достоинства правительство шло старым путем. Разница заключалась лишь в том, что раньше, при Василии Шуйском и Михаиле Федоровиче, при неизменной денежной единице менялось количество заключенного в ней серебра. В 1654 г. правительство не решилось на новое облегчение монет старых достоинств, а

[1] Русская историческая библиотека, т. XXI, Дела Тайного приказа, кн. 1, ст. 52 и 486. Опись была составлена в 1676 г. по причине ликвидации приказа и передачи его архива в другие приказы.

[2] Это соотношение установил А. Брикнер (Медные деньги в России 1656—1663 и денежные знаки в Швеции 1716—1719) на основании цен серебра, указанных в „Расходной книге патриарха Никона“ (Временник Общества истории и древностей российских, т. XIII и в „Росписи чехового дела“ (там же, т. VIII). Средняя стоимость 1 фн. меди принимается в 12 коп. В конце 1657 г. в Москву было прислано с Двины 129 пуд. меди красной дощатой и шкилевой покупки гостя Андрея Алмазова, заплатившего за медь по $4^1/_2$ руб. пуд. (Приказные дела старых лет, 1655 г., № 37, л. 104). Эта цена близка к указанной выше: 1 фн. меди в данном случае стоил $11^1/_4$ коп. По сведениям Кильбургера („Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича“, стр. 142) в 1674 г. в Москве 1 пуд красной меди стоил 5 руб. (1 фн.—12.5 коп.). Родес в бюллетене московской торговли 1652 г. дает несколько меньшие цены; по его сведениям 1 пуд меди стоил в Москве от 3 руб. 10 коп. (проволока из красной меди) до 4 руб. 30 коп. (котлы из желтой меди). В таможенных книгах Устюга В. за 1634—1650 гг. 1 пуд красной и зеленой меди расценивался в 5 руб. (ГАФКЭ, фонд городских книг XVII в.).

предпочло перейти к чеканке монет новых достоинств, использовав для этой цели давно сложившуюся номенклатуру (рубли и полтины), являвшуюся прежде не реальной, а счетной системой. Кроме того, выпуская монеты крупных достоинств, правительство могло рассчитывать на быстрое получение значительных сумм денег, в которых оно в это время особенно остро нуждалось. Между тем чеканка мелких монет на ту же сумму должна была потребовать большого времени.

Не имея собственных серебряных рудников, Московское правительство в качестве денежного металла обычно использовало иностранную серебряную валюту (рейхсталеры, называвшиеся русскими ефимками), получая из перечеканки в русские деньги мелких достоинств дополнительный доход. Любский ефимок принимался в казну за 49—50 коп., а вычеканенные из него русские деньги по номинальному достоинству соответствовали 64 коп. Таким образом, доход от перечеканки составлял 28%. Между тем, серебряные „рублевые ефимки", выпущенные в 1654 г., соответствовавшие при том же весе металла 100 коп., давали доход от перечеканки в 100%. Такое же повышение курса было у серебряных четвертков, приравнивавшихся 25 коп.

Значительно более высокий доход должна была принести операция с выпуском медных денег. По предположению, из 1 фн. меди должно было выходить медных монет общей суммой в 10 руб., тогда как рыночная цена фунта красной меди в это время, как отмечалась выше, составляла около 12 коп. Рыночная стоимость меди, заключенной в 1 рубле медных монет, составляла всего 1.2% их номинальной стоимости. Поэтому производившийся в 1663 г. после возврата к серебряной денежной системе обмен 1 рубля медью на 2 серебряные деньги (1%) почти соответствовал рыночному соотношению в стоимости серебра и меди.

Если не считать расходов, связанных с чеканкой монет, то общий доход от денежной операции должен был составить: 223 405 руб. от перечеканки серебряных ефимок и 3 952 000 руб. от выпуска медных денег, всего округленно 4 175 000 руб. Эта огромная сумма приблизительно в два раза превосходила общий государственный бюджет в последней четверти столетия и почти в 10 раз расход на содержание армии иноземного строя во время Смоленской кампании. [1] Финансовое значение монетной операции становится еще

[1] Содержание войск иноземного строя во время Смоленской кампании в течение 14 месяцев обошлось в 430 606 руб. (П. Милюков. Государствен-

более ясным, если сравнить ее с наиболее высокими результатами чрезвычайных налогов в первой половине столетия: сбор „пятинных денег“ в 124 г. (1615—1616) дал 175 000—200 000 руб.,[1] а в 142 г. (1633—1634 гг.) 300 000—325 000 руб.[2] Таким образом чистая прибыль от выпуска новых серебряных и медных денег должна была не меньше чем в 12 раз превосходить самый большой сбор „пятой деньги“ (20% с торгов и промыслов).

Впоследствии, после изъятия медных денег из обращения, правительство следующим образом определяло цель денежной реформы: „с прошлого 164 г. указали мы, великий государь, нашим ратным всяких чинов людям и кормовым на раздачу делать медные деньги к серебряным в прибавку, и давать на наше жалованье и в корм против серебряных денег ровно, а с гостей и со всяких чинов людей поборы были немногие“.[3]

Изучая налоговую политику этого периода, мы действительно видим, что выпуск медных денег позволил правительству в течение восьми лет тяжелой войны почти не прибегать к чрезвычайным сборам несмотря на тяжесть огромных военных расходов. Десятая деньга собиралась весною и осенью 1654 г. в самом начале войны, когда правительство еще не развернуло в полном объеме чеканку новой монеты и испытывало сильнейший недостаток в денежных средствах. Затем до 1662 г. производились лишь сборы „денежной подмоги даточным“, общую величину которых мы, к сожалению, не знаем, но которые безусловно должны были быть легче сборов пятой и десятой деньги.[4]

ное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого, 1892, стр. 64). По вычислениям П. Милюкова, основанным на изучении росписи бюджета 1680 г., общий размер бюджета конца XVII в. составлял около 2 миллионов рублей (там же, стр. 105).

[1] С. Веселовский. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича, стр. 78.

[2] Е. Сташевский. Пятина 142 г. и торгово-промышленные центры Московского государства (Журн. мин. нар. просв., 1912 г., № 5, стр. 96).

[3] Собрание государственных грамот и договоров, ч. 4, № 33. В напечатанном тексте этой грамоты начало выпуска медных денег ошибочно отнесено к 164 г., тогда как в действительности денежная реформа началась в 162 г, (1654 г.).

[4] По сообщению Г. Котошихина, в начале войны сначала собиралась двадцатая деньга, потом пятая деньга, „не по один год“, а в 1662 г. и в 1663 г. собиралась пятая деньга серебряными деньгами. Мы не нашли в источниках указаний на сборы пятинных денег между 1654 и 1662 г.

Некоторую стабильность мы наблюдаем и в отношении обыкновенных прямых налогов. Оклад больших ямских денег, повышенный еще в 150 или 151 г. (1642—1643 гг.) до 784 руб. с сохи, остался неизменным во все время войны. Также не был изменен хлебный оклад стрелецкой подати, установленный в 149 или в 150 г. (в 1640—1642 гг.) в 700 юфтей хлеба с сохи,[1] что по сравнению с предыдущими сборами было увеличением в семь раз. В 163 г. (1654—1655 г.) денежный эквивалент этого оклада был повышен с 672 руб. до 900 руб. В таком размере стрелецкая подать продержалась до 169 г. (1660—1661 гг.). В этом году стрелецкие деньги вовсе не были взяты, а на 170 г. (1661 — 1662 гг.) вся страна платила хлебом натурой по старому окладу (700 юфтей с сохи).[2]

Из изложенной истории возникновения денежной реформы следует, что и выпуск серебряных монет новых достоинств и выпуск медных монет следует рассматривать в тесной связи между собою, как операции, преследовавшие одни и те же цели. Выпуск новых серебряных монет, сопровождавшийся прекращением чекана старых серебряных денег, был по существу несколько замаскированным уменьшением московской денежной стопы, что давало возможность получить дополнительную прибыль от денежной операции. Однако при большом дефиците военного бюджета и пассивном балансе внешней торговли одна эта операция не могла удовлетворить всей потребности в денежных средствах. Этот недостаток предполагалось покрыть за счет дополнительного выпуска медных монет новых достоинств.

Для чеканки новых серебряных и медных монет был оборудован новый монетный двор, расположившийся в помещениях нового английского двора в Белом городе (около церкви Гребеневской божьей матери).[3] Все оборудование, необходимое для производства, приходилось заводить вновь.

[1] Юфть хлеба состояла из 1 чети ржи и 1 чети овса (С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. I. стр. 169).

[2] С. Б. Веселовский. Сошное письмо, т. I, стр. 161, 175—176.

[3] До „московского разоренья" этот двор назывался армянским, и на нем останавливались армяне, кизыльбашские и литовские купцы. В начал XVII в. половина двора была отдана кн. И. С. Куракину. В 136 г. (1627—1628 гг.), после опалы кн. И. С. Куракина, половину его двора купил доктор Артемий Дий. В это время все строение состояло из одной избы ворот. Доктор построил новые хоромы в виде горницы с комнатой, другой горницы с подклетью и дубовых сеней. Кроме того, на дворе были по-

Первый проект производственного оборудования денежного двора принадлежал гостиной сотни Ивану Кириллову, который был допрошен в приказе Большой казны и обещал сделать снасти к „медному ефимочному делу“, чтобы чеканить „подъемным молотом на пружине“ медные полтинники, полуполтинники, гривенники и алтынники. Кроме того, необходимо было сделать плавильные и обжигальные горны и вороты, на которых волочили медь в проволоку. Однако изготовленные деревянные станы „по вымыслу“ Ивана Кириллова оказались совершенно непригодными. После этого Иван Кириллов стал заводить „иные железные и деревянные снасти иными образцы“. Эти неудачи создавали большое „мешканье“, и до начала июня денежный двор фактически не мог приступить к чеканке новой монеты.

После первых неудач, повидимому очень раздражавших царя, требовавшего чеканить новые деньги „наспех днем и ночью“, и по мере выпуска присылать их к нему в Дорогобуж, был изготовлен „по вымыслу“ резчика Федора Байкова деревянный стан, а к стану „для поспешенья и опыту“ был сделан подъемный молот с железным веретеном, облитый для тяжести свинцом. Молот поднимали воротом на векшах 6 человек. Но и на этом стане удалось отчеканить только 8 серебряных рублей и 20 медных полтинников, после чего на молоте свинец „оплыл“, и он также оказался негодным для дальнейшей работы. Тогда было решено делать другой молот того же образца, но большой железный подъемный, с железным веретеном. 30 мая были готовы деревянные модели молота и наковальни, отосланные в приказ Большой казны. В Москве не было кузнецов, способных изготовить эти молоты. М. Пронский писал царю, что „мастеров кому молоты делать всего два человека и те достаточно такова большего дела не дознают, а резцов кому резать маточники и подчищать чеканы один человек... А которые, государь, были кузнецы делали язык к большому колоколу, и те по твоему государеву указу отпущены в Нижний“. Между тем, по

строены 2 погреба, кирпичная палатка, теплая поварня и конюшня. При отъезде доктора „за море“, двор был куплен в 1636 г. Резином Ивановым. Последним он был продан английской торговой компании Дигби и с этого времени стал называться „новым английским двором“ (старый английский двор, предоставленный компании Иваном Грозным, находился на Варварке). Англичане возвели на дворе новую большую каменную палату, служившую, повидимому, складом для товаров. Эти сведения сообщены С. К. Богоявленским.

проекту Афанасия Нарбекова нужно было изготовить всего 20 станов с железными молотами весом по 15 пудов каждый. Заказ на 19 молотов по образцу с таким же количеством наковален был передан Тульскому железному заводу. С этим заказом в Тулу был послан Филимон Акема. „Образцовый молот" предполагалось изготовить к 4 июня. В то же время, не ожидая присылки заказанного оборудования из Тулы, московские кузнецы, изготовившие „образцовый молот", приступили к изготовлению „для поспешенья" второго молота.

История первого месяца существования нового денежного двора, призванного осуществить крупнейшую реформу денежной системы, хорошо показывает полную неподготовленность к ней и чрезвычайную примитивность техники. М. Пронский в ответ на нетерпеливые указы из царской ставки писал, что „поспешить, государь, в том ефимочном деле нельзя, потому что всякий завод заводитца внове". Серебряные рублевые ефимки начали делать одним молотом с 4 июня, серебряные ефимочные четвертки — с 7 июня. Первые 4 четвертка были посланы царю для образца 8 июня. В то же время была упрощена техника чекана. Серебряные четвертки было велено выделывать путем простого рассеченья ефимка на 4 части — „хотя будут и не круглы". Первые медные алтынники, показанные царю еще в с. Воробьево, были сделаны „на обрез", т. е. края были обрезаны по форме круга. После утверждения их царем была выпущена в мае первая опытная партия подобных алтынников. Из 1 пуда 1 фн. и 91 зол. меди вышло 8542 алтынника общим весом в 25 фн. 42 зол. по номинальной стоимости 256 руб. 8 алт. 4 д. При производстве угорело 54 зол. металла, и осталось обрезков и крох на 15 фн. 91 зол. Имевшийся один обрез часто портился, а новые обрезы не могли быстро изготовить. Поэтому, принимая во внимание медленность чеканки и большой отход металла на обрезки и крохи, боярин М. П. Пронский решил перейти на обычную технику чекана из круглой проволоки. Весь дальнейший выпуск медной монеты мелких достоинств происходил уже старым обычным способом — „против денежного образца". Производство медных алтынников было налажено между 7 и 16 июня.

Не меньшие хлопоты, чем заведение нового оборудования и техника производства, доставляли поиски необходимых мастеров, кузнецов, резчиков и рабочих других необходимых специальностей. К середине июня на денежном дворе работало только 20 рабочих, в том числе 10 присланных со старого денежного двора и 10 вновь

набранных из вольных гулящих людей. Еще хуже обстояло дело с квалифицированными мастерами. На весь завод был только один резчик, который не успевал подчищать чеканы и резать новые. Афанасий Нарбеков жаловался, что „ефимком... рублевым в деле чинитца мешкота для того, что от молотового бою чеканы портятца и на ефимках чекан ставитца не справчиво, а резец только один человек, чеканов резать и почищать некому, а иных резцов сыскать не мочно".

Выпуск новых серебряных и медных денег в течение первого месяца чеканки (до 1 июля) выразился в следующих цифрах:

	Число	На сумму
Серебряных рублевых ефимков	2 065	2 065 руб.
Серебряных четвертков	151 030	37 757½ руб.
Медных алтынников	71 804	2 154 руб. 5 алт.

Таким образом, в начале работы нового денежного двора заметно преобладал выпуск серебряных четвертков, техника изготовления которых была наиболее проста и не требовала почти никакого оборудования. Выпуск медных полтинников, полуполтинников и гривенников задерживался отсутствием нужных молотов и других снастей. Производство монет этих достоинств началось не раньше июля.

С переходом на выпуск новой серебряной и медной монеты была прекращена чеканка серебряных денег старого образца. 2 июня в государевой грамоте, присланной из похода, указывалось переделать в русские деньги слитое ранее серебро и, кроме того, слить еще для этой цели 100 пудов серебра. Вычеканенные деньги на сумму 40 000 руб. царь требовал прислать в том же месяце в Брянск в полк к кн. А. Н. Трубецкому для выдачи кормовых денег полковникам, начальным людям и солдатам. Днем раньше был прислан указ, в котором предлагалось призвать гостя Кирилла Босово, заведывавшего в это время старым денежным двором, и говорить ему от имени государя „с осудом" на медленный выпуск серебряных денег, угрожая, что „за его нераденье быть ему в тюрьме". Одновременно указывалось не сливать больше ефимков и все имевшиеся у него ефимки отослать на новый денежный двор. В другой грамоте, подтверждавшей сделанное распоряжение о спешной переработке слитого ранее серебра вместе с 100 пудами нового серебра в деньги старого образца, сообщалось: „а достольные ефимки, что есть на Казенном дворе в погребе и что из долгу возмут велети б отдавать Офонасью Нарбекову и велети б то се-

ребро переделать в ефимки и в четвертки, рассекая на четверо ефимок, хотя будет и не круглы". Указ о дополнительном выпуске серебряных денег старого чекана был вызван медленностью в заведении и освоении производства новых монет, что лишний раз подчеркивает чрезвычайно острую нужду в деньгах в первые месяцы войны вследствие полного отсутствия денежного резерва. Повидимому, это было последней операцией на старом денежном дворе, после которой выпуск денег старого чекана окончательно прекратился и сам денежный двор был закрыт на 9 лет.

Появление серебряных четвертков, получавшихся путем рассечения ефимка на четыре части было обязано, как мы видели, затруднениям, связанным с чеканкой серебряных рублей, и стремлению возможно больше упростить и ускорить технику производства. Вполне естественно было перейти от рассечения ефимков к выпуску их с наложенным штемпелем, указывающим на изменение номинальной цены. Такие „ефимки с признаки" появились в конце 1654 г. или в начале 1655 г.

Приведенные документальные данные о ходе монетной операции позволяют проверить рассказ Котошихина, который до последнего времени был единственным источником сведений о порядке выпуска новых серебряных и медных монет. Котошихин делит всю операцию на три этапа. Сначала „для пополнения казны и для поспешения ратным людям на жалованье" были выпущены серебряные рублевики одинакового размера с Любскими ефимками, рублевые четверти (четвертки) и ефимки с царскими печатями („ефимки с признаки"), а также медные полтинники размером в ефимок. Из рассмотренного нами материала мы можем вывести заключение, что первоначальный проект ограничивался серебряными рублевыми ефимками нового чекана. Что касается медных монет, то их предполагалось выпускать четырех разных достоинств, одновременно с серебряными рублевыми ефимками (полтинники, полуполтинники, алтынники и гривенники). Затруднения, связанные с чеканкой монет крупных достоинств, заставили перейти сначала к рассечению ефимков на четыре части, а потом к наложению на них особого клейма. Таким образом, Котошихин, правильно относя начало денежной реформы к первому году войны, в изложении подробностей смешал вместе разновременные события.

Следующий этап денежной реформы Котошихин начинает с выпуска медных грошевиков, алтынников и копеек. Как мы установили, медные алтынники начали чеканиться первыми, одновременно

с медными полтинниками и серебряными рублевыми ефимками. Что касается грошевиков и копеек, то они действительно появились несколько позже. Первое упоминание о медных грошевиках и копейках мы встретили в документе от 3 июня 1655 г.

Наконец, третьим этапом реформы Котошихин считает переход к мелким медным деньгам. Повидимому, они действительно появились позже монет других достоинств. Во всяком случае они чеканились одновременно с грошевиками и двуденежками (копейками) на Новгородском и Псковском денежных дворах в сентябре 1655 г.[1]

Переход от выпуска монет одних достоинств к выпуску монет других достоинств Котошихин объясняет волнениями и нежеланием населения принимать новые деньги. По его словам, когда были выпущены серебряные рублевики, четверти и медные полтинники, крестьяне, увидев, что деньги делаются „худые", „неровные и смешанные", перестали подвозить продовольствие в города, отчего началась дороговизна на все продукты. Царь, убедившись, что „в тех деньгах не учало быти прибыли, а смута начала быть большая", велел в Москве, Пскове, а потом и Куконаузе (Кокенгаузен) делать на денежных дворах медные алтынники, грошевики и копейки. Но между крестьян „потому ж была смута". И только после выпуска мелких медных денег население успокоилось и в первое время принимало их наравне с серебряными.[2]

Рассказ Котошихина о недоверии населения к новым деньгам подтверждается многочисленными царскими указами о приеме серебряных и медных денег нового чекана, подкрепленными угрозами ослушникам „быть в опале и в наказанье". Первый известный нам указ этого рода относится к августу 1654 г. и касается только серебряных денег новых достоинств — ефимков (рублевиков), полуефимков (полтинников) и четвертин (четвертков). Можно было думать, что указ последовал не в результате отказа от приема этих денег, а в качестве информационного сообщения, предупреждающего возможность таких случаев. Но в сохранившемся черновом отпуске этого указа есть зачеркнутая фраза, заставляющая предполагать, что правительство уже в это время встретилось с затруднениями подобного рода: „а как государева служба минетца и им те ефимки и полуефимки и четвертины ефимошные приносить в государеву казну, а им по государеву указу из госу-

[1] Разрядный приказ, Московский стол, ст. № 864.
[2] Котошихин, ук. соч., стр. 100.

даревы казны учнут выдавать мелкие деньги".[1] В марте 1655 г. последовал новый указ, который уже определенно говорил о том, что не только торговые люди, но и собственные агенты правительства в московских приказах и в таможенных избах отказывались принимать как медные, так и серебряные деньги новых достоинств (серебряные рублевые ефимки и четвертки, медные полтинники, полуполтинники, гривенники и алтынники). Указ предписывал принимать эти деньги „за свои государевы долговые деньги и в таможни за всякие государевы пошлины" и торговым людям ими торговать „безо всякого сумненья".[2]

Родес в донесении королю Карлу X от 17 июня 1655 г. писал по поводу денежной реформы, что новые монеты производят среди купечества большое смущение (ein grosse Confusion).[3]

Необходимо отметить, что недоверчивое отношение встречали не только медные деньги, но и серебряные деньги новых достоинств. Население отлично понимало искусственное повышение курса серебряных денег, так как ефимок „без признак" продолжал приниматься за 50 коп., а простым наложением штемпеля ценность его увеличивалась до 64 коп., т. е. почти на 30%.

Известную роль, вероятно, играл и общий консерватизм московского населения ко всякой перемене формы и размера монет. В качестве примера можно указать на неудачную попытку Василия Шуйского выпускать золотую монету. Наконец, при существовавших ценах монеты крупных достоинств, вероятно, затрудняли мелкую торговлю крестьян и низших слоев посадского населения, так как требовали размена.

Открывая в 1654 г. военные действия против Польши, Московское правительство не могло предполагать, что оно начинает длительную тринадцатилетнюю войну, осложненную участием Швеции и Крыма. Поэтому монетная реформа мыслилась как кратковременная экстраординарная мера — пока „государева служба минетца". Это подтверждается организацией нового денежного двора, создававшегося наспех, без учета размера производства и перспектив его развития. Все дальнейшее расширение, переход на круглосуточную работу, наем новых мастеров, устройство денежных дворов

[1] Разрядный приказ, Московский стол, ст. № 867, л. 456—458.

[2] Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 289, л. 13—14.

[3] Б. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса, стр. 245.

Пскове и Новгороде — все это производилось в той мере, в какой ведение войны предъявляло новые и новые требования к денежным средствам. Новый денежный двор в первый год войны не успевал удовлетворять эти требования, и правительство должно было обратиться к старым методам покрытия чрезвычайного государственного бюджета. О напряженности финансового положения свидетельствует переписка, сохранившаяся в делах Разрядного приказа по поводу высылки денег в армию.

Осенью 1654 г. был объявлен сбор десятой деньги. Сбор производился в очень неблагоприятных условиях, когда страна еще переживала ужасные последствия чумы. К сожалению, мы не знаем результатов этого сбора, но финансовое положение продолжало оставаться столь же напряженным и весною 1655 г. В поисках средств правительство обратилось к частичной конфискации монастырских капиталов. Очень любопытную картину обстоятельств, при которых происходил заем из монастырских средств, дают документы, относящиеся к займу у Тихвинского монастыря. 19 марта 1655 г. Иван Федоров Янов получил указ ехать в Тихвинский монастырь и взять из монастырских сумм 10 000 рублей, так как „ведомо государю... учинилось, что у них в Тихвинском монастыре есть в казне деньги многие“. В наказе давалось подробное наставление, как И. Янов должен был поступать после приезда в монастырь, чтобы раньше времени не раскрыть действительную цель приезда и этим не дать возможность монастырским властям вовремя спрятать деньги. В монастыре И. Янов должен был просить пустить его в Казенную палату, где хранились монастырские средства. „А буде архимарит и братья в Казенную палату ево Ивана пустить не хотят, или учнут спрашивать для какова дела ему Ивану в Казенную палату итти велено и Ивану архимариту и братье сказати, что по государеву указу велено ему в Казенную их монастырскую палату итти для его государева дела по его государеву именному указу и они б ничего не опасались и его в ту палату пустили тотчас. А покаместа его Ивана в палату не пустят и ему про те деньги, что ему указано у них взять, им не объявлять.“ Попав в Казенную палату, Иван Янов должен был взять 10 000 рублей и сказать архимандриту с братьею, „что б они о том не оскорблялись: указал государь те деньги взяти у них на его государево жалованье ратным людем, а как служба минетца и государь пожалует, велит им деньги отдать.“ В соответствии с этим наказом Ивану Янову были даны две грамоты — одна о

праве осмотра Казенной палаты, другая — к архимандриту о займе 10 000 руб.[1]

Эти частичные меры не могли, конечно, покрыть денежную потребность и оставался единственный путь — дальнейшего увеличения выпуска медных денег путем расширения Московского денежного двора и устройства новых денежных дворов в Новгороде и Пскове. В сентябре 1655 г. было велено на Новгородском и Псковском денежных дворах делать медные грошевики, двуденежники и денежники „наспех днем и ночью с великим раденьем... чтоб денег вскоре наделать много". Для этой цели предлагалось прибрать в этих городах денежных мастеров многих людей. Кроме того, было велено прибрать на Московский денежный двор еще 80 чел. денежных мастеров.[2]

Одновременно с устройством новых монетных дворов в Пскове и Новгороде происходило расширение Московского денежного двора. О его позднейшем размере, перед прекращением чекана медных монет, можно судить по описи, произведенной в сентябре 1662 г. В это время денежная мануфактура, на которой чеканились медные монеты, представляла собою значительный комплекс каменных и деревянных построек, расположенных на территории бывшего Нового английского двора. В его глубине находилась плавильня с 3 плавильными печами и горнами. Поступавшая в производство медь предварительно рассекалась на наковальне железными зубилами. Сплавленные слитки меди подвергались затем обработке в кузнечном сарае, где стояли 40 кузнечных горнов и 80 наковален. Кованая медь переходила к волочильщикам, тянувшим из нее проволоку. Эта работа проводилась на 28 волочильных станах. Приготовленная проволока поступала в „боевые казенки", где бойцы на стулах с большими наковальнями расплющивали ее ударом чекана таким образом, что получались гладкие овалы. Наконец, последняя операция состояла в накладывании штампа, чем занимались чеканщики или денежные мастера в мастеровых казенках на стулах с малыми наковальнями. Для накладывания штампа употреблялись особые чеканы. Работа волочильщиков, бойцов и чеканщиков производилась в 7 каменных палатах и 7 деревянных избах. Каждая из них подразделялась на несколько

[1] Приказные дела старых лет, 1655 г., № 14.

[2] Разрядный приказ, Московский стол, ст. № 864, л. 283—285. Это первое известное нам упоминание о Новгородском и Псковском денежных дворах.

(от 2-х до 4-х) казенок или чуланов, представлявших собою мастерские, в которых производилась определенная работа бойцов или чеканщиков.

Помимо производственных помещений на дворе находился ряд других построек хозяйственного или административного назначения. В особом сарае на 5 дубовых столах производился перебор готовых денег. В другом сарае изготовлялись гладкие чеканы. В сарае было 6 горнов, у каждого из которых было по наковальне и по 2 больших молота. Центром административного управления служила приказная изба. В ней находился гость, заведывавший денежным двором. Материалы и инвентарь хранились в нескольких казенных палатах. В одной из них производилась выдача по весу меди в плавильню и прием готовых денег. Наконец, в особой избе помещались караульные стрельцы.

В соответствии с процессом производства рабочие денежного двора делились на указанные выше специальности: кузнецов, волочильщиков, бойцов, чеканщиков и подметчиков или подкладчиков. Последние служили помощниками при старостах и денежных мастерах. В организационно-производственном отношении все рабочие делились на артели, носившие название станиц. Каждая станица включала в себя все специальности, необходимые для полного производства, начиная с плавления меди и кончая выпуском готовых монет. В 1662 г. станица состояла из старосты, выбиравшегося чеканщиками, 3—4 кузнецов, 2 волочильщиков, 4—5 бойцов и 8—10 чеканщиков. Соотношение между различными специальностями определялось трудоемкостью соответствующих операций; так, например, проволока, приготовленная волочильщиками, требовала двойного числа бойцов; в свою очередь работа чеканщиков по трудоемкости была в два раза больше работы бойцов и приблизительно в 4 раза больше работы волочильщиков. Таким образом, в организации работы строго выдерживался принцип технического разделения труда. Подразделение рабочих на станицы во главе с выборным старостой вызывалось, повидимому, требованиями учета металла и изготовленных из него денег, так как староста выдавал станице определенное количество меди, проходившей затем все стадии обработки, и принимал по весу и по числу монеты, приготовленные из выданной меди. Этим создавалась круговая ответственность станицы за целость денежного металла и устранялась необходимость особого контроля на отдельных этапах производства.

Общий размер рабочей силы в период наибольшего развития производства был весьма значительным. В конце 1661 г. на денежном дворе числилось: 16 старост, 140 мастеров и 284 подметчика. Если принять средний размер станицы в 21 человек, то в 16 станицах должно было насчитываться 336 человек, кроме подметчиков. В другой описи в 13 станицах указано 13 старост, 63 кузнеца, 34 бойца, 26 волочильщиков и 127 чеканщиков, всего 263 чел. Вместе с подкладчиками и подметчиками общая численность рабочих, непосредственно занятых в производстве, должна была превосходить 500 человек, исключая обслуживающий персонал.[1] Московский денежный двор, чеканивший медные монеты, был по размеру крупнейшей мануфактурой XVII в.

К сожалению, нам неизвестен размер выпуска медных монет всеми денежными дворами с начала операции в 1654 г. до отмены медных денег и закрытия денежных дворов в 1663 г. Только Мейерберг сообщил, что ко времени его пребывания в Москве (1661—1662 гг.) было выпущено медных денег на 20 000 000 руб. по нарицательной стоимости. И. Кауфман подвергает большому сомнению эту цифру, считая преувеличенной даже сумму, уменьшенную в десять раз (2 000 000 р.).[2] Нам представляется, что Мейерберг был близок к правильному установлению размера денежной операции. Выше мы видели, что первоначально, когда еще не предполагали, что война примет затяжной характер и потребует очень больших расходов, выпуск медных денег ограничивался суммою в 4 000 000 руб., что должно было потребовать 10 000 пудов меди. Не может быть сомнения в том, что после открытия денежных дворов в Новгороде и Пскове и расширения Московского двора, этот лимит был в несколько раз превышен. Правительство принимало спешные меры к увеличению запасов меди, не только скупая ее у иностранных купцов, строжайше при этом запрещая частную торговлю медью, но и переливая в деньги

[1] В описании техники производства и состава рабочих на денежном дворе мной использованы материалы, любезно предоставленные мне С. К. Богоявленским и состоявшие из выписок из неразобранных столбцов Аптекарского приказа (хранятся в ГАФКЭ). Кроме того, в некоторой части мною использован доклад С. К. Богоявленского „Новый английский денежный двор", прочитанный в Государственном Историческом музее в Москве в 1928 г. Пользуюсь случаем принести глубокую благодарность С. К. Богоявленскому за предоставление указанных материалов.

[2] И. Кауфман, ук. соч., стр. 114.

медную посуду. Как характерный пример, указывающий на то значение, которое получила медь в качестве денежного металла, можно указать на бывшего приказчика Корельского уезда Ефима Икрина, который в ноябре 1657 г. „ударил челом“ царю 40 пудами меди.[1]

Несмотря на усиленные поиски меди, размер выпуска медных монет принял такие размеры, что правительство встретилось с угрозой остановки денежных дворов вследствие недостатка в металле. В июле 1662 г. по грамоте из приказа Большой казны было велено купчине Мине Селиверстову закупленные для обмена на медь товары менять на медь „что б меди выменить на денежные дворы... на год и больши... И ис покупной меди 5000 пуд. прислать... к Москве на ямских или на наемных подводах“. В сентябре этого же года приказ Большой казны вновь с тревогою напоминал: „медью промышлять всякими мерами, как мочно, чтоб за медью денежное дело не останавливалось“. К купчине Мине Селиверстову, который в это время находился в шведских городах, было велено послать нарочного с указом: „сколько у него меди в покупке и на товары в мене есть и что б он ту медь всю прислал... в Великий Новгород тотчас, а последние б товары менял на медь неоплошно, чтоб меди на денежное дело было не мало“.[2] Некоторое представление о размере, выпуска медных денег можно получить на основании следующих данных, относящихся к 1661—1662 гг.: с 22 ноября 1661 г. по 26 октября 1662 г. только в полк кн. Г. Ромодановского из Разрядного приказа было отправлено 510 000 руб. медными деньгами;[3] в 1662 г. из одного приказа Большой казны было выдано на покупку „указанных товаров“ 320 000 руб.: вся операция по скупке „указанных товаров“ потребовала в 1662—1663 гг. свыше 1 430 000 руб.[4] В результате усиленного выпуска медных монет в течение 9 лет, в сферу обращения поступило количество денег, во много раз превосходившее потребность в денежных знаках, соответственно состоянию товарного рынка.

3

В исторической литературе в течение долгого времени, начиная от первой работы А. Брикнера о медных деньгах, господствовало

[1] Прик. дела ст. лет, 1655 г., № 37, л. 104.

[2] Сибирский приказ, сп. № 621, л. 5—8.

[3] Разрядный приказ, Белгородский стол. ст. № 769, л. 214—215.

[4] Разрядный приказ, Денежный стол, кн. № 323.

мнение, согласно которому медные монеты Алексея Михайловича рассматривались как кредитные деньги. Ошибочность этого представления выяснили И. Кауфман[1] и М. Н. Покровский.[2] Основным признаком кредитных денег являются их разменность на серебряную или золотую валюту. Кроме того, выпуск кредитных денег предполагает существование банка, занимающегося эмиссионными операциями, которого в Московском государстве XVII в. не было. „Кредитные деньги предполагают условия, которые нам, пока мы остаемся в пределах простого товарного обращения, еще совершенно неизвестны".[3] Медные монеты Алексея Михайловича были выпущены правительством как заместители серебряных монет того же веса и достоинства и обладали тем же символическим характером, как и позднейшие неразменные бумажные деньги. В силу этого они являлись металлическими денежными знаками с принудительным курсом. Поэтому денежную реформу Алексея Михайловича совершенно неправильно часто сравнивали с предприятием Джона Ло во Франции.

Устойчивость курса медных денег определялась, с одной стороны — их положением как платежного средства, с другой стороны — общим количеством медных денег, поступавших в сферу обращения. Как правильно отметил еще А. Брикнер, само правительство, выпуская медные деньги, поставило их в особые условия по сравнению с серебряными деньгами старого чекана. Прежде всего, новая денежная система вводилась исключительно для внутреннего обращения в европейской части государства. Закон категорически воспрещал не только пользоваться медными деньгами при торговых сделках с иностранцами, но и обращение их в Сибири.[4]

Первое запрещение было вызвано желанием воспрепятствовать вывозу серебра за границу и ввозу поддельных медных монет, что не представляло особых затруднений при примитивной технике чеканки. Спекуляция иностранных купцов медными деньгами нанесла бы серьезный ущерб русскому купечеству, как это в действительности и произошло. Запрещение вывозить медные деньги в Сибирь объяснялось опасением, что торговые люди будут скупать на медные деньги пушнину у туземного населения в ущерб казенным операциям и интересам „государевой казны".

[1] И. Кауфман, ук. соч., стр. 106.
[2] М. Н. Покровский. Русская история, т. II, стр. 198 (изд. 1933 г.).
[3] К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 75 (8-е издание).
[4] Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 289.

Особое значение для новых монет имели те ограничения, которые касались их функции в качестве платежного средства. Хотя в первых указах по поводу выпуска этих денег предписывалось принимать новые серебряные и медные монеты как при погашении казенного долга, так и при уплате всяких пошлин и налогов, [1] но очень скоро правительство стало отдавать при платежах явное предпочтение серебряным деньгам и, в особенности, серебряным мелким деньгам старого чекана. В октябре 1655 г. Можайский таможенный и кабацкий голова донес, что служилые люди, проезжавшие из полков через Можайск, давали на кружечном дворе за вино и пиво исключительно медные деньги „нового государева московского клейма". Между тем, к прошлому голове были присланы грамоты из Устюжской четверти, по которым „на питье медных денег и серебряных ефимок и четвертей имать не велено", но служилые люди этих грамот не слушали и требовали нового государева указа. В первоначальном проекте ответа (по докладу окольничему кн. Д. С. Великого — Гагину) предлагалось принимать на кружечном дворе деньги „нового клейма" „по рассмотренью у ково доведетца, буде у ково дробных денег не будет". В черновом отпуске ответной грамоты это неясное предложение, дававшее большой простор для толкования, получило более определенную форму: новые серебряные и медные монеты можно было принимать „по рассмотренью у ково доведетца по нашему указу" только у служилых людей, ехавших из полков; у всяких остальных — „можайских жилецких и уездных и всяких чинов людей" — надлежало брать исключительно „дробные серебряные деньги старого нашего московского клейма". [2]

Следует думать, что подобные ограничения в приеме новых денег коснулись и других городов. Поэтому в этих мероприятиях можно видеть подготовку общего указа об ограничении приема новых денег. Действительно, в декабре 1655 г. последовал указ, согласно которому за прошлые годы до 164 г. „государевы долговые деньги" надлежало собирать мелкими серебряными деньгами. Это первое общее ограничение новой денежной системы как средства платежа произошло всего через полтора года после начала монетной операции. [3] В июле 1656 г. была послана грамота таможенному

[1] Прик. дела ст. лет, 1650 г., № 50, л. 63—65.

[2] Прик. дела ст. лет, 1650 г., № 50, л. 63—65.

[3] „В нынешнем 164-м году указал государь (титул) на Москве и в городех имать в свою государеву казну у всяких чинов людей за свои го-

голове в Бежецкий Верх о сборе таможенных пошлин двумя долями серебряных монет (старого чекана и новыми — ефимками „с признаками" и четвертинами), и только одной долей — медными (полтинниками, алтынниками, грошевиками и мелкими медными деньгами).[1] Серебром собирались „полоняничные деньги".[2]

Таким образом, уже с конца 1656 г. правительство, ограничивая некоторые функции новых денег, в особенности медных, делает первые шаги к тому, чтобы выкачать из обращения серебро. Одна из причин заключалась, повидимому, в стремлении населения возвратить возможно скорее медные деньги обратно в казну при разного рода платежах. Например, в конце октября 1655 г. таможенный и кабацкий голова Можайска доносил, что „торговые де люди со всяких товаров за пошлины платят все медные деньги, а серебряных денег за пошлины не взято ни единые деньги". С другой стороны, к этому же побуждал продолжавшийся недостаток в серебре, необходимом для иностранных платежей и некоторых расходов на театре войны. Кроме того, около этого времени устраиваются новые денежные дворы в Новгороде и Пскове и происходит значительное увеличение выпуска медных денег. В этих условиях, совместное обращение с медными деньгами серебряных монет теряло экономический смысл, тем более, что и помимо правительственных мероприятий, серебро стало исчезать из обращения, откладываясь в сбережениях монастырей, крупных светских землевладельцев и купцов.

Следующим шагом по пути к замене трех различных денежных систем (старых серебряных мелких денег, новых серебряных монет

сударевы долговые деньги и за товар, которые имали в нынешнем во 164-м году, также и за кабацкое питье и за всякие таможенные и мытные пошлины ефимками и четвертинами и медными полтинниками и полуполтинниками и алтынниками и грошевиками и мелкими деньгами по своему государеву указу по той же цене, почему даваны из ево государевы казны. А за прошлые годы свои государевы долговые деньги указал, государь, в свою государеву казну имать мелкими серебряными деньгами и о том, из приказа своей государевы Большие казны указал государь послать во все приказы памяти, чтоб ево государев указ был ведом". Текст указа позволяет думать, что это было первое по времени ограничение в приеме денег нового чекана за подати и пошлины (Прик. дела ст. лет, 1650 г. № 50). Подтверждение этого указа мы находим в памяти, посланной 3 марта 1656 г. Вятскому таможенного и кружечного дворов голове (А. А. Э., т. IV, № 90). На основании этой памяти А. Брикнер ошибочно относил начало денежной реформы к 1656 г.

[1] А. А. Э., т. IV, № 93.

[2] Прик. дела ст. лет, 1659 г. № 129, л. 171.

пониженного веса и медных монет с принудительным курсом) одной системой медных денежных знаков был принудительный обмен новых серебряных монет (ефимков и четвертин) на медные деньги. В феврале 1659 г. в Новгород был послан указ о приеме в казну ефимков и четвертин с признаками с выдачей за них денег по указной цене (21 алт. 2 д. за ефимок и по 8 алт. 2 д. за четвертину). На основании этого указа из Новгорода была послана отписка в Тихвинский монастырь, в которой предлагалось все привезенные четвертины и ефимки менять в таможне на медные деньги.[1] Если редакция этого указа еще может оставлять сомнение, насколько обязательна была сдача серебряных денег нового чекана, то распоряжение, данное Разрядному приказу 18 апреля этого же года, этих сомнений больше не оставляет: торговые, посадские и уездные люди должны были везти ефимки и четвертины в Москву и сдавать их в приказ Большой казны, получая за сданное серебро по указанной цене мелкие медные деньги.[2] В записках Мейерберга имеется очень интересное указание на то, как обмен серебряных монет на медные окончательно подорвал доверие населения к последним и повлек установление большого лажа: один дукат стали покупать за 10 медных рублей.[3]

Исчезновение серебряных монет из обращения должно было произойти, согласно закону Грэшама, и без описанных выше мероприятий, подрывающих у населения доверие к медным деньгам. То явное предпочтение, которое оказывало правительство серебру, только ускоряло этот процесс.

Как мы видели выше, население встретило появление медных денег с недоверием, потребовавшим от правительства выпуска специальных указов с угрозами применять строгие репрессивные меры. Новая денежная система вводилась в обращение с большими труд-

[1] А. А. Э., т. IV, № 110.

[2] Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 312, л. 87. Память в Разрядный приказ к окольничему И. А. Гавреневу с дьяками подписана дьяком Иваном Патрикеевым. Черновые отпуски грамот об обмене серебряных денег на медные, посланные в разные города Разрядом там же, л. 88—90, 93, 194—196 и 213—214.

[3] „Attamen cum Aula hâc commodidate haud contenta, avida insuper aurum omne, et argentum ad se attrahendi homines subornaret, qui aureos, et argenteos nummos pro cupreis, quos eis subministrabat, maximo addito collybo commutarent, animadvertens populus, quod illa monetam suam parvi faceret, minoris ipse fecit, ita ut unicum ducatum decem aereis rublis tandem redimeret“ (Mayerberg. Iter in Moscoviam, стр. 92).

ностями. Еще в конце 1656 г. голова кружечного двора в Бежецком Верхе доносил, что крестьяне („уездные люди“) не принимали медных денег за хлеб, дрова и разный запас.[1] Примером враждебного отношения к новым деньгам со стороны посадского населения может служить следующий разговор, подслушанный в Калачном ряду в Устюжне Железопольской 1 июля 1656 г. Сотский Трофимко Новиков говорил Ваське Домаснину: „что де ты промыслом и мельницею меня лутше и богатее и с весны де твоя мельница одна молола и денег де он много вымолол“. На это Васька Домаснин ответил: „есть де у меня денег ста три и те де деньги мне протягать и бранил их матерны“.[2] Утверждение Котошихина, что мелкие медные деньги ходили „многое время с серебряными заровно и возлюбили те деньги всем государством, что всякие люди их за товар принимали и выдавали“[3] требует значительного корректива. Однако следует признать, что сообщаемый им факт относительной стабилизации медных денег в течение 1655—1658 гг., выражавшийся в отсутствии лажа между медной и серебряной денежными системами, верен. Объясняется это тем, что в этот период медные деньги на основной территории страны выполняли функцию орудия обмена, без которого не могло обойтись товарно-денежное обращение. Кроме того, основной поток медных денег направлялся в места расположения московских войск на Украине и Белоруссии. Поэтому, на театре военных действий и в ближайшей прифронтовой полосе медные деньги очень быстро стали единственной денежной системой, совершенно вытеснив серебряные деньги как старого, так и нового чекана. На остальной территории медные деньги проникали в обращение медленнее, и такого быстрого вытеснения ими старых серебряных денег мы не замечаем. Например, из числа 2000 руб. таможенных и кабацких денег, собранных в Соли Вычегодской, на посаде и в уезде, в 1658—1659 г., было серебряных 1300 руб. и медных 700 руб.[4] Медные деньги составляли в этом случае 35%.

К сожалению, трудно установить, насколько обращение медных денег в этот период времени отразилось на рыночных ценах. Хотя в течение 1654—1658 гг. можно не один раз отметить повышение цен на хлеб, соль и прочие продукты питания, но дороговизна

[1] Прик. дела ст. лет, 1657 г., № 151, л. 128—129.
[2] Там же, 1650 г., № 50, л. 271.
[3] Котошихин, указ. соч., стр. 100.
[4] Прик. дела ст. лет, 1659 г., № 111, л. 217.

могла произойти и по другим причинам — вследствие страшного опустошения, произведенного чумой, уменьшения населения, реквизиции хлеба для нужд армии и, наконец,— ряда неурожайных лет. Во всяком случае, в эти годы „хлебная дороговь“ еще не приняла таких катастрофических размеров, как это случилось в 1662—1663 г.

Критический перелом в обращении медных денег произошел в конце 1658 или в начале 1659 г. Он выразился в появлении лажа на медные деньги, сначала небольшого, потом быстро возраставшего. Одновременно с увеличением лажа происходил рост цен, особенно значительный на хлеб. На рынке образовались две цены — на „белые“ и „красные“ деньги. Затем стал обнаруживаться все больший недостаток в основных продуктах питания. Наконец, в 1662—1663 г. разразилась настоящая финансовая катастрофа, до основания потрясшая всю экономическую систему государства.

Кризис медной валюты произошел прежде всего на Украине, на театре военных действий и в ближайшем тылу московских войск. Начиная со второй половины 1658 г., на Украине обстановка складывалась неблагоприятно для московского правительства. Осенью 1658 г. произошла измена Выговского. Один эпизод, предшествовавший враждебным действиям Выговского против московских войск, показывает, что среди других причин недовольства Москвой известную роль могли сыграть и медные деньги. На съезде полковников в Корсуни Выговский вынул из кармана медные деньги и бросил их на стол со словами: „хочет нам царь Московский давать жалованье медными деньгами; но что это за деньги, как их брать?“ 28 июня 1659 г. Выговский и Крымский хан разгромили под Конотопом дворянскую конницу Трубецкого. Впечатление от поражения было столь сильным, что в Москве стали спешно укреплять столицу, а окрестное население в панике бросилось под защиту московских стен; царь собирался уехать за Волгу. Ожидавшийся поход на Москву не был предпринят, и хан вскоре ушел в Крым, оставив на Украине около 15 000 татар. Московские войска вновь захватили потерянную территорию. В конце этого года на Переяславской раде было заключено соглашение с новым гетманом Юрием Хмельницким. [1] В начале 1660 г. Юрий Хмельницкий и „все войско запорожское“ подали жалобу на то, что московские торговые люди не принимают у жителей медных денег, а ратные люди в черкасских

[1] С. Соловьев. История России, кн. III, стр. 11—49.

городах все берут без денег.[1] Таким образом, в это время положение медной валюты на Украине делается очень неустойчивым. В украинских городах, занятых московскими войсками, население вследствие недостатка мелких серебряных денег торговало на литовские деньги.[2]

На неустойчивость медных денег должны были еще больше повлиять военные события в течение второй половины 1660 г. и в следующем году. Осенью 1660 г. соединенные польско-татарские силы нанесли несколько поражений московским войскам, а в октябре Юрий Хмельницкий с запорожскими казаками перешел на сторону Польши. Вскоре затем произошла полная капитуляция всей 60-тысячной московской армии Шереметева под Чудновым. Путь на Москву снова был открыт. В панике царь предполагал бежать в Ярославль или Нижний-Новгород. В столице опасались восстания низших слоев посадского населения. Некоторый политический успех Москвы заключался в избрании в Правобережной Украине вместо Юрия Хмельницкого нового гетмана — полковника Якима Самко.

В следующем году положение на театре военных действий продолжало оставаться очень напряженным. Однако, если фронт московских войск на Украине был поколеблен, то и поляки не сумели воспользоваться результатом военных побед. В начале 1661 г. отдельные казацкие, татарские и польско-литовские отряды сделали слабые попытки наступления на Козельцы, Остров и Нежин. Но это наступление, отбитое малочисленными и деморализованными московскими войсками, носило скорее характер стратегической разведки. Основные силы польской армии не только не произвели общего наступления в сторону по существу беззащитной столицы, как этого опасались в Москве, но неожиданно очистили левобережную Украину и отошли на линию коронных польских городов. Причина полного отсутствия активности и инициативы, а затем и отступления, несмотря на благоприятное военное положение, заключалась в тяжелом внутреннем положении Польши и в отсутствии средств на ведение войны. Польские полки на Украине, не получавшие жалованья, отказались воевать и самовольно бросили фронт.

[1] Разрядный приказ, Белгородский стол, ст. № 806.

[2] Об этом сообщили в Москву из Лебедина. Разрядный приказ, Белгородский стол, ст. № 465.

Таким образом, на украинском театре военных действий московские войска получили некоторую передышку. Но в Белоруссии и Литве военные действия продолжались с неблагоприятным для Москвы результатом. Осенью 1661 г. литовские войска под начальством Жеромского нанесли поражение при Кушликах Хованскому и Ордын-Нащокину: из 20 000 русских спаслось не более 1000 человек. Были потеряны Гродно, Могилев и Вильно.[1] На всем этом фронте московские войска перешли к обороне. Уже в 1661 г. московское правительство убедилось в невозможности продолжать войну и начало мирные переговоры. По существу оба противника были совершенно истощены.

Трудность положения московского правительства заключалась не столько в военных неудачах 1659—1661 гг., сколько в нараставшем экономическом и финансовом кризисе, особенно быстро развивавшемся на театре военных действий. Если у польского правительства нехватало денег на содержание армии, то московское правительство встретилось с неменьшими затруднениями в виде обесценения всей денежной системы. В 1661 г. во многих местах на Украине медные деньги совершенно перестали приниматься, а население перестало подвозить продукты в места расположения войск. В январе 1661 г. солдаты, рейтары и стрельцы, стоявшие в Могилеве, подали челюбитье на местных мещан, которые отказывались торговать на медные деньги: „...и мы от их мещан, — писали челобитчики, — от такого бунтовства в конец погибаем голодною смертью". Вскоре после этого, 1 февраля, могилевские мещане действительно захватили город, выбив из него московский гарнизон.[2] В апреле подобная же жалоба поступила от стрельцов, находившихся в Белом. И там крестьяне прекратили подвоз продуктов в город, а в уезде ничего не продавали на медные деньги.[3] Этих примеров можно было бы привести очень много. Наблюдались случаи, когда крестьяне в районе расположения армии зарывали хлеб в ямы и жгли солому.[4]

Наступивший голод при плохом снабжении и отсутствии возможности лично закупать нужные продукты оказал разлагающее влияние на московские гарнизоны украинских городов, большинство которых быстро потеряло боеспособность. Ратные люди,

[1] С. Соловьев. История России, кн. III, стр. 84—116.
[2] Акты Московского государства, т. II, № 338.
[3] Там же, № 383.
[4] Разрядный приказ, Севский стол, № 151.

„помирая с голоду", бросились грабить городское и сельское население. Уже в конце 1661 г. московский фронт на Украине стал фактически распадаться. Солдаты, рейтары, стрельцы и казаки бросали полки, которые быстро таяли в своем численном составе. 23 мая 1661 г. из Смоленска в Невель пришел отряд под начальством капитана Якова Хлевинского, численностью в 200 солдат. Несмотря на то, что солдатам выдавалось по 2 алтына в день человеку, уже к ноябрю сбежало 85 человек, что составляло более 40%. В это время в Невеле с трудом можно было купить четверик ржи за 7 рублей. В этом же году кн. Д. Барятинский, отвозивший хлебные запасы из Смоленска в Быхов, следующим образом описал кн. П. Долгорукову положение в Быхове: „быховские солдаты от наготы и от босоты и от большие нужи и от хлебные скудости покиня Быхов, хотели с ним князь Данилом итти в Смоленск, а говорили, что им в Быхове за большою скудостью сидеть никоими обычаи не мочно, и он де князь Данило их уговорил, что б они Быхова не покинули и в Смоленск не ходили". Кн. Петр Долгоруков, находившийся в это время в Смоленске, опасался, что Быхов останется без гарнизона.[1] В Нежине кн. С. Шаховский был принужден раздать стрельцам всю имевшуюся у него серебряную казну и сверх этого, чтобы ратные люди „не померли с голоду", занять у нежинского полковника Василия Золотаренко 400 рублей мелкими серебряными деньгами. В марте 1662 г. солдатского строя полковник Исаак Хомяков доносил, что солдаты его полка разбежались и у него от полка осталось всего около 250 человек.[2] В Переяславле также сделали попытку удержать солдат выдачей серебряных денег, после чего переяславские жители окончательно перестали продавать что-либо на медь. Переяславские казаки, мещане и все жители били челом, что у них „нужда большая и помирают голодною смертью и соли купить им нечем." Они просили прислать в Переяславль денежную серебряную казну, а медную—„отставить". 26 мая 1662 г. кн. В. Волконский сообщал из Переяславля, что оттуда бежали „все без остатку" солдаты полка Дирика, а 28 мая также все сбежали „без остатку" солдаты полка Ивана Загеря. Вместе с солдатами бежали из этих полков майоры, полковники и все начальные люди.[3]

[1] Разрядный приказ, Севский стол, ст. № 151.
[2] Там же.
[3] Там же, Белгородский стол, ст. № 468.

Осенью 1662 г. было подано большое число челобитий из полков, входивших в состав армии кн. Г. Г. Ромодановского. Солдаты всех пеших солдатских полков, указывая на свои военные заслуги, жаловались на полное обнищание: „... и будучи мы холопи твои, на твоей великого государя службе в черкасских городех в беспрестанных и беспокойных походах на украинных службах обедняли и одолжали великими долгами и лошатьми опали и домишка наши без нас в конец разорились и многия, государь, наша братья, будучи на твоей, великого государя, службе в черкасских городах плачишка и кляченки отдают на запас за безценок, потому что в черкасских городех медных денег отнют ни за что не емлют, а твоего великого государя денежного кормового жалованья серебряных денег нам, холопем твоим, не дают". В октябре такое же челобитье подали все рейтары и казаки. С подобной же жалобой выступил Острогожский полк Ивана Дзинковского (полковые казаки и черкасы разных городов) вместе с самим полковником. Как известно, полк Ивана Дзинковского впоследствии принял активное участие в восстании Разина. Сам кн. Г. Г. Ромодановский, командовавший армией, должен был подтвердить справедливость этих жалоб: „... николи, государь, твои великого государя ратные люди таковы нужны и без конны и без запасы не бывали, медные деньги в черкасских городах ни за што не емлют, а твоей, великого государя, денежной казны и медных денег у нас, холопей твоих, ныне нет".[1] Между тем, как указывалось выше, в армию кн. Г. Г. Ромодановского в течение года, с 22 ноября 1661 г. по 26 октября 1662 г. было отослано 510 000 рублей медными деньгами.

Рассмотренные формы проявления недовольства в армии носили более или менее пассивный характер. Но в отдельных случаях в 1662 г. оно принимало более угрожающие размеры. Весною этого года двусмысленное поведение гетмана Самко заставляло опасаться его перехода с украинскими казаками на сторону Польши. Вскоре после его избрания наказным атаманом правительство удовлетворило его просьбу и обменяло медные деньги на серебряные. Но для дальнейших расплат серебряного фонда не было, и жалованье во всей армии, в том числе и украинским казакам, стали опять выдавать медью. Серебряные деньги присылались, в небольшом количестве, исключительно для расходов на тайную разведку в тылу неприятельского фронта.

[1] Разрядный приказ, Белгородский стол, ст. № 769.

11 мая 1662 г. в Переяславле, где находилась главная квартира московской армии, рейтары, солдаты, драгуны и донские казаки „били челом“ о „денежном жалованье о серебряных деньгах“, жалуясь на то, что медные деньги переяславские жители и уездные крестьяне „ни за какие харчи не берут“. Тогда воевода кн. Вас. Волконский послал за гетманом Якимом Самко и полковниками, приехавшими с ним в Переяславль, и говорил им, что ратные люди „помирают голодною смертью“, предлагая положить „цену“ медными деньгами, „чтоб в том спору не было.“ Самко отвечал: „воля де в том твоя, великого государя, вели у нас и город принять своим государевым ратным людем, а их з женами и з детьми по местечкам выпустить, а тебе великому государю учнут без ызмены служить, а на медные деньги торгу у них не будет де“. Полковники поддержали атамана, отвечая, что у них „ни в которых городех торгу не будет и цену тем медным (деньгам) положить не уметь“. Самко со всеми своими конными и пешими полками, насчитывавшими около 10 000 человек, стал лагерем на берегу Днепра в пяти верстах от Переяславля. После этого московские ратные люди „всеми полками“ приходили к воеводе „гилем“ и говорили „з большим шумом“, грозя, в случае неуплаты жалованья серебряными деньгами, взять знамена и итти к государю в Москву. Драгуны эскадрона Юрья Шметя и солдаты эскадрона Якова Грабленого грозили еще более определенно: „мы де и преж сего с службы ис Куконауса пошли со всеми знамены к Москве и нам де твоего государева два жалованья дано и посланы де мы в иную службу; так и ныне учиним“.[1]

Под влиянием тревожных сообщений с войны из Москвы было велено кн. Григорию Ромодановскому тотчас же двинуться с войсками из Белгорода в черкасские города. Последний также доносил

[1] Разрядный приказ, Белгородский стол, ст. № 475, л. 539—543. Кукенаус (Кокенгаузен) был взят русскими войсками в 1656 г. Имеется в виду самовольный уход русского отряда из крепости. Об этом эпизоде сообщается и известном челобитье рейтара С. Пушечникова на белевца Т. Мезенцева, поданном 27 июля 1663 г.: „... Да, в прошлых годех, как вышли самовольствам солдаты из Каканауса, 700 человек, покиня в твою казну и в полку воеводу, и про то мне того полку солдаты сказывали Родион Комарев да Дементий Стародубцов, что он клятвопреступник бунт тот заводил и бунтовую челобитную им составил и думал с ними многое время как отойти самовольством без твоего указу и без отпуску“ (Акты Московского государства, т. III, № 632).

о затруднениях, связанных с медными деньгами, и просил прислать соболиную и серебряную ефимочную казну.

Таким образом, весною 1662 г. на театре военных действий происходит быстрая деморализация московских войск. Появляется угроза военного бунта.

Как отмечалось выше, падение ценности медных денег на основной европейской территории государства не носило такого катастрофического характера, как в Украине и Белоруссии. В течение 1654—1658 гг. здесь наблюдается некоторое равновесие, поколебавшееся в конце 1658 г. Но даже и в следующем периоде 1659—1663 гг., несмотря на появление лажа между серебряной и медной валютами и возрастание рыночных цен, падение медной денежной системы происходило без резких скачков, хотя и с заметным ускорением с начала 1662 г. Разница в положении денежной системы на театре военных действий и в ближайшем тылу московской армии по сравнению с положением ее в центральных и северных уездах, относительно которых мы располагаем более полным материалом, объясняется, с одной стороны, тем, что на основной территории страны медные деньги вливались в обращение относительно небольшими суммами, и с другой стороны, — отсутствием той напряженной политической обстановки, которая создалась в результате ряда военных неудач и враждебного отношения к московской власти со стороны населения завоеванных украинских и литовских городов. Наконец, для центральных и северных уездов известную роль в устойчивости денежной системы играл более оживленный рыночный обмен, в то время как на территории, захваченной войной, торговля почти совершенно прекратилась.

Заметное повышение хлебных цен в результате падения покупательной способности медных денег произошло в городах основной европейской территории государства в конце 1658 или в начале 1659 г. В качестве примера приведем Вологду, относительно которой мы располагаем сведениями о хлебных ценах с некоторыми перерывами за 17 лет (1646—1663). В течение десятилетия 1646—1656 (154—164) гг. стоимость одной четверти ржи колебалась в пределах 12—15 алтын. Но уже в декабре 1658 г. четверть ржи на торгу покупали по 26 алт. 4 д. Выборные посадские люди, которые должны были закупить хлеб на государя, жаловались на отсутствие привоза: „на Вологде на площади с осени и по се время хлеба ржи ставитца мало и возового привозново нет и купить нечево, а что бывает в привозе ржи по осмине и по четверти

и на тот мелкий привоз купцов много". В ноябре 1661 г. старцы Устюжского Архангельского монастыря продавали в Вологде рожь по $2^1/_2$ руб. и по 2 руб. 20 алт. четверть. В 1662 г. по показанию Вологодского стряпчего цена хлеба (к сожалению, не указан месяц) дошла до 8 руб. 13 алт. 2 д.[1] 13 января 1663 г. четверть ржи в Вологде покупали по 24 руб., что приблизительно в 50 раз было выше обычной стоимости.[2]

Такой же быстрый рост цен на основные продукты питания, но в особенности на хлеб, мы встречаем и в других городах в этот же период времени. В Ржеве Володимирове в конце 1660 г. четверть ржи стоила больше 6 руб. Ржевский воевода доносил о бедственном положении посада: „а жилецкие, государь, всяких чинов люди бьют челом тебе государю, что от хлебные великие дороговизны помирают голодною смертью и бредут розно".[3]

В Соли Вычегодской осенью 1661 г. на площади рожь покупали по 1 руб, 26 алт. 4 д. четверть.[4] Приблизительно в это же время четверть ржи в Вязьме в земскую меру стоила 16 руб.[5] В Новгороде летом 1662 г. четверть ржи стоила 50 руб.[6] Таким образом, наблюдается не только резкое повышение цен, но и большая разница в них для различных уездов и городов. В особенно тяжелом положении оказались города, питавшиеся привозным хлебом из других уездов (часть замосковных городов, в том числе сама Москва, некоторые западные города, Новгородская область и Поморье). С конца 1661 г. цены на сельскохозяйственные продукты изменялись каждый месяц. Следующая таблица содержит данные об изменении цен на рожь, пшеницу и гречневую крупу на московском рынке

[1] Прик. дела ст. лет, 1652 г., № 107, ч. I, л. 15—259, и ч. II, л. 22 и 50. Интересные сведения о ценах на рожь, пшеницу, овес и соль в 1660—1663 гг. приведены в статье „О существовавших в Вологде ценах на хлеб и другие припасы в XVI и XVII столетии" (Вологодские губернские ведомости, часть неофициальная, 1851 г., № 15). Этими сведениями воспользовались Н. Суворов (О финансовом кризисе в России 1659—1663 гг.) и А. Брикнер (ук. соч.). К сожалению, эти цифры вызывают некоторое сомнение, так как они значительно расходятся с известными нам данными, содержащимися в архивных материалах в качестве официальных справок о ценах на вологодском рынке.

[2] Прик. дела ст. лет, 1652 г., № 107, ч. II, л. 168—169.

[3] Там же, 1660 г., № 104.

[4] Там же, 1661 г., № 99.

[5] Там же.

[6] Там же, 1662 г., № 33, л. 357.

в течение $2^1/_2$ месяцев с конца ноября 1661 г. до середины февраля 1662 г. по данным Московской померной избы:[1]

	27 ноября 1661 г.	21 января 1662 г.	28 янв.	13 февр.
Мука пшеничная . .	9 р. —	13—15 р.	—	15—16 р.
Добрая пшеница . .	—	13 р.	12 р.	14 р.
Мука ржаная . . .	8 р. 5 ал. 2 д.	13 р.	12 р. 26 ал. 4 д.	14 р.
Крупа гречневая . .	8 р. 26 ал. 4 д.	12 р.	11 р.	12 р.

Приведенные московские цены были выше соответствующих цен Вологды и Соли Вычегодской. Данные о состоянии московского хлебного рынка в начале 1662 г. особенно интересны тем, что показывают, в каком исключительно тяжелом положении должны были находиться низшие слои посадского населения накануне восстания 25 июля этого года, когда цены на хлеб и другие продукты должны были подняться еще выше.

Высокие цены на сельскохозяйственные продукты в 1661—1663 гг. объясняются падением денежной системы, так как по согласному свидетельству разных источников урожай в эти годы, за некоторым может быть исключением, был хороший. Однако, несмотря на то, что на полях находился „стоячий сухой хлеб", а в житницах имелись запасы еще прошлогоднего урожая, крестьяне не только не везли хлеба и других продуктов на городские рынки, но и неохотно продавали их в своих деревнях. Поэтому на рынке сельскохозяйственных продуктов создался большой разрыв между спросом и предложением, повлекший дальнейшее быстрое увеличение цен.

Если в Украине и Белоруссии отказ от приема московских медных денег шел преимущественно со стороны торговых городов и местечек, то на рассматриваемой основной территории этот процесс начался в деревне. На основании источников можно установить, что уже в 1661 г. учащались случаи отказа со стороны крестьян в приеме медных денег. В 169 г. (1660—1661) тотемские земские целовальники и все посадские люди жаловались, что важские крестьяне не принимают „медных дробных денег". Тогда на Вагу из приказа Большого дворца была прислана грамота, чтобы „важские крестьяне за хлеб и за всякие товары медные деньги брали". Но крестьяне „учинились непослушны". В 170 г. (1661—1662) голова тотемского кружечного двора сообщал, что крестьяне Тотемского уезда и из других городов совсем прекратили подвоз хлеба.

[1] Н. Оглоблин. Московская померная изба (Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1889 г.).

На торгу покупали хлеб очень дорого „да и купить... нечево и то промеж себя делят по получетверики и по четверику“. Крестьяне Кокшенской и Верхневажской четвертей Важского уезда требовали за хлеб серебряных денег. Такие же сведения поступали из Соли Вычегодской: Крестьяне Устюжского и Усольского уездов отказывались продавать рожь и ячмень.[1]

Вследствие отсутствия подвоза, посадское население испытывало острый недостаток в хлебе. Голодные жители бросились в поисках хлеба в соседние уезды. На этой почве быстро развивалась спекулятивная торговля, стремившаяся использовать разницу цен. Местные воеводы и таможенные и кабацкие головы, опасаясь, что в их уездах приезжие „выкупят“ хлеб, устроили по собственной инициативе во многих местах заставы и запретили вывоз хлеба. 15 октября 1660 г. по государеву указу было велено послать грамоты во все украинские города с запрещением продавать хлеб в деревнях в отвоз. Крестьяне должны были везти „продажный хлеб“ в города и продавать тем, кто покупает хлеб „про свою нужу“. Крестьяне подмосковных уездов, Мценского, Ефремовского и др. обязывались по зимнему пути везти хлеб на продажу в Москву.[2]

Однако эти мероприятия не могли остановить ни роста хлебных цен, ни наступающего голода. Донесение ряжского воеводы хорошо рисует полную беспомощность местной власти при осуществлении этого указа: „...и ряского, государь, уезду всяких чинов люди чинятца твоему, великого государя, указу непослушны, в ряской ноября по 18 число хлеба никакова продажнова не приваживали и в таможне целовальникам не объявливали; а продают де торговым людем кадашевцам и сыплют у Троицы в онбары, а то троецкое село ведает голова Поплевинских сел Артемей Жмакин, и те, государь, Поплевинских сел казаки твоему, великого государя, указу во всем непослушны, а говорят у нас де в Поплевине свои указы.“ [3]

Отказ крестьян принимать медные деньги, нам кажется, объясняется тем, что вследствие ослабления рыночных связей между городом и деревней и роста цен на городском рынке на товары, покупавшиеся крестьянами, хранение денежных сбережений делалось

[1] Прик. дела ст. лет, 1662 г., № 115, л. 41—43 и 180—187.

[2] Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 953, л. 84. Указ об этом в Разряде был сказан думным дьяком Семеном Заборовским. Отпуски грамот с этим указом находятся в Разрядном приказе, приказного стола ст. № 346, л. 259—261.

[3] Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 953, л. 133—134.

очень невыгодным. Трагическое положение крестьян, зарывших медные деньги в землю, описывает Мейерберг: „а так как деревенские жители, да и сами дворяне, живущие в своих деревнях и поместьях, обыкновенно зарывают свои нажитые деньги в землю в лесах и полях, по обычаю, заимствованному от предков, то когда в случае надобности, или из любопытства, выроют их, то с воем находят все эти медные деньги изъеденными ржавчиной от сырости земли и больше уж не годными ни к какому употреблению".[1] Крестьяне, постоянно занимавшиеся торговлей, пускавшие наличные деньги в оборот, были в относительно лучшем положении.

В отличие от деревни, где в 1660—1663 гг. в ряде случаев медные деньги перестают служить орудием обмена, они сохраняют эту свою основную функцию в сфере товарно-денежного обращения среди торгового посадского населения. Городской рынок не мог обходиться без денежных знаков, хотя последние перестали быть эквивалентом серебряной денежной системы. Выше мы отмечали, что до 1658 г. на центральной территории государства обращалось еще значительное количество серебряных монет. В рассматриваемый период времени и здесь серебро, за небольшим исключением, исчезает из обращения. В декабре 1661 г. Филимон Акема получил из казны за взятое железо и другие военные материалы 93 000 рублей медью. Значительная часть этих денег была употреблена на покупку товаров (поташ, пенька, смольчуг, юфть).[2] По сохранившемуся отрывку из записей вологодской таможенной книги за январь 1662 г. видно, что сделки совершались почти исключительно на медные деньги, но в отдельных случаях встречались платежи и серебряными деньгами.[3] Нами было рассмотрено значительное количество документов, касавшихся закупок иностранных купцов на внутреннем русском рынке в это время.[4] Большинство сделок также совершалось на

[1] Мейерберг, ук. соч. (русский перевод О. Бодянского), стр. 179.

[2] За поставленное в 170 и 171 гг. в казну железо и „ратные запасы" Филимон Акема по государеву указу в декабре 170 г. должен был получить 59 000 руб. серебром. Вместо серебряных денег ему было велено выдать медными втрое. В счет этой суммы ему было выдано 93 000 руб. медью. По представленной им росписи, составленной по случаю реквизиции у него „указных товаров", им было роздано в задаток и дано вперед за товары в течение декабря—января 170 г. 30 100 руб. медными деньгами. Встречаются единовременные выдачи в 2—4 тыс. руб. (Сиб. приказ, ст. № 667).

[3] Прик. дела ст. лет, 1663 г., № 9, ч. III.

[4] Списки закупленных товаров, с указанием места, времени и цены покупок, были представлены в Сибирский приказ в связи с проведением монополии на шесть „указных" товаров.

медные деньги, причем это касалось как крупных, так и очень мелких покупок. Сделки на серебряные деньги встречаются относительно редко. Вместе с тем, заметно стремление в сделках с русскими купцами перейти на натуральный обмен русских товаров на иностранные. Так, например, пенька обменивается на сельди или камку; деньгами выплачивалась лишь часть стоимости товара. Иногда в договорах на поставку товара точно оговаривалось, в какой денежной системе будет произведена оплата. Например, 28 мая 1662 г. голландец Яков фан-дер-Густ купил у промышленных людей кн. Ю. И. Ромодановского 1000 бочек смольчуга за 1500 руб. Одна треть этой суммы выплачивалась ефимками, одна треть — червонными золотыми и одна треть — медными деньгами.[1]

При сравнении по таможенным записям цен на сельскохозяйственные продукты с ценами на другие товары устанавливается более быстрый рост первых цен. Иностранные товары и товары собственного мелкого ремесленного производства поднялись в цене меньше, чем основные продукты питания, поставлявшиеся деревней.

Разрыв между серебряной и медной денежными системами выразился в это время в появлении лажа, начало которого относится к весне 1659 г., т. е. ко времени возвышения товарных цен. Официальные данные о величине лажа в Москве и в В. Новгороде приведены в таблице на стр. 45.[2] В ней указаны числа медных копеек, соответствовавшие в торговых расчетах, в разные периоды, 100 серебряным копейкам.

Данные о величине лажа в Москве и в В. Новгороде указывают на наличие значительных колебаний в этих городах в одно и то же время, причем лаж в Москве был выше, чем в Новгороде в начале и в конце рассматриваемого периода.

После 1660 г., когда ясно обнаружился кризис медной денежной системы, повышение денежных окладов основных налогов в условиях падающей валюты не достигало цели. Монетная операция переставала служить источником покрытия расходов. В соответствии с общим расстройством товарно-денежных отношений правительству пришлось перевести часть важнейших налогов в натуральную форму и изыскивать другие средства для содержания армии и продолжения войны.

[1] Сибирский приказ, ст. № 602.

[2] Полное собрание законов, т. I, № 339, и Акты Археографической экспедиции, т. IV, № 144.

В Вел. Новгороде		В Москве	
Время	Медных копеек	Время	Медных копеек
1 сентября 1658 г.—1 марта 1659 г.	103	1 сентября 1658 г.—1 марта 1659 г.	104
1 марта 1659 г.—1 сентября 1659 г.	105	1 марта 1659 г.—1 июля 1659 г.	108
		1 июля 1659 г.—1 сентября 1659 г.	110
1 сентября 1659 г.—1 января 1660 г.	108	1 сентября 1659 г.—1 декабря 1659 г.	115
		1 декабря 1659 г.—1 марта 1660 г.	130
1 января 1660 г.—1 мая 1660 г.	112	1 марта 1660 г.—1 июня 1660 г.	160
1 мая 1660 г.—1 сентября 1660 г.	120	1 июня 1660 г.—1 сентября 1660 г.	170
1 сентября 1660 г.—1 декабря 1660 г.	125	1 сентября 1660 г.—1 декабря 1660 г.	180
1 декабря 1660 г.—1 марта 1661 г.	140	1 декабря 1660 г.—1 марта 1661 г.	200
1 марта 1661 г.—1 июня 1661 г.	150	1 марта 1661 г.—1 июня 1661 г.	225
1 июня 1661 г.—1 сентября 1661 г.	170	1 июня 1661 г.—1 сентября 1661 г.	250
1 сентября 1661 г.—1 декабря 1661 г.	350	1 сентября 1661 г.—1 декабря 1661 г.	300
1 декабря 1661 г.—1 марта 1662 г.	600	1 декабря 1661 г.—1 марта 1662 г.	400
1 марта 1662 г.—1 июня 1662 г.	900	1 марта 1662 г.—1 июня 1662 г.	600
1 июня 1662 г.—1 сентября 1662 г.	1100	1 июня 1662 г.—1 сентября 1662 г.	800
1 сентября 1662 г.—1 мая 1663 г.	1100	1 сентября 1662 г.—1 марта 1663 г.	900
		1 марта 1663 г.—1 апреля 1663 г.	1000
		1 апреля 1663 г.—1 мая 1663 г.	1200
1 мая 1663 г.—15 июня 1663 г.	1300	1 мая 1663 г.—15 июня 1663 г.	1500

С целью установить причины дороговизны и наметить мероприятия против роста цен, правительство в течение 1660—1662 гг. провело несколько совещаний с представителями торгового и посадского населения, в которых последние являлись экспертами по важнейшим экономическим вопросам. В 1660 г. в центре внимания на совещании стоял вопрос о росте дороговизны; в 1662 г. — вопрос о возвращении к серебряной денежной системе и о создании необходимого для этого запаса серебра. Изучение материалов совещаний имеет поэтому двойной интерес: с одной стороны, оно устанавливает ту систему практических мероприятий, которую осуществляло правительство в поисках выхода из денежного кризиса; с другой стороны, оно до известной степени раскрывает отношение к этим вопросам со стороны зажиточной части торгового и посадского населения, а также рисует их экономическое положение в годы развития кризиса, вызванного обесценением медных денег.

Первое совещание с представителями привилегированного купечества и торговых людей московских черных слобод состоялось 17 октября 1660 г. Цель совещания была следующим образом формулирована в вопросе, заданном представителям московского торгового населения: „от чего учинилась на Москве и в городех перед прежним хлебом дорогая цена, и чем та дорогая цена мочно переменить, чтоб хлебу учинить цена мерная, чтоб великому государю они раденье свое показали и сказали правду? Также на Москве всякое съестное и скот перед прежним многим учало быть дороже и чтоб сказали, от чего такие цены учинились?“[1] Само правительство предполагало, что причиной повышения цен была спекуляция „закупщиков“. Чтобы увеличить количество хлеба, поступавшего на рынок, оно предлагало совершенно прекратить винную продажу на кружечных дворах. В ответ на сообщение правительства гости и торговые люди гостиной и суконной сотен выставили три причины растущей дороговизны: неурожай, потребление хлеба на винное куренье на кружечных дворах и спекуляцию закупщиков, кулащиков и вязщиков. Ответы представителей черных слобод и сотен коснулись более глубоких причин дороговизны и голода. По их мнению, основная причина недостатка хлеба заключалась в растущем несоответствии между спросом и предложением: уменьшение

[1] Собрание государственных грамот и договоров, ч. 4, № 18.

числа „пашенных людей“ происходило одновременно с увеличением числа тех людей, которые были „хлебу купцы“. Причину уменьшения пашенных людей они совершенно справедливо видели в огромных опустошениях, произведенных чумной эпидемией 1654—1655 гг., а также в наборах даточных людей в армию. В качестве причин увеличения спроса на продажный хлеб они указали на покупку хлеба теми разрядами населения, которые раньше получали хлебное жалованье натурой (стрельцы, дворовые люди „разных чинов“, попы и ружники). Не отрицая роли скупщиков в повышении цен, представители черного посадского населения вместе с тем привели пример, который нельзя было объяснить одной спекуляцией перекупщиков: повышение цен на продукты, привозимые на рынок помещичьими и монастырскими крестьянами. Однако они отказались объяснить причину этого явления, предлагая спросить самих продавцов: „а для чего дорого продают, того они не ведают, а ведают про ту дорогую цену крестьяне, которые хлеб привозят“. В этих ответах представители московских черных слобод и сотен очень близко подошли к вопросу о влиянии медных денег на повышение цен. Но ни само правительство, ни привилегированные купеческие корпорации не сказали ничего о медных деньгах и о падении денежной системы. Однако трудно допустить, чтобы представители черных слобод и сотен не понимали действительного значения падения ценности денег, так как лаж на медные монеты появился за 1—$1^1/_2$ года до этого совещания.

В вопросе о выкуривании вина из хлеба для кружечных дворов представители черного посадского населения дали осторожный и неопределенный ответ, в котором, однако, чувствуется заинтересованность в сохранении торговли вином: „а что на кружечных дворех винную продажу отставить, и от того хлеб дешевле будет ли и они того не ведают, потому что хлеб в божией воле; а о кружечных дворех и о винной продаже для мирской скудости, как великому государю бог известит“. Интересно отметить, что предложение уничтожить продажу вина на кружечных дворах было поддержано гостями, мало заинтересованными в винокурении. Часть представителей черных слобод предложила держать на кружечных дворах небольшое количество вина „для больных и для нужды рожениц“. Однако и это ограничение винной продажи вызвало протест со стороны остальных, присутствовавших на совещании черных посадских людей, которые по этому вопросу „между собою учинили спор“. В заключение они заявили, что сторонниками

ограничения винной продажи были из них только три человека, действовавшие „с ними не по совету".

Отрицательное отношение представителей черного посадского населения Москвы к запрещению или ограничению винного курения может быть объяснено тем, что именно из этой среды выходило большое число поставщиков вина на кружечные дворы. Участники совещания из состава московских черных слобод и сотен, обычно принадлежавшие к числу „лучших людей", представляли высший посадский слой, занимавшийся подрядами и значительными торговыми операциями. Во всяком случае, их ответы нельзя рассматривать как пожелания низшего посадского населения.

Программа, предложенная представителями совещания 17 октября 1660 г. для уменьшения дороговизны, сводилась к следующим основным положениям: 1) выдать стрельцам хлебное жалованье натурой; 2) хлеб на стрелецкое жалованье взять у патриарха и монастырей, а также переписать хлеб у винокуров и 3) принять меры к регламентации московского рынка хлеба и других продуктов питания. В последнем случае предлагалось запретить перекупщикам (закупщикам, вязщикам и кулащикам) в окрестностях Москвы, в расстоянии до 100 верст, скупать продукты в городах и селах и воспретить им покупать продукты у крестьян со стругов и возов до 6 ч. дня.

Мероприятия правительства 1660—1662 гг. почти в точности соответствовали этой программе. Еще за несколько дней до совещания по государеву указу было велено Разрядному приказу послать во все украинные города грамоты о запрещении продавать хлеб в деревнях в отвоз; крестьяне должны были везти „продажный хлеб" из уездов в города и продавать тем, кто покупает „про свою нужу". В ближайших к Москве городах (Мценск, Ефремов и другие) было велено крестьянам „по зимнему пути продажной всякой хлеб весть к Москве".[1] Через год, 23 октября 1661 г., последовал общий царский указ с боярским приговором, имеющий ссылку на челобитье „черных сотен и слобод сотских и старост и всех тяглых людей". По этому указу были посланы

[1] Государев указ об этом сказал 15 октября 1660 г. в Разряде думный дьяк Семен Заборовский (Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 953, л. 84). Сохранились черновые отпуски грамот с этим указом, посланных 17 октября, в день совещания с посадскими людьми, в Тамбов, Козлов, Доброе, Соколье, Воронеж и Усмань (Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 346, л. 259—260).

во все города грамоты о том, чтобы „всяких чинов люди" из понизовых и украинских городов везли хлеб на продажу в Москву и продавали бы „мерною ценою не из больших прибытков"; то же касалось и солеваров и соляных прасолов. Тем торговым людям, кто начнет „цену накладывать высокую и прибыль себе чинить большую" указ грозил торговой казнью „безо всякия пощады". Кроме того, указ касался двух вопросов, не затронутых совещанием: поддельных (воровских) медных денег и поташных и смольчужных заводов.[1]

Нельзя сомневаться в широком распространении в то время фальшивых медных денег, несложная техника чеканки которых при ничтожной стоимости металла по сравнению с номинальной ценностью монеты, являлась большим искушением для фальшивомонетчиков. Как сообщают Мейерберг и Котошихин, в больших злоупотреблениях с медными деньгами были замешаны гости и приближенные царя, в том числе И. Д. Милославский. Однако, как бы ни было относительно велико количество денег, выпущенных фальшивомонетчиками, основная причина падения медных денег заключалась не в появлении „воровских денег", а, как указывалось выше, в несоответствии между номинальной суммой выпущенных медных монет и количеством товаров, обращавшихся на рынке.

В вопросе о производстве поташа указ предписывал уничтожить будные станы в бортных и засечных лесах, оставляя вопрос о будных станах в других лесах до особого указа. Несколько позже, в феврале 1662 г., представители черного посадского населения решительно выступили против распространения производства поташа вследствие того вреда, который наносится сельскому хозяйству.

В соответствии с пожеланиями совещания 1660 г. стрелецкое хлебное жалованье было переведено на выдачу натурой. Впрочем, значительная часть провинциальных гарнизонов, не входивших в состав действующей армии, продолжала получать вместо хлеба деньгами, что вызвало в течение 1661—1662 гг. большое число челобитий о повышении расценки хлеба и о переводе денежного жалованья в натуральную форму. Население платило стрелецкую подать в 170 г. (1661 — 1662 гг.) хлебом. Некоторое количество хлеба, кроме того, было получено путем конфискации части мона-

[1] Акты Археографической экспедиции, т. 4, № 126.

стырских хлебных запасов, что опять-таки указывалось участниками совещания. 24 октября 1662 г. была послана грамота в Новгород о сборе хлеба „для хлебной дороговли ратным людям на жалованье“. Было велено взять из домовых запасов Новгородского митрополита, всех монастырей и у крестьян митрополичьих и монастырских вотчин одну треть хлеба нового урожая, а также старого стоячего и молоченого и яровых — ячменя и овса. При среднем урожае разрешалось брать четвертую долю.[1]

Трудно точно определить тот момент, когда правительство осознало полную неудачу с денежной реформой и решило восстановить серебряное обращение в стране. Косвенными данными для решения этого вопроса могут служить те усиленные поиски серебра, которые настойчиво ведутся приблизительно с конца 1660 г. Первые поиски были направлены за границу. Иностранный заем при удаче мог быть наиболее эффективным средством для быстрого получения более или менее значительного количества серебра. Основное затруднение заключалось в чрезвычайно неблагоприятном экономическом и политическом положении государства. Трудно было допустить, чтобы иностранные правительства или частные фирмы согласились на крупный заем в тот момент, когда московские войска испытали несколько поражений, внешняя торговля падала, а страна постепенно погружалась в хозяйственную разруху.

В 1660 г. за поисками займа был послан за границу Иван Гебдон. Сначала он вел переговоры с бургомистрами Амстердама о займе из городской казны, обещая погодно уплачивать товарами — поташом, смольчугом и пенькою. Потерпев неудачу, Гебдон обратился к голландской фирме Фоглеров и Кленка, которой ему удалось запродать 10 000 пуд. пеньки за 180 000 ефимков и получить в виде аванса половину этой суммы.[2] В 1662 г. не менее усердно добивались займа в Англии московские послы Прозоровский и Желябужский. При переговорах в Лондоне с „королевскими боярами“ они просили дать взаймы 10 000 пуд. ефимков за поставку пеньки и поташа в течение нескольких лет. Учтивый, но отрицательный ответ короля Карла II московские послы передали следующим образом: „Я вседушно бы рад помочь любительному моему брату, да мочи моей нет, потому что я на королевстве внове, ничем не

[1] Приказные дела старых лет, 1663 г., № 9, ч. 1, л. 123—149.

[2] И. Я. Гурлянд. Иван Гебдон, комиссариус и резидент, стр. 20—21, 58.

завелся, казна моя в смутное время вся без остатку разорена, а ныне в большой скудости живу, а как бог даст на своих престолах укреплюсь и с казною сберусь, то буду рад и последнее делить с великим государем вашим". Та же неудача постигла послов и в переговорах с английскими купцами, у которых они просили, также под пеньку и поташ, 31 000 ефимков. Несмотря на уговоры и увещания, купцы и лондонский лендлорд отказали в займе, ссылаясь на большие долги московских купцов англичанам, которые они не могли получить. Гебдон решительно уверял, что нет возможности получить заем за границей: „теперь нельзя давать взаймы; у Архангельска в торгах стали неправда и неповольность; если дать взаймы, то почитай за пропалое. И прежде платеж бывал займам худ, а теперь и спрашивать нечего по нынешним торгам и товарам добывать мне ефимков негде и дела мне до этого нет".[1]

К этому же времени относится проект заведения собственного морского флота и установления непосредственных торговых сношений с теми странами, откуда Западная Европа получала восточные пряности. С этими вопросами обратился в 1662 г. проездом в Англию царский посланник Желябужский к курляндскому герцогу Фелькерзаму. Он убеждал его построить и снарядить для московского царя морской флот, обещая заплатить за это из царской казны. Герцог ответил, что его корабли плавают за пряностями в Индию, но учтиво отказал в постройке русским торгового флота под предлогом, что он обойдется очень дорого.[2] Поэтому он рекомендовал строить корабли у Архангельского города. В проекте создать собственный морской флот можно видеть отражение соответствующих предложений де Грона о морской торговле, поданных царю еще в 1651 г.[3]

В тех же переговорах с курляндским герцогом Желябужский затронул еще один вопрос, очень волновавший в это время Московское правительство, вопрос о разработке серебряной руды. Московский посол просил герцога сказать ему: „где добывать мастеров к серебряным рудам, и где он сам князь руду серебряную добывает?"[4] В Англии Желябужскому дается поручение

[1] С. Соловьев. История России, кн. 3, стр. 528—530.

[2] Там же, стр. 527.

[3] Н. Бакланова. Ян де Грон, прожектер в Московском государстве XVII в. (Ученые записки Института истории РАНИОН, т. 4).

[4] С. Соловьев. История России, кн. 3, стр. 527.

купить „руд всяких“.[1] Разрозненные и всегда неудачные попытки Московского правительства в течение первой половины XVII в. начать добычу серебряной руды вновь оживают в годы денежного кризиса и в последующий ближайший период после возвращения к серебряной денежной системе. Энергичные разведки производил в этом направлении в 1663—1667 гг. Приказ тайных дел.[2]

Ни попытки получить внешний заем серебром, ни поиски в собственной стране серебряной руды, ни, наконец, старания отобрать от населения оставшиеся еще запасы серебряных денег старого чекана — не могли создать того серебряного фонда, который был необходим для возвращения к серебряному обращению. Между тем, к началу 1662 г. усиливавшийся с каждым месяцем финансовый кризис требовал принятия экстренных мер для предотвращения полной экономической катастрофы. Оставалось единственное средство, давно служившее источником получения серебра, — продажа московских товаров за границу на серебряные ефимки. В обычное время серебро поступало главным образом посредством сбора таможенных пошлин и приема в казну от русских торговых людей по установленной расценке иностранных райхсталеров (ефимков), вносившихся в уплату за русские товары. В рассматриваемый период времени не только сократился общий размер внешней торговли, но изменился и ее характер: иностранным купцам было выгоднее покупать русские товары на дешевые медные деньги, чем ввозить собственные товары или расплачиваться серебряной валютой. Кроме того, по показаниям русских торговых людей, иностранцы сами скупали по высокой цене серебряную монету на медные деньги и вывозили ее за границу. Закон, воспрещавший употреблять медные деньги в сделках с иностранцами, фактически не соблюдался в торговле, производившейся во внутренних русских городах. При этих условиях оставалась еще одна возможность для привлечения иностранного серебра — объявление государственной монополии на торговлю с иностранными купцами теми русскими товарами, без которых иностранный рынок не мог обходиться. Временная монополия, коснувшаяся 6 товаров, названных „указными“, была объявлена в феврале 1662 г. К числу этих товаров были отнесены: пенька, поташ, смольчуг, говяжье сало, юфти и соболи.

[1] А. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, стр. 159.

[2] А. Заозерский, ук. соч., стр. 15.

По таблице де Родеса, составленной в 1653 г., 5 товаров, принадлежавших к этому списку (поташ, смольчуг, говяжье сало юфти и соболи), из общей стоимости вывоза в 1 164 667 руб. составляли около половины (643 613 руб. или 55.3%). Если присоединить пеньку, вывозившуюся в большом количестве преимущественно через Новгород и Псков, то удельный вес „указных" товаров должен был подняться еще выше.

Государственная монополия на торговлю с иностранцами шестью „указными товарами" просуществовала до конца 170 г. (до 1 сентября 1662 г.). 27 июня 1662 г. по царскому указу и по боярскому приговору было разрешено со 171 г. торговать этими товарами попрежнему „повольно", исключая „старых указных товаров" 170 г. (т. е. товаров старого производства).[1]

Объявляя монополию на 6 товаров, правительство вводило обязательную их сдачу в государственную казну с выплатой за них медных денег. При этом предполагалось, что собранные товары будут проданы иностранным купцам исключительно на ефимки и серебряные деньги. Так как весь аппарат для проведения этой операции был построен на обычной системе привлечения к обязательной повинности торгового и посадского населения, то казна должна была получить огромный доход серебряной валютой, достаточный для восстановления серебряного обращения в стране.

Монополия государственной торговли „указными товарами", носившая временный характер, дала повод Самуилу Коллинсу, повидимому, не понимавшему смысла этой операции, значительно преувеличить размер царской торговли. „В Архангельск, — сообщает он, — отправляет он (царь) большое количество кож, воску, поташу, пеньки и льну, а получает взамен другие товары, которые раздает подданным..." Московский царь, по его представлению, был „главный торговец во всей России".[2]

В действительности операция с указными товарами 1662 г. и по размеру и по характеру представляет исключительное явление. Ни в предыдущие, ни в последующие годы XVII в. мы не находим аналогичных операций, проведенних в столь широком объеме. Правда, на протяжении этого периода времени можно указать ряд товаров, торговля которыми считалась монополией цар-

[1] А. Зерцалов. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском, стр. 272.

[2] С. Коллинс. Нынешнее состояние России (перевод П. Киреевского, Москва, 1846 г.).

ской казны. Де Родес в список этих товаров включил шелк сырец, ревень, икру, хлеб. К этому перечню следует прибавить ворвань, моржевую кость, карлук (рыбий клей), слюду, корабельный лес. Удельный вес этих товаров в общей стоимости экспорта был невелик, и поэтому их монополизация не могла существенным образом повлиять на частную торговлю. Котошихин упоминает о царской торговле у Архангельского города хлебом, пенькою, поташом, смольчугою, шелком сырцом и ревенем. Хлеб и пенька закупались на казенные деньги внутри страны. Однако царская торговля теми товарами, на которые не существовало монополии, носила, за исключением пушнины, более или менее случайный характер и производилась в зависимости от потребностей в деньгах или в иностранных товарах.

Усиление этой торговли можно отметить в годы развивавшегося финансового кризиса, причем среди товаров, скупавшихся в это время для вывоза на внешний рынок, находились как раз те товары, которые в 1662 г. были объявлены „указными". В декабре 1660 г. из приказа Большого дворца были посланы в Новгород и Псков агенты закупать на государя лен и пеньку. На покупку им было дано 10 000 руб. Закупленные товары были проданы и выменены иностранцам на ефимки, золотые, пряденое золото и серебро.[1] В июне 1661 г. из Оружейной палаты было выдано 21 000 руб. кадашевцу Федору Силину, а в следующем году еще 3000 рублей медными деньгами двум его товарищам для покупки в государеву казну пеньки, поташа, смолчуга и юфтей красных кож.[2] В Ярославле с 18 мая 1661 г. у продажи „дворцовых товаров" (поташа, смольчуга и пеньки), закупленных по указу из Большого дворца, находился вместе с торговым человеком гостиной сотни Семеном Сверчковым ярославец Иван Андреев.[3] Эти разрозненные и, повидимому, далеко не полные сведения указывают на то, что уже в 1660—1661 гг. различные приказы независимо друг от друга закупали на медь и продавали на серебро и меняли на иностранные товары те русские товары, на которые существовал наибольший спрос на внешнем рынке. Основываясь на этом опыте, легко было перейти к монопольной торговле этими же товарами, сосредоточив ее в ведении одного приказа под ответственностью определенных лиц.

[1] Сибирский приказ, ст. № 830, л. 261—262.
[2] Там же, ст. № 778, л. 61.
[3] Там же, ст. № 615, л. 43—56.

Указ о введении монопольной торговли 6 товарами последовал 9 февраля 1662 г.[1] Правительство объясняло это мероприятие челобитьем людей „разных чинов“, просивших о восстановлении серебряного обращения. Действительно, появлению указа предшествовало второе большое совещание правительства с московскими торговыми людьми, происходившее во второй половине января (первые известные нам сказки были поданы 22 января) и в начале февраля (по 8 февраля). К сожалению, дело об установлении указных товаров, содержащее большое количество сказок торговых людей, дошло до нас в очень плохом состоянии, причем часть сказок утеряна, а часть — сохранилась в обрывках.[2] Тем не менее, на основании сохранившихся сказок гостей, гостиной и суконной сотен, дворцовых слобод, Кадашевской слободы и московских черных сотен и слобод, можно восстановить наиболее интересные моменты этого совещания. Каждая из перечисленных корпораций допрашивалась отдельно по несколько раз. Цель совещания заключалась в решении вопроса о необходимости возвратиться к серебряной денежной системе и о способах получения серебра для проведения этой реформы. По первому вопросу представители всех посадских и торговых организаций были вполне единодушны. В отличие от совещания 1660 г., когда никто не решился определенно сказать о причинах высоких цен на хлеб и другие продукты, теперь представители торговых и посадских организаций согласно указывали на медные деньги как на основную причину „великой дороговли“: „А учинилось в Московском государстве и во всех городех и в уездах великая и безмерная дороговь хлебная и соляная и всякие товары и всякой харч не от хлебного недороду и соляного промыслу, но от медных денег. А хлеб милостию божиею родитца попрежнему, а у вотчинников и у помещиков и у пахотных людей в селах и в деревнях многие скирды и одоньи стоят немолоченного хлеба не токмо нынешняго году, но и прежних лет.“[3]

[1] Сибирский приказ, ст. № 681, л. 1.

[2] Документы этого совещания были частично изданы А. Зерцаловым (О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском, стр. 248—278). В дальнейшем изложении истории этого совещания ссылки на издание А. Зерцалова не делаются. Кроме того, нами использованы ненапечатанные А. Зерцаловым документы из ст. № 600 Сибирского приказа и из книги № 323 Денежного стола Разрядного приказа.

[3] Разрядный приказ, Денежный стол, кн. № 323, л. 7; А. Зерцалов. О мятежах..., стр. 249.

Во всех поданных сказках одинаково указывалось на бедственные последствия обесценения денег, крайнее разорение и необходимость восстановить серебряное обращение. Медные деньги были причиной того, что наступила „безмерная дороговизнь" на хлеб, соль и все товары. Представители черных сотен и слобод писали, что „великая нищета и гибель большая чинится хлебной цене и во всяких харчах дороговь великая, а та чинится дороговь от воровских от медных денег". Кадашевцы жаловались, что они от медных денег „прежние свои пожитки прожили". Привилегированные купеческие корпорации грозили правительству полным разорением. Поэтому все представители на совещании также единогласно указывали на необходимость вернуться к серебряной денежной системе, Старосты Кадашевской слободы по этому поводу сказали: „всемилостивого бога и пречистую его богоматерь и угодников их молят и у великого государя милости просят и во всем на ево великого государя волю полагают, есть ли будет воинское время прекратитца и ратным людем в жалованье таких денежных расходов не будет и милости у великого государя просят, чтоб серебряным деньгам быть попрежнему".[1] Повидимому, во время совещания еще предполагалось, что возвращение к серебряным деньгам последует после окончания войны.

Вследствие утраты первых январских сказок, трудно установить кому принадлежала сама идея объявления временной монополии на часть товаров. В сохранившихся сказках, поданных представителями торговых и посадских людей, вопрос, с которым правительство обратилось к ним по поводу возвращения к серебряной денежной системе, формулирован очень кратко: „откуда и от каких промыслов серебро взять, в котором серебряные деньги делать". В этом вопросе как будто нет и намека на определенное решение, которое официально полностью предоставлялось представителям торговых и посадских организаций, призванных на совещание. Однако изучение сказок позволяет предполагать, что решение сразу было подсказано самим правительством. В сохранившемся отрывке сказки дворцовых слобод, поданной 22 января и являющейся одной из самых ранних дошедших до нас сказок, представители этой корпорации на поставленный вопрос ответили: „и есть ли, великий государь, укажет свое великое государьство пополнить серебром и укажет на себя великого государя на время

[1] Разрядный приказ, Денежный стол, кн. № 323, л. 10.

какими товары торговать кakия товары в немецких землех скудны и им без тех товаров невозможно быть без пенки, без смолы, без коровья сала, без поташу, без смольчуги и без бочешной астраханской икры, а и соболи в те немецкия земли идут, а про юфти, как великий государь укажет". Как видно из текста, в момент подачи этой сказки еще не был твердо установлен список указных товаров. В другом сохранившемся отрывке сказки гостей и торговых людей гостиной и суконной сотен предполагалось объявить монополию на 4 товара. Представители дворцовых слобод еще накануне 5 февраля включили в свой список говяжье сало и соболи. После этого представителям наиболее состоятельного слоя купечества оставалось только согласиться на это расширение состава товаров, временно изъятых из свободного обращения.

Среди поданных сказок сохранилось два предложения, исключавшие необходимость реквизиции „указных товаров" и объявления государственной монополии на торговлю ими. По первому предложению следовало разрешить проезд от „порубежных городов" внутрь государства тем иностранным купцам, которые повезут с собою ефимки, золотые и серебряные деньги. Русским разрешалось торговать с этими иностранцами под условием отдачи в государеву казну с продавцов четвертой части стоимости проданных товаров ефимками и золотыми, за которые они должны были получать медные деньги „по чему великий государь укажет". Одновременно предусматривалась полная отмена тарханов в области торговли. Авторы этого проекта видели его выгодность в том, что пополнение казны серебром будет в данном случае произведено без отягощения русских и иностранных торговых людей: „и от этого будет серебру пополнение большое и пошлинному сбору и торговым всяких чинов русским людям и иноземцам порухи в том никакия не будет". Другой проект, принадлежавший тем же авторам, предусматривал взамен реквизиции „указных товаров" обложение торговли этими товарами дополнительной пошлиной в повышенном размере: „будет изволит, великий государь, товаров поташ, смольчуг, пеньку, юфть, соболи, сало говяжье и ворванье продавать всяких чинов людям и покупать по прежнему и торговать с иноземцы и кто с кем похочет, а положить на те товары для пополнения серебра возвышенная пошлина сверх прежния пошлины". Дополнительной повышенной пошлиной как с продавца, так и с покупателя предполагалось обложить в размере 2 ефимков: бер-

ковец поташа, пеньки и говяжьего сала, в размере $1^1/_2$ ефимка — бочку смольчуга; в размере 1 ефимка — бочку ворваньего сала и пуд юфтей, в размере 10 ефимков — сорок соболей. Расчет был сделан на продажу 12 000 берковцев поташа, 6000 бочек смольчуга, 20 000 берковцев пеньки, 50 000 пуд. юфтей, 50 000 пуд. сала говяжьего, 2000 бочек ворваньего сала и 2000 сороков соболей. При этих условиях предполагалось собрать повышенную пошлину в размере 310 000 ефимков, что должно было дать казне 198 000 руб. серебром.

Оба проекта были поданы, повидимому, в самом начале совещания, когда еще не был точно установлен список товаров, подлежавших реквизиции (в проекте предусматривалось не 6, а 7 „указных" товаров). Хотя авторы обоих проектов нам неизвестны, но можно предполагать, что ими во всяком случае не были представители крупного купеческого капитала в лице гостей и привилегированных торговых сотен, так как последние всегда решительно восставали против допущения иностранных купцов во внутренние города. По всей вероятности, проект был подан представителями средних слоев московского посадского населения. Наконец, проект интересен тем, что показывает наличие на совещании некоторого протеста против предполагавшейся монополии, которая своей тяжестью должна была обрушиться на средние и низшие слои торгового и посадского населения.

Согласившись на введение монополии, представители купечества предъявили в свою очередь ряд требований, вытекавших из того положения, в котором они оказались под ударами финансового и торгового кризиса. Часть этих требований была общей для всех корпораций, привлеченных к обсуждению вопросов экономического состояния государства, но часть требований отражала специфические интересы отдельных групп торгового и посадского населения.

Представители высшего слоя купечества воспользовались нарисованной ими картиной разорения, чтобы выступить со старой программой требований, направленных к тому, чтобы монополизировать в своих руках московский рынок. В их сказках вновь ожили мотивы борьбы с иностранным торговым капиталом, звучавшие во всех коллективных челобитьях купечества.[1] По их словам, основной ущерб торговле наносили иностранцы, которые приезжали

[1] См. нашу работу „Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII века" (Известия Академии Наук СССР по ООН, 1932 г., № 2).

из Архангельска во внутренние русские города и скупали русские товары на медные деньги. Греки, приезжавшие раньше в Москву с „узорочными" товарами, золотыми и ефимками, стали продавать последние в польских и черкасских городах на медные деньги, на которые потом скупали товары у русских и у иностранных купцов. „...и мы от тех греков и от заморских иноземцев немец и от заговорных торгов их, что они во многие государевы городы с медными денгами учали ездить, и мы торгов и промыслов своих от них отбыли". Поэтому гости и торговые люди гостиной и суконной сотен просили запретить иностранцам ездить с торгом от Архангельского города внутрь страны. Менее категорично звучали требования относительно греков и других иностранцев, приезжавших через Путивль, торговля которых не представляла серьезной угрозы на внутреннем рынке. В этом случае предполагалось лишь запрещение приезжать в Москву с медными деньгами. Предложения, выдвинутые против иностранных купцов, были поддержаны остальными группами посадского и торгового населения столицы.

Другую угрозу своей торговле профессиональное купечество, от гостей до торговых людей черных слобод, видело в торговых операциях духовенства и дворянства. В сказке, поданной 23 апреля по поводу растущей дороговизны на хлеб и другие товары, гости и торговые люди гостиной и суконной сотен жаловались, что „изстари в прежних летех всякими торгами и промыслами по указу великого государя торговали одни торговые люди..., а ныне всякими большими и лутчими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный и воинский и судебный чин, оставя и презрев всякое государственное правление..." О том же говорили несколько раньше в январе этого года представители черных слобод и сотен, сообщая, что по городам торгуют от бояр, окольничих, дворян и дьяков. Аналогичные сообщения находим в сказке представителей дворцовых слобод: „А в прежних (годах)... в московском государстве... и у Архангельского (города и в) понизовых городех и в Астрахани бояре и окольничие и думные дворяне и дьяки, вотчиники и помещики никакими промыслы и товары не торговали и никаких заводов не держали торговых".[1]

Опасения в отношении конкуренции со стороны торговли дворянства и служилых людей имели вполне реальные основания. Источники указывают на значительное развитие в середине столе-

[1] Сибирский приказ, ст. № 600, л. 49.

тия торговых операций дворянства. Торговля велась частью через собственных крепостных агентов, частью непосредственно. Среди дворян, занимавшихся торговлей, находились такие крупные землевладельцы и влиятельные при дворе лица, как Б. И. Морозов, кн. Я. К. Черкасский, кн. Ю. П. Трубецкой и др. Можно отметить случаи, когда предметами торговли служили не только произведения собственного крепостного сельского хозяйства и мануфактур, но и „перекупные товары", что указывает на самостоятельное значение торговых операций.

Если в отношении роли иностранного капитала и торговых операций дворянства и духовенства представители столичного торгового и посадского населения были единодушны, то в других вопросах внутренней торговли их интересы разошлись. Крупная экспортная торговля товарами, которые „за море ходят", концентрировалась в руках немногочисленного слоя наиболее состоятельного купечества. Чернослободцы, жалуясь на свое полное оскудение, указывали на экспортеров, как на лиц, продолжавших „богатеть даже в годы денежного кризиса: „...а обогатели и домами пополнились те люди, которые промышляют будами и поташем, смольчугом и пенькою и юхотными товары..." В торговле экспортными товарами средние и низшие слои торговых людей страдали от эксплоатации не только иностранного, но и русского купеческого капитала.

Крупная торговля пенькой, салом, юфтью и соболями была основана на мелких скупочных операциях, в особенности в отношении товаров, производившихся в раздробленном крестьянском хозяйстве. Торговля поташом и смольчугом производилась непосредственно с будных заводов, принадлежавших помещикам-дворянам и крупному купечеству. В этом случае цепь торговых операций сокращалась до минимума; часто продавцами этих товаров иностранным купцам были сами владельцы поташных заводов. Не только мелкие торговые агенты, но и средние слои торгового населения, за единичными исключениями, не принимали участия в этой торговле. Поэтому представители черных слобод выступили энергичными противниками производства и торговли поташом и смольчугом. Они просили „будные заводы и промыслы поташ и смольчуг отставить". С развитием этих промыслов они связывали оскудение „воску, меду и всякому зверю, хлебу, одежде и обуви", уверяя, что до заведения будных заводов всем этим товарам было „великое изобилие". В данном случае имелись, повидимому, в виду

южные сельскохозяйственные районы, в которых, начиная с 50-х годов столетия, усиленно развивалось производство поташа.[1] В это время заграничный рынок проявлял особый интерес к московскому поташу. На вред, приносимый сельскому хозяйству хищническим способом выжигания поташа, обратил внимание такой вдумчивый наблюдатель московских порядков, как Юрий Крижанич. Он писал, что „об пепелу есть вещь недавно отведана, колику корысть приносит тот пепел земле". Сообщая, что поташ представляет доходнейшую отрасль хозяйства, он вместе с тем отметил, что при выжигании поташа уничтожался урожай меда. Поэтому он предлагал не допускать без разрешения царя выжигания поташа в тех местах, где существовали бортные угодья.[2]

Важнейшим условием осуществления государственной монополии на торговлю 6 указными товарами торговые люди ставили прием этих товаров „по настоящей цене по вольным торгам", т. е. по фактической рыночной цене. В этом условии заключалось противоречие, которым легко могла воспользоваться казна, как это впоследствии действительно и случилось, так как при объявлении монополии прекращалась свободная торговля этими товарами. Вполне понятно, что во время монополии не могли существовать свободные рыночные цены.

Соглашаясь на введение монополии на „указные товары", торговые люди, как мы видели, предъявили требования, которые должны были компенсировать ущерб, нанесенный их торговле. В действительности ни одно из этих требований не было удовлетворено. Когда 23 апреля И. Д. Милославский вновь допрашивал гостей и торговых людей гостиной и суконной сотен о причине дороговизны и о мерах к ее прекращению, представители высшего купечества, вспоминая свою сказку, поданную в январе, с горечью жаловались, что „по той нашей сказке учинено малое, только что у нас лутчие товары взяты на великого государя и в цене и в деньгах учинено нам не против наших сказок и в товарех немалая помешка..." Торговые люди, по их словам, находились на границе полного разорения: „... и ныне они торговые люди стали без серебряных денег и без товаров и все ожидают себе конечныя нищеты".

[1] См. нашу работу „Экономическая политика правительства Алексея Михайловича".

[2] Ю. Крижанич. Русское государство в половине XVII в., изд. П. Безсонова, стр. 44.

На совещаниях, производившихся в конце апреля, наиболее интересным предложением было предложение о созыве Земского собора. Еще в январе представители Кадашевской слободы просили по вопросу об указных товарах взять сказки „у городовых земских людей, что то дело всего его великого государства". В апреле гости и торговые люди гостиной сотни уже вполне определенно потребовали созыва Земского собора. На вопрос о причине продолжавшегося роста дороговизны они заявили: „... а чем тому помочь, и о том мы ныны одни сказать подлинно недоумеемся для того, что то дело всего государства всех городов и всех чинов, и о том у великого государя милости просим, чтоб пожаловал великий государь для того дела взять изо всех чинов на Москве и из городов лутчих людей по 5 человек, а без них нам одним того великого дела на мере поставить невозможно". Такое же заявление сделали представители суконной сотни, а также представители московских черных сотен и слобод.

Тяжесть реквизиции шести наиболее ценных для экспорта товаров была еще больше усилена при проведении ее на местах. Как мы видели, торговые и посадские люди просили выдавать плату за взятые товары по настоящей торговой цене, имея в виду конкретную рыночную цену. Государев указ, разосланный по городам, по вопросу об оценке содержал два противоречивых указания: с одной стороны, товары предписывалось брать в казну „прямою настоящею ценою по вольным торгам", с другой стороны, при установлении цены нужно было „примеряться" к прежним продажным ценам, как покупали товары до 22 января. Последнее число было выбрано вероятно потому, что в этот день были поданы первые сказки об указных товарах. Составитель указа как будто не замечал или не хотел заметить того, что в условиях падающей валюты цены, существовавшие до 22 января, не были „настоящею ценою" для периода март—апрель, когда начался прием указных товаров. [1]

[1] Указ о реквизиции „указных" товаров и об объявлении монополии на торговлю ими с иностранцами был разослан по городам 11 февраля 1662 г. Указ предписывал составить подробные списки „указным" товарам, проданным с начала 170 г. (с 1 сентября 1661 г.) по 4 февраля, а также с 4 февраля по день получения указа. Одновременно с грамотами из приказа Большого прихода в города посылались грамоты из тех приказов, которым они были подведомственны (Сибирский приказ, ст. № 605).

Вполне понятно, что система оценки по старым ценам должна была вызвать многочисленные недоразумения и жалобы со стороны торговых людей. В Ярославле, являвшемся крупнейшим центром производства кож, торговые люди и кожевники отказались сдавать юфти не только по старой цене, но и по „прибавочной цене", находя ее низкой. Считая себестоимость пуда юфтей в 30 руб. и больше, они требовали установления „договорной цены" и полной оплаты за товар.[1] В Костроме было подано челобитье от имени всех костромичей, жаловавшихся на то, что вследствие тяжести налогов (сбор стрелецкого хлеба, пятой деньги, ямских и четвертных доходов) и реквизиции юфтей по низкой оценке у них „торги и промыслы стали".[2]

Подобную же жалобу подали посадские люди Юрьевца-Повольского, которые писали, что у них берут товары „без торгу и без оценки" и выдают из казны только по 5 руб. за юфть.[3]

Можно отметить ряд случаев, когда население оказывало упорное пассивное сопротивление сборщикам. В Вологде многие торговые люди, скрывая товар „вымыслом своим" спешно переделывали пеньку в судовые снасти, а говяжье сало — в свечи.[4] В Дорогобуже посадские люди продали „от многого своево разоренья" описанную пеньку насторону. Посадский человек Ивашко Смирин, имевший 712 пуд. пеньки, узнав об ее обязательной сдаче, бежал в Москву и свез неизвестно куда жену, детей и челядь. Дорогобужский воевода Микифорко Толочанов в 172 г. (1663—1664 гг.) писал, что он доставал невзятую за прошлые годы пеньку „с великим боем и мучением".[5] В Галиче жаловались, что торговые люди не отдавали своих юхотных товаров.[6] В некоторых случаях торговые люди старались различным способом на время скрыть товары от реквизиции. Например, в Соли Вычегодской торговый человек Леонтий Конищев положил в Введенский монастырь для сбережения 17 сум, „а сказывал... что в тех сумах соболи, а в ыных платье". Он взял эти сумы через год, когда кончилась реквизиция товаров.[7]

[1] Сибирский приказ, ст. № 615, л. 40.
[2] Там же, ст. № 686, л. 60—63.
[3] Там же, ст. № 686, л. 22.
[4] Там же, ст. № 605, л. 134—135.
[5] Там же, ст. № 599.
[6] Там же, ст. № 606, л. 1.
[7] Там же, ст. № 607, л. 12.

Несмотря на мобилизацию всех свободных денежных средств, последних нехватало на полную оплату реквизированного товара даже по низкой казенной оценке. Торговым и посадским людям разрешалось давать задаток в размере одной трети стоимости товара. Получение полной суммы денег затягивалось иногда на многие годы. В делах Сибирского приказа сохранилось большое число челобитий об уплате денег за взятые указные товары, относящихся к концу 60-х годов. Наконец, 11 сентября 1670 г., через $8^1/_2$ лет после начала операции с „указными" товарами, последовал государев указ с боярским приговором о ликвидации задолженности казны за реквизированные товары: „гостем и торговым московским и городовым всяких чинов людем и иноземцом у ково взяты указные товары, а денег им не дано, и которым дано вполы и втреть, или кому сколько доведетца додать, и тем людем за те их взятые товары дати осталыми указными товары, какие остались в городех за продажею и меною и ис Сибирского приказу мяхкою рухлядью".[1]

Продажа собранных в разных городах „указных товаров" иностранным купцам на золото и серебро встретила большие затруднения. Технический торговый аппарат был построен на основе привлечения к обязательной повинности торгового и посадского населения. Во главе всей операции стоял окольничий Родион Матвеевич Стрешнев, который в это время объединял управление приказом Большого прихода и Сибирским приказом. Центральный аппарат состоял из 5 гостей и торговых людей гостиной сотни и 15 торговых людей суконной сотни, на обязанности которых лежала покупка, мена и продажа товаров. В помощь к ним на местах привлекались таможенные и кабацкие головы и выборные посадские люди.

Товары, собранные в разных местах, от Поморья до южных городов, должны были свозиться продавцами или на наемных подводах и речных судах к Вологде, откуда уже следовали обычным речным путем на ярмарку к Архангельску, который должен был стать основным пунктом по продаже товаров иностранцам. Правительство было очень озабочено тем, чтобы собранные товары успели попасть в Архангельск к началу ярмарки, открывавшейся в конце августа. Однако вся операция развернулась сравнительно

[1] Разрядный приказ, Денежный стол, кн. № 323, л. 44. „Осталые", т. е. оставшиеся от продажи товары к этому времени пришли в состояние полной негодности.

поздно, особенно в южных районах, и выдержать намеченные сроки в условиях тяжелого сообщения по тысячеверстным путям и при отсутствии подготовленных перевозочных средств было очень трудно. Не менее сложным был вопрос о хранении и сбережении товаров от сырости, огня, воровства и пр. В Архангельске и Пскове огнем было уничтожено 22 180 пуд. пеньки и $3328^1/_2$ бочек смольчуга общей стоимостью в 36 145 руб. 26 ал. 4 д. (серебром) что составляло 5.6% от официально определенной стоимости „указных" товаров.[1]

Большие трудности представляла выгодная продажа товаров иностранцам. Последние хорошо понимали значение объявленной монополии и умело использовали финансовое затруднение правительства, требовавшее немедленного поступления серебра. Часть товаров продавалась в Новгороде и Пскове. Потерпев неудачу в продаже этих товаров иностранным купцам в русских городах, правительство предприняло несколько попыток к вывозу их за границу частью при помощи собственных агентов, частично — продавая русским торговым людям на серебряные деньги, которые уже от себя посылали приказчиков с товаром за рубеж. Но в ливонских и шведских городах продавцы русских товаров встретили решительное сопротивление в этой торговле. Шведам, пользовавшимся особыми привилегиями в торговле с Россией и имевшим право покупать указные товары в русских городах, было невыгодно торговать с русскими в своей стране на серебро и золото. Они поэтому запретили вывоз в Россию золотых и ефимков.[2] Кроме того, шведы видели в объявлении монопольной торговли нарушение их прав по Кардисскому мирному договору. Когда шведы официально предъявили по этому поводу протест, то было указано допускать торговлю со шведами всеми товарами, в том числе и „указными", „безо всякого задержанья".[3]

Торговля на Архангельской ярмарке производилась более успешно. В первую же осеннюю ярмарку 1662 г. удалось продать и променять 2920 бочек поташа, 35 972 пуда пеньки и 10 434 пуда юфтей красных кож. Торговля казенными указными товарами происходила каждый год, постепенно уменьшаясь в размере вплоть до 1676 г.

[1] Разрядный приказ, Денежный стол, кн. № 323.
[2] Сибирский приказ, ст. № 621, л. 115.
[3] Там же, ст. № 830, лл. 130—144.

Всего за время монополии в казну поступило 254 839 пуд. поташа, 8515 боч. смольчуга, 33 910 пуд. юфтей, 163 796 пуд. 32 фн. пеньки, 19 298 пуд. 22 фн. сала говяжьего и 326 сороков 29 соболей (в том числе 187 сороков 31 соболь были взяты безденежно у торговых людей в виде четвертой доли). Кроме того, из Сибирского приказа было взято для продажи 55 сороков соболей ценою в 5300 руб. и белок и лисиц на 4700 руб. На выдачу денег за реквизированные товары во всех городах было взято из приказов и из местных средств медных денег на 1 432 092 руб. 23 ал. 1 д. Большинство товаров было продано на Архангельской ярмарке в период с 170 (1662 г.) по 184 г. (1675—1676 гг.), то есть в течение 14 лет. Продажа по отдельным годам выразилась в следующем размере.

Годы	Продано на деньги и выменено на иностранные товары на сумму:		
	рублей	алтын	денег
170	233 392	13	3
171	80 622	19	3
172	152 899	10	1
173	24 149	3	5
174	8 340	30	—
175	14 161	27	4
177	3 348	—	—
178	2 500	—	—
184	1 118	—	—

Всего за 170—184 гг. 520 532 рубля 4 алтына 4 деньги.

Кроме того, в Новгороде и Пскове было продано указных товаров на 21 120 руб. 27 ал. 5 д., а из приказа Большой казны был впоследствии роспродан остаток этих товаров на 3990 руб. 13 ал. 2 д. Общая сумма денег, полученная за проданные товары, была официально определена в 686 243 руб. 32 ал. 3 д., а стоимость их в серебряном исчислении — в 621 475 руб. 9 ал. 2 д. Таким образом, чистая прибыль по этим расчетам составила 64 768 руб. 23 ал. 1 д. серебром.[1]

[1] Разрядный приказ, Денежный стол, кн. № 323.

В действительности экономический результат этой операции был значительно выше, так как правительство оплачивало реквизированные товары по пониженной оценке медными деньгами и только относительно незначительная сумма серебряных денег была истрачена после возврата к серебряному обращению на расходы, связанные с перевозкой и хранением товаров.

Для возвращения к серебряной денежной системе особенно большое значение имели результаты распродажи указных товаров в первые два года после начала операции и, в особенности, в течение первого года. На первой Архангельской ярмарке в 1662 г. за продажу товаров было получено деньгами 133 790 руб. 31 ал. 4 д. и иностранными товарами (атласами, сукном, камкой, бархатом и оловом в изделиях) на 75 176 руб. 10 ал. 5 д. Кроме того, было отдано товаров в долг иностранным купцам на 14 497 руб. 31 ал. $5^{1}/_{2}$ д. Часть иностранных товаров, полученных в обмен на „указные" товары, была затем продана с прибылью в Москве и роздана в долг разным покупателям. Итог следующего года был менее благополучным, так как иностранные купцы стремились выплачивать за взятые товары не серебром, а своими товарами и, кроме того, значительная часть товаров бралась в долг.[1] Однако даже серебро, полученное только в первый год операции, позволило правительству уже в середине 1663 г. объявить об отмене медных денег и о возврате к серебряной денежной системе.

Другой результат монопольной торговли „указными" товарами заключался в получении за проданные товары московских мелких серебряных денег, которые тотчас непосредственно отправлялись на раздачу ратным людям,[2] все более и более настойчиво требовавшим выплаты жалованья серебром. Угрожающее положение на фронте и в ближайшем тылу московской армии, массовое бегство солдат и стрельцов из своих полков, полный упадок дисциплины и рост случаев открытого неповинования заставляли спешить к удовлетворению этих требований.

5

В течение 1662—1663 гг. три мероприятия правительства, почти совпавшие по времени друг с другом, оказали наибольшее влияние на экономическое положение населения: реквизия указных товаров,

[1] Разрядный приказ, Денежный стол, кн. № 3 3.

[2] Сибирский приказ, ст. № 778, л. 47.

отмена медных денег с обменом их на серебряные по очень низкому курсу и увеличение прямых и косвенных налогов. Каждое из них само по себе было уже достаточной причиной для разорения отдельных групп населения. Тяжесть этих мероприятий еще больше была усилена их совместным действием. Кроме того, до середины 1663 г. продолжалось падение покупательной способности медных денег, а после их отмены рынок на некоторое время оказался без орудий обращения. Вполне понятно, что действие указанных причин экономического разорения не могло быть одинаковым для различных классов и слоев населения.

Для решения вопроса о том, насколько тяжела была реквизия „указных товаров", необходимо предварительно рассмотреть социальный состав владельцев этих товаров.

Поташ и смольчуг были главным образом сосредоточены в хозяйстве крупных феодальных землевладельцев. Из 213 077 пуд. реквизированного поташа боярам и дворянам (10 чел.) принадлежало 145 041 пуд., или 68%. Степень концентрации поташного производства была очень высокой, так как только трем владельцам (вдове Б. И. Морозова, И. Д. Милославскому и кн. Я. К. Черкасскому) принадлежало 126 472 пуд. (59.3%). Всего владельцами поташа были 37 чел.[1] Поэтому реквизия поташа совершенно не затронула интересов среднего и низшего посадского населения.

Социальный состав владельцев реквизированных юфтей был иной. Среди 366 чел. мы встречаем только одного дворянина (Б. И. Морозова, вдове которого принадлежала небольшая партия юфтей весом в 76 пуд. 17 фн.), 3 гостей, 5 более крупных торговых людей, 5 торговых иноземцев, 15 крестьян и 337 чел., принадлежавших к различным категориям посадских людей. Их доля в общем количестве реквизированного товара (33 528 пуд.) составляла 93.4% (31 315 пуд.).[2] По своему имущественному положению они в основной части принадлежали к средним слоям посадского

[1] Подсчет произведен по таблице, опубликованной в сборнике: „Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в." (Труды Историко-археографического института Академии Наук СССР), стр. 294—295. Указанный в таблице итог (213 077 пуд.) меньше приведенной выше цифры общего поступления в казну поташа по официальным данным (254 839 пуд.). Разница, повидимому, объясняется тем, что в последнюю цифру был включен не только весь реквизированный поташ, но и сбор „пятых" и „восьмых" бочек, а также государев поташ казанских буд.

[2] Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. (Тр. Историко-археогр. инст. Акад. Наук СССР, т. VIII, Л. 1933), стр. 296—297.

населения, занимавшимся скупкой и выделкой кож „на немецкую руку“. Для экспорта годился только особо приготовленный „мастеровой товар“. Кожевенное производство, обслуживающее потребности местного мелкого производства сапожников и рукавишников, избежало реквизиции вследствие низкого качества товара (коневые и тонкие телятинные кожи, плохая окраска). Район, специализировавшийся по выделке кож для продажи иностранцам, был очень ограничен. К нему принадлежали, главным образом, города верхнего и среднего Поволжья: Ярославль, Углич, Нижний Новгород, Казань, а также Вологда и Москва.

Область производства пеньки на экспорт была более обширной. Она охватывала два основных района: Новгород-Псковский, где культура конопли развилась еще в предыдущем столетии, и Западный, включавший Вяземский, Дорогобужский, Смоленский, Серпейский, Рославльский, Брянский и Болховской уезды.

Реквизиция пеньки, начавшаяся в марте, производилась уже в то время, когда урожай предыдущего года был крестьянами продан скупщикам, которые вывезли его еще „по зимнему пути“. Поэтому в ряде производящих районов пеньки совершенно не оказалось, или осталось очень мало. Например, из Боровского уезда пенька была вывезена в Москву, из Мосальского — в Калугу. Во Владимире несколько прасолов скупили пеньку по 5—10 пуд. и отвезли ее зимой в Вологду и Ярославль. Из Юрьева-Польского сообщали: „и ныне в Юрьеве-Польском сала говяжья и пеньки нет и купить нечево, те товары вышли в иные города“. Пенька была, главным образом, реквизирована в городах, являвшихся местами вывоза и перепродажи, в том числе в самой Москве. Владельцами реквизированной пеньки к этому времени оказались не непосредственные производители, а скупщики и крупные экспортеры, готовившие пеньку на продажу иностранцам-купцам. Поэтому среди сданной в казну пеньки часто встречаются крупные партии, от нескольких сот до нескольких тысяч пудов.[1] Реквизиция пеньки ударила по высшему и среднему слою торгового населения.

Владельцами реквизированного говяжьего сала были в большинстве случаев мясники, готовившие сало при убое скота, который они обычно скупали по деревням. И в этом случае на экспорт могло итти сало только особого приготовления, которое было известно под названием „на немецкую руку сало строить“. Местами произ-

[1] Сибирский приказ, ст. №№ 618; 682 и 784.

водства этого сала были преимущественно города Верхнего Поволжья и Поморские. Сало вывозили к Архангельской ярмарке не сами мясники, а скупавшие у них крупные экспортеры.

В период реквизиции эта скупка только начиналась. Поэтому владельцами реквизированного сала в большинстве случаев были мясники, но встречаются и имена крупных торговых людей, успевших еще зимой заготовить сало для отправления на ярмарку. Например, у Гаврилы Фетиева было реквизировано в Вологде 40 бочек сала, у дьяка Данилы Панкратьева, также занимавшегося крупной торговлей, — 1540 пуд. сала.[1] Однако подобные примеры не были многочисленными.

Наконец, владельцами соболей были более или менее крупные торговые люди, участвовавшие в сибирской торговле, и частью промышленники. Однако правительство в отношении этого товара при проведении реквизиции было менее настойчивым, может быть, по причине состояния пушного рынка и наличия собственных запасов в Сибирском приказе. Всего было реквизировано 139 сороков соболей и, кроме того, было безденежно получено в качестве четвертой доли почти 188 сороков соболей.[2] По отношению к величине экспорта соболей в годы с более благоприятными условиями для торговли эта величина является небольшой.

Таким образом, реквизиция шести указных товаров больше всего коснулась среднего и частично высшего слоя торгового населения преимущественно тех городов, которые были связаны экспортными операциями с внешним рынком. Она мало затрагивала интересы большинства тяглецов московских черных слобод и сотен, что может служить объяснением их поведения в вопросе о реквизиции этих товаров на совещании 1662 г.[3] Обращает внимание отсутствие на этом совещании торговых и посадских людей других городов: Новгорода, Пскова, Ярославля, Вологды, Костромы, Ниж-

[1] Сибирский приказ, ст. №№ 894 и 615.

[2] Разрядный приказ, Денежный стол, кн. № 323.

[3] Мелкие партии товара на сумму до 200 руб. не подлежали реквизиции: „А которые мелких статей всяких чинов люди тех товаров покупали и делали и продавали и тем наперед сего и кормились и те люди а ныне (б) покупали и делали и торговали попрежнему, рублев по 20, и по 50, и по 100, и по 200, а больши б тех статей тех указных товаров ниxто никоими мерами не закупали...“ (Из памяти бирючу в Москве 12 марта 1662 г. об объявлении указа о указных товарах. Сибирский приказ, ст. № 605, лл. 139—140).

него Новгорода и других, больше всего заинтересованных в торговле этими товарами.

Принудительная реквизиция шести товаров с уплатой обесцененными медными деньгами почти накануне их отмены была одним из моментов общего усиления податного нажима на посадское население и крестьян.

Царским указом 15 июня 1663 г. было велено медные деньги „отставить“ и закрыть денежные дворы в Москве, Новгороде и Пскове. С этого же дня возобновлялись работы по выпуску серебряных денег на старом Московском денежном дворе. Все налоги и пошлины надлежало взыскивать исключительно серебряными деньгами. Запрещалось также пользоваться медными деньгами как орудием обмена при торговых сделках. Другим указом от 26 июня этого же года было запрещено держать у себя медные деньги, не превращая их в слитки металла. С 1 июля устанавливался двухнедельный срок в Москве и месячный срок в городах для обмена медных денег на серебряные из расчета — 2 серебряные деньги за 1 рубль медными монетами, что составляло всего 1%.[1] Как мы видели выше, это соотношение было близко к соотношению рыночной стоимости серебра и меди.

Законы денежного обращения были совершенно неизвестны московским экономистам XVII в. Поэтому основная причина упадка медных денег — переполнение рынка денежными знаками, которое в основном было создано напряженной работой 3 больших денежных дворов в течение почти 9 лет, — так и не была ими понята. В их представлении осталось убеждение, что верховная власть в лице московского царя способна сообщить денежным знакам любое ценностное выражение. Реформа была скомпрометирована худыми, воровскими деньгами, подорвавшими доверие к медной денежной системе. Эта причина упадка медных денег была выставлена в официальном сообщении по поводу возвращения к серебряному обращению: медные деньги „одешевили“ воры-фальшивомонет-

[1] Собрание государственных грамот и договоров, ч. IV, № 29—32. Котошихин ошибочно сообщает другой курс медной монеты, по которому она обменивалась на серебро, а именно: 10 серебряных денег за рубль медью, т. е. в размере 5% (Котошихин, ук. соч., стр. 105). По официальным сведениям, приведенным выше, рыночный курс медных денег по отношению к серебряным к моменту отмены медных денег составлял в Москве 6.06% и в Вел. Новгороде — 8.33%.

чики.[1] В общем, у лиц, размышлявших над вопросами денежного обращения, осталось чувство недоумения о причине постигшей неудачи, которое следующим образом выразил московский посол в Испании в 1667 г., стольник П. И. Потемкин, в своем описании посольства: „во всем государстве Испанском торгуют золотыми и ефимками и медными деньгами; всякие товары и запас всякий покупают на медные ж деньги без всякого прекословия, хотя золотых и ефимков у них много, а деньги их медные не добре велики".[2] Таких же представлений держался полустолетием позже И. Посошков, противополагавший иноземной теории стоимости денег по ценности заключенного в них металла — стоимость русских денег, определяемую исключительно волей монарха: „иноземцы в своих иноземских деньгах сличают цену по положению в них матерьялу, а не по власти королевской... Мы не иноземцы, не меди цену исчисляем, но имя царя своего величаем; нам не медь дорога — но дорого его царское наименование... У нас толь сильно его пресветлого величества слово, ащеб повелел на медной золотниковой цате положить рублевое начертание, то бы она за рубль и в торгах ходить стала во веки веков неизменно".[3]

Как бы ни объясняло Московское правительство причину неудачи денежной реформы, но грозные явления финансовой катастрофы со всеми ее экономическими последствиями должны были подействовать лучше отвлеченных теоретических понятий.

Указ 15 июня 1663 г. об отмене медных денег требовал, чтобы с этого времени все пошлины с населения („таможенную пошлину и откупные и всякие денежные доходы и на кружечных дворах за питье") взимать серебряными деньгами. Между тем, низшие и отчасти средние слои посадского населения и крестьяне не могли иметь серебряных денег, так как последние еще в предыдущие годы почти совершенно исчезли из обращения. Серебро отложилось в сбережениях состоятельных слоев населения. Поэтому применение

[1] Собрание государственных грамот и договоров, т. IV, № 33. „Воровские" денежные мастерские возникали в самых примитивных условиях. Например, в подмосковной вотчине стольника Михаила Норова несколько крестьян устроили денежную мастерскую в лесу около с. Таболы. У них было отобрано 2 юфти чеканов и 2 насека, с помощью которых они „медь ковали и рассекали в чюрки и нагладко разбивали". Им удалось начеканить медных денег на 15 руб. (Прик. дела ст. лет, 1662 г., № 210).

[2] Древняя российская вивлиофика, ч. IV, стр. 30.

[3] Сочинения Ивана Посошкова, Москва, 1842 г., т. I, стр. 252—254.

этого указа было новым тяжелым бременем для неимущего населения. Например, таможенный голова г. Романова сообщал, что при общем застое торговли в городе торговые люди, записавшие в таможенной избе привозные товары, не платили пошлин, заявляя, что „у них ныне серебряных денег нет, платить нечем“.[1] В Новгороде, когда воевода стал требовать с посадских людей ямские подможные деньги серебром, посадские люди подали челобитье, что им вследствие разоренья серебряных денег взять негде.[2]

Тяжесть перехода к серебряной системе была еще больше усилена вследствие общего увеличения прямых и косвенных налогов. Отменяя в 171 г. (с 1 сентября 1662 г.) монополию на „указные товары“, правительство взамен ввело повышенную 10% пошлину серебром с продажи товаров иностранным купцам.[3] Выше мы отмечали, что в течение 163—170 гг. (1655—1662 гг.) основные поземельные налоги, взимавшиеся по сошному письму, не были увеличены. В 171 г. (с 1 сент. 1662 г.) оклад стрелецкого хлеба был удвоен, причем взыскивался во всей стране обязательно натурой.[4] Последнее требование было очень тяжелым для посадов, так как посадскому населению, не занимавшемуся хлебопашеством, приходилось покупать хлеб по дорогой цене. В Вологде, по сообщению земского старосты, многие „мелкие люди“ разбрелись в другие города, а „кои люди получи“ — не слушали старосту и не приходили в земскую избу.[5] Поморские города платили за стрелецкий хлеб деньгами по повышенному окладу. История установления последнего наглядно показывает стремление правительства установить наивысшие оклады. В грамоте, посланной в Устюг Великий в сентябре 1662 г., воеводе предписывалось выбрать из посада и со всех станов и волостей Устюжского уезда „из лутчих людей самых добрых и прожиточных и душами прямых сколько человек пригож и которым бы в том уговоре мошно было верить, а не воров и не бражников и не худых молотчих людей“. С этими людьми следовало уговориться, сколько они дадут в казну серебряными деньгами за четверть ржи и за четверть овса (юфть хлеба) со всего Устюжского уезда на 171 г. (1662—1663 гг.).[6] Повидимому, попытка

[1] Прик. дела ст. лет, 1663 г., ст. № 175, л. 2.
[2] Там же, 1663 г., № 9, ч. II, л. 132.
[3] Прик. дела ст. лет, 1663 г., № 21.
[4] С. Веселовский. Сошное письмо, т. I., стр. 187.
[5] Прик. дела ст. лет, 1662 г., № 33, л. 13—14.
[6] Там же, № 163, л. 1—3.

непосредственно сторговаться в величине стрелецкого налога не удалась, так как правительство затем само назначило цену за стрелецкий хлеб. Сначала стоимость юфти хлеба была установлена в два раза выше по сравнению с предыдущим годом ($3^1/_2$ руб. юфть), но затем снижена до 2 руб. 11 ал. 4 д. (серебряными деньгами).[1] Этот оклад оказался настолько непосильным, что ни с одного посада его не удалось взять полностью.[2]

В течение 1662 г. были произведены два чрезвычайных сбора. Первый сбор в размере „пятой деньги", т. е. 20%, с торговых и посадских людей был объявлен в начале июля 1662 г. Сбор производился медными деньгами.[3] Второй сбор пятой деньги со всего населения, кроме стрельцов и пушкарей, находившихся на службе, был назначен 1 октября этого же года.[4] Таким образом в течение короткого промежутка времени посадское и торговое население должно было отдать по этим сборам более 40% с капитала, вложенного в торговлю и промысла.

„Пятинные деньги", собиравшиеся в созданный для этой цели приказ Денежного сбора, расходовались на расплату за реквизированные „указные товары". По расходной книге приказа Денежного сбора с 22 сентября 1662 г. по 22 мая 1663 г., то есть за период в 8 месяцев, им было выдано в Большой приход и в Сибирский приказ на „указные" товары 569 573 рубля. Кроме того в городах было выдано из сбора пятинных денег 97 038 руб.[5] Таким образом посадское и торговое население вносило деньги, которые затем обратно получило за реквизированные товары.

[1] Прик. дела ст. лет., 1663 г., № 174.

[2] С. Веселовский. Сошное письмо, т. I, стр. 184—185. Там же примеры больших недоимок. С пяти поморских городов за 7 лет накопились недоимки, превышавшие 2 годичных оклада.

[3] Акты Археографической экспедиции, т. 4, № 137. С остального населения (кроме посадских и торговых людей) собиралось по полтине со двора по переписным книгам.

[4] Собр. госуд. грамот и договоров, т. 4, № 25 (грамота Туринскому воеводе) и Дополнения к Актам историческим, т. 4, № 131 (грамота Березовскому воеводе). В последней грамоте, как выяснил П. Милюков (Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого, изд. 1892 г., стр. 76), ошибочно поставлен 172 г. вместо 171 г.

[5] Сибирский приказ, ст. № 770, л. 23—29. Так же Разрядный приказ, Денежный стол, кн. № 323, лл. 46—50. В последнем документе сумма, выданная из приказа Денежного сбора, меньше приведенной на 600 руб. Разница объясняется тем, что в приводимой нами сумме включены пятинные деньги, зачтенные садовнику Ивану Истомину.

Влияние кризиса денежного обращения, со всеми его последствиями, больше всего ощущалось теми слоями населения, которые были втянуты в товарно-денежные отношения: торговым и ремесленным населением городов и мелкими служилыми людьми.

Быстрое увеличение числа обращавщихся денег как орудий обмена в первое время внесло даже некоторое оживление в торговлю. Когда денежная система заколебалась и появился лаж между серебряными и медными деньгами, то рост цен происходил с разной быстротой и разница в ценах на одни и те же продукты в разных местах была очень значительной. Например, в то время как в Устюге в 1662 г. четверть ржи продавалась по $4^1/_2$—5 руб., в Вологде она стоила 8 руб. 13 ал. 2 д., т. е. почти в два раза выше, между тем между Вологдой и Устюгом, лежавшими на одной и той же Архангельской дороге, существовали оживленные торговые сношения.[1]

Разница в ценах при остром недостатке хлеба, соли и других продуктов питания создавала благоприятные условия для развития спекулятивной торговли. Сохранилось большое количество сведений о хлебных скупщиках, рыскавших по хлебородным уездам и вывозивших хлеб в те места, где стояли высокие цены. Перекупщики хлеба, спекулировавшие на разнице цен, должны были иметь более или менее значительные оборотные средства. Что касается других товаров внутреннего потребления, то рост цен ограничивал их спрос со стороны широких масс населения, а это приводило к застою внутренней торговли.

В лучшем положении находилась та часть крупного купечества, которая вела самостоятельные операции на внешнем рынке. Скупая русские товары за бесценок на медные деньги, они затем продавали их иностранным купцам на Архангельской ярмарке на ефимки, золото, серебро, или меняли на ввозные товары.

Большой доход приносила также спекулятивная торговля в Сибири. Обращение новых денег в Сибири строжайше воспрещалось законом. Но, несмотря на угрозы, торговым людям все же удавалось провозить медные деньги для закупки сибирских пушных товаров. Провоз в Сибирь русских товаров стал менее выгодным. В 1662 г. в Сибири происходила бешеная спекуляция с медными деньгами. Например холмогорец Пятка Перелсмов провез медных денег на 2020 руб. На эти деньги он в сибирских городах закупил 34 сороков 5 соболей, 18 сороков 6 пупков собольих, 10 росомах,

[1] Прик. дела ст. лет, 1652 г., № 107.

19 черевесей бобровых, 4 рукавицы бобровые, 2 испода шапочных с собольими околами и песцовое одеяло. По самому умеренному подсчету этот товар должен был стоить на серебряные деньги около 1800—2000 руб.

В Тобольске и на Обдорской заставе в 170 и в начале 171 г. (1662—1663 гг.) было конфисковано мягкой рухляди, купленной на медные деньги: 130 сороков 6 соболей, 52 сорока 28 пупков собольих, 262 горностая и пр. Кроме того было конфисковано 2456 руб. медных денег и 153 руб. серебряных денег, купленных на медные деньги. В Енисейске (по выписке из таможенных книг 170 г.) была отпущена на Русь мягкая рухлядь, приобретенная на медные деньги по енисейской оценке на 7782 руб. 5 ал. 2 д. В самом Енисейске также на медные деньги было куплено мягкой рухляди на $2705^1/_2$ руб. Кроме того было отпущено медных денег в другие сибирские города на 5018 руб. 20 алт. Подобных примеров можно привести много.[1] Среди торговых людей, бросившихся в выгодные операции с медными деньгами в Сибири, мы встречаем приказчиков наиболее крупных представителей московского капитала: Остафья Филатова, Василья Шорина, Семена Задорина, Семена Левашева и др.

Ввоз медных денег вместо русских товаров, в которых нуждалось служилое и промысловое население, должен был привести к полному расстройству Сибирского рынка. В особенно тяжелом положении оказались служилые люди — рейтары, солдаты, казаки, стрельцы, служилые татары и др. Картина обнищания хорошо нарисована в челобитье, поданном от имени всего населения Тобольска. Челобитчики жаловались на то, что в 170 г. (1662 г.) торговые люди привезли не товары, а одни медные деньги, в то время как раньше они не испытывали недостатка в нужных предметах снабжения. После того как приехавшие купцы „выкупили“ по большой цене русские и бухарские товары старого привоза, „всякие товары здорожали и взвели на всякие товары цену большую“. На рынке не оказалось ни однорядошных и сермяжных сукон, ни лятчин, ни юфтей красных кож. „И от того, — писали челобитчики, — мы холопи ваши и женишка наши и детишка и людишки стали наги и босы“. Кроме того торговые люди скупали серебряные деньги по повышенной цене, давая за рубль серебра два-три рубля медью.[2]

[1] Сибирский приказ, ст. № 604.

[2] Сибирский приказ, ст. № 604. Акты исторические, т. 4, № 168.

Несмотря на кризис денежного обращения, состоятельный слой купечества, спекулируя на разнице хлебных цен, скупая за бесценок сибирскую пушнину и торгуя с иностранцами на серебро и золото или выменивая привозившиеся из-за границы товары, сравнительно легко перенес реквизицию „указных товаров“ и отмену медных денег и избежал, может быть за небольшим исключением, разорения. Среди разорившихся после отмены медных денег торговых людей мы не встретили ни одного крупного купеческого имени. Представители московских черных слобод в сказке, поданной в январе 1662 г., указывали, что в период всеобщего оскудения „обогатели и домами пополнились“ те, кто промышляли поташом, смольчугом, пенькою и юхотными товарами, т. е. товарами экспорта.[1]

В качества примера крупной спекуляции с медными деньгами можно привести денежные операции Дмитрия Андреевича Строганова, который в 171 г. (1662—1663 гг.) выменял на медные серебряных денег на огромную сумму в 25 000 руб., давая за серебряный рубль по 10 медных рублей и меньше.[2]

В совсем ином положении оказались средние и низшие слои торгового и посадского населения. При ограниченности в оборотных средствах они не имели возможности сохранить запасы серебряных денег или товаров. Многие из них были связаны по договорам обязательными поставками товара в определенный срок по установленной цене, получая при подписании договора часть или даже полную сумму денег. Между тем деньги, полученные вперед для закупки товаров, быстро теряли свою ценность, а понесенный убыток не мог быть покрыт за счет более высокой цены при поставке товара. Поэтому очень большое количество договоров не было выполнено.[3] Кроме того, мелкая торговля испытывала общий застой в связи с резким сокращением спроса. На средних слоях торгового населения тяжело отразилась принудительная реквизация „указных“ товаров, проведенная в 1662 г. Наконец, жестокий удар был нанесен отменой медных денег в 1663 г., лишившей мелкие и частью средние слои торговых людей оборотных средств. Кроме того, на них же упала вся тяжесть налогов 1662—1663 гг.

[1] А. Зерцалов. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском, стр. 252.

[2] А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв., стр. 147.

[3] Большое число гражданских исков, возникших вследствие невыполнения договоров о поставке товара, заключенных с иностранными купцами, находится в фонде Приказных дел старых лет за 1663—1665 гг.

С. Коллинс, бывший очевидцем этих событий, следующим образом описывает положение торговых людей: „у них силой брали товары за медные деньги, а медные деньги упали сначала от ста до одного, и когда казна снова захотела вывести их, многие разорились, многие повесились, а другие пропили свое имущество и померли в пьянстве“.

С. Коллинс рассказывает об огромных опустошениях, произведенных этой реформой. По его мнению, требовалось больше 40 лет, чтобы ликвидировать последствия страшной хозяйственной разрухи.[1]

Следы этого разорения мы встречаем в переписной книге Нижнего Новгорода, составленной в 1664 г. По подсчету Н. А. Баклановой в 50% прекращение или сокращение низового промысла было вызвано медными деньгами. Например, „Сергей Семенов прозвище Ивакин, прежде сего он скупал холсты и с теми холстами ездил в Астрахань на кладных стругах, а из Астрахани вывозил всякой астраханской товар: шелк и дороги. И в прошлом де во 171-м году тот астраханский товар, приехав, продал он в Нижнем на медные деньги и поехал в уезд закупать холстов и медные де деньги вскоре переменены и те деньги залежались у него и он оттого оскудел и ныне кормитца, перекупает холсты и продает в Нижнем“.[2] Необходимо отметить, что разорение коснулось преимущественно средних слоев торгового населения.

В нашем распоряжении находится меньше данных, относящихся к влиянию расстройства денежного обращения на хозяйство светских и духовных феодалов. Само по себе падение покупательной способности денег и расстройство товарно-денежного обращения не могло сильно отразиться на феодально-крепостном хозяйстве, в основе которого лежали натуральные отношения. Однако, как известно, в XVII в. крупное феодально-крепостное хозяйство в более или менее значительной степени уже было связано с рынком, в особенности в области хлебной торговли. С другой стороны, обесценение медных денег при отсутствии в обращении серебра должно было повлиять на денежную ренту, вносимую крестьянами землевладельцу. Имеются данные, указывающие на то, что в это время денежные платежи переводятся в натуральную форму и

[1] С. Коллинс. Нынешнее состояние России, стр. 38. (Перевод П. Киреевского, Москва, 1846 г.)

[2] Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII века. (Ученые Записки Института истории РАНИОН, т. 5, 1928 г.)

денежная рента в своей основной части превращается в ренту продуктами. Например, в 170 г. (1661—1662 гг.) в вотчинах А. П. Салтыкова с крестьян собирали пеньку „за денежные и за хлебные и за всякия доходы".[1] Пусторжевец И. А. Бурдов, продавший в 1662 г. свыше 10 берковцев пеньки колыванскому иноземцу, по его словам, получил эту пеньку со своих крестьян за оброчные деньги.[2] Крупнейший землевладелец Б. И. Морозов хотя и оставил у своих крестьян денежные платежи без изменений, но прибавил к ним дополнительный оброк хлебом. В росписи доходам с с. Троицкого, Нижегородского уезда, написано: „да села ж Троецкова и деревень взято со крестьян за 12 вытей с четью и с полуосьмухою по 4 чети ржи, да по 4 чети овса в прибавку к денежному оброку; итого 49 чети с полуосьминою ржи да овса тож. И та рожь вся отпущена к Москве на крестьянских подводах, а овес в житницы всыпан в селе Троецком".[3] Следует отметить, что именно к этим годам относятся сведения о крупной торговле хлебом Б. И. Морозова, выбрасывавшего на рынок в год до 20 000 четвертей хлеба.[4]

В отношении мелкого крестьянского хозяйства как в феодально-крепостных вотчинах светских и духовных землевладельцев, так и на дворцовых и черных землях, мы можем отметить, по записям таможенных книг и сообщениям местных таможенных агентов, значительное сокращение крестьянской торговли, с которым во многих городах был связан недостаток в жизненных припасах. В 1662 г. крестьяне в ряде местностей отказывались принимать медные деньги. Кроме того, растущая дороговизна на товары, покупавшиеся крестьянами на городском рынке, с одной стороны, и перевод оброков с денежной формы в натуральную, с другой стороны, также оказывали сильное влияние на сокращение вывоза крестьянских товаров. Вследствие этого обрывались последние непрочные связи крестьянского хозяйства с рынком, и оно становилось еще более замкнутым. Что касается категории „торговых крестьян", занимавшихся постоянной торговлей, иногда значительного размера, то их положение мало чем отличалось от торгового населения посадов. Поэтому кризис денежного обращения и застой в тор-

[1] Сибирский приказ, ст. № 599.

[2] Там же, ст. № 830, л. 166.

[3] Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII века (Тр. Историко-археогр. инст. Акад. Наук СССР, т. VIII, Л. 1933), стр. 137.

[4] Там же, документы №№ 159 и 162.

говле больше всего отразились на районах, более значительно втянутых в товарно-денежные отношения. Это были местности, расположенные вблизи крупных торговых центров и путей оживленного движения.

Падение денежной системы очень остро должно было чувствоваться теми слоями населения, которые получали постоянную оплату, — служилыми людьми и ружниками. Их бедственное положение можно сравнить с положением разорившихся мелких торговцев и ремесленников.

Городовым стрельцам годовое жалованье, состоявшее из денежного и хлебного жалованья, выдавалось обычно два раза в год — в „сергиевские" и „благовещенские" дни. Хлебное жалованье было переведено на деньги. Когда началось быстрое возвышение хлебных цен, стрельцы настойчиво стали просить о повышении расценки хлебного жалованья в соответствии с рыночными ценами на хлеб. В Пскове стрельцы приносили челобитья „беспрестранно". Новгородским и псковским стрельцам, чтобы их успокоить, было выдано сверх оклада по одному рублю „для хлебной дороговли". Между тем, хлебные цены продолжали быстро расти. Осенью 1661 г. псковские пушкари подали челобитье о выдаче им на 170 г. (1661 — 1662 гг.) жалованья не деньгами, а хлебом, жалуясь на дороговизну и на отсутствие хлеба на рынке — „где мочно и купить четверик и над тем друг друга давят". Им было велено единовременно выдать сверх оклада женатым по четверти ржи и по осьмине овса, а холостым по осьмине ржи и по полуосьмине овса. Затем, такие же дополнительные выдачи были произведены новгородским и новгородских пригородов пушкарям, стрельцам и казакам и псковским стрельцам.[1]

Единовременная раздача хлеба не могла удовлетворить стрельцов, требовавших полного перевода денежного хлебного жалованья на выдачу натурой. Весною 1662 г. об этом был подан целый ряд стрелецких челобитий, причем псковские стрельцы указывали на пример новгородских и московских стрельцов. Правительство принуждено было пойти на уступки и перевело хлебное жалованье на натуральные выдачи. В июле об этом же просили новгородские казаки, ладожские конные атаманы, есаулы и рейтары. Просьба также была удовлетворена. Правительство вследствие недостатка хлеба стремилось ограничиться отдельными мерами и потушить

[1] Прик. дела ст. лет, 1663 г., № 219.

наиболее серьезные вспышки недовольствия. Только в 1663 г. выдача хлеба стрельцам вместо денег стала повсеместной.

Если голодные московские полки на театре войны в 1661—1662 гг. находились в состоянии полного разложения, то и в тылу армии положение было очень серьезным, особенно в тех городах, где собирались беглые солдаты и стрельцы и даточные люди и подготовлялись новые формирования. В Новгороде брожение среди солдат и стрельцов было настолько значительным, что в 1662 г. для усмирения и сыска беглых туда были направлены из Москвы московские стряпчие, дворяне, жильцы и 2 приказа стрельцов.[1] Характерный эпизод, рисующий отношение населения к экзекуции над беглыми, произошел в Пскове, где псковский протопоп Кондрат Козмин, „собрався со многими псковичи, посадскими людьми", не дали повесить олонецкого беглого солдата, отбили его у виселицы и взяли к себе, а полковника Ягана Трейдена с начальными людьми „хотели побить".[2]

В совершенно трагическом положении оказались стрельцы в дальних северных городах, питавшихся привозным хлебом. Здесь голод продолжался дольше, чем в центральных уездах, и привел, по существу, к вымиранию местных гарнизонов. В Кольском остроге в конце 1662 г. умерло от голода около 50 стрельцов. Оставшиеся в живых бросились просить хлеба в Кандалашском монастыре, но игумен с братьею выдал им только по осьмине ржи, „а вперед отказали, больше де не дадим и на деньги не продают". Многочисленные челобитья, посланные в Москву, оставались без результата. „И мы, бедные холопи твои, — писали они, — в Кольском остроге и в Кандалашской волости з женишками и з детишками помираем голодною смертью, дожидаючися твоего государева московского указу".

В конце 1663 г. из Пустозерского острога воевода сообщал, что стрельцы от хлебной скудости „обнищали и з голоду перецынжали и иззапухли з женами и з детьми и почали помирать, и до лета де мало и живых будет". В Холмогорах в марте 1664 г. в день умирало по 3—4 стрельца, „а иные стрельцы и дети и жены з голоду опухли и оцинжали и многие лежат в конце живота своего больны, что пить и есть нечего и купить нечем и негде".[3]

[1] Акты Московского государства, т. 3, № 588.

[2] Там же, № 587.

[3] Прик. дела ст. лет, 1652 г., № 107, ч. II, лл. 153—154, 356, 369.

Наконец, рассмотрим еще одну категорию среди московских служилых людей: иностранных военных специалистов, во множестве призванных на русскую службу в годы польской войны.

Интересные данные о настроении среди иностранных офицеров мы находим в дневнике Патрика Гордона. Уже вскоре после приезда в Москву в сентябре 1661 г. Гордон начал раскаиваться в поступлении на русскую службу и мечтать уехать обратно — „ему казалось, что он не будет в состоянии прожить на свое небольшое жалованье, выплачиваемое к тому же медной монетой низкой ценности (4 копейки ее шли на 4 серебряные), не говоря уже о том, чтобы что-нибудь скопить, в возможности чего его уверяли в Польше". Однако под угрозой ссылки в Сибирь он был принужден остаться в Москве. В начале января он записывает в своем дневнике, что офицеры не имели больше возможности жить на одно жалованье, но что об этом хотя и было доложено царю, но положение их не было облегчено. Весною 1662 г. Гордон записывает про себя, что он „продолжал быть в высшей степени недовольным своим положением и всячески старался найти способ к освобождению от службы в России. Не видя к этому возможности, он впал в меланхолию, не мало затянувшую его болезнь".[1]

В некоторых случаях это глухое недовольство приняло более открытые и опасные для Московского правительства формы. Иностранные офицеры, находившиеся в действующей армии, грозили уехать за море.

Например, кн. Б. А. Репнин доносил из Новгорода, где собиралась к походу большая армия из войск Новгородского разряда, гусарских, рейтарских и московских полков, что 24 мая 1662 г. к нему в съезжую избу пришли иностранные военные специалисты — полковники с начальными людьми рейтарского и пешего строя и подали челобитья с жалобой на наступившую дороговизну — „стала цена немерная большая". „И будет де им для службы — сообщал Репнин — на подъем твоего жалованья месячного корму по прежнему серебряных денег не будет и им де служить тебе нечем... а будет де твоего жалованья им по прежнему не будет, а их бы ты пожаловал, велел отпустить из своего государства в свои земли; а с того твоего жалованья служить

[1] Патрик Гордон. Дневник, ч. 2, стр. 8 и 22. (Русский перевод М. Салтыковой.)

тебе из медных денег ото всякой дороговизны никоторыми мерами не мочно". Кн. Б. А. Репнин, командовавший армией, готовой выступить в поход, опасался измены во время военных действий: „а как мне, будучи на твоей службе в походе с неприятелем сойтиться, и я опасен, чтоб иноземцы с начальными людьми от скудости и от голоду какого дурна не учинили".[1]

На фронте в это время действительно участились случаи переходов иностранных офицеров на сторону Польши и Литвы.

Подводя итог изучению экономического положения различных слоев московского населения накануне восстания в столице в 1662 г. и в последующее ближайшее время, когда еще остро ощущались последствия хозяйственной разрухи, голода и обесценения медных денег, мы приходим к следующим результатам: в наиболее тяжелом положении под ударами кризиса оказались средние и низшие слои торгового и ремесленного населения посадов, на расстроенное хозяйство которых обрушилась тяжесть налогов 1662—1663 гг. Разорение довершила отмена медных денег, лишавшая эту часть населения последних оборотных средств. В результате произошло частичное или полное обнищание, сопровождавшееся сокращением размеров торговли и пауперизацией части ремесленного и торгового населения, отбрасывавшей их в сторону плебейских элементов города. Очень близко к этому населению стояли мелкие служилые люди (стрельцы, пушкари и др.), испытывавшие двойное влияние торгового застоя и денежного кризиса: в качестве людей, связанных с торговлей и промыслами, и в качестве людей, получавших жалованье в обесцененной денежной системе. Вполне естественно было ожидать именно среди этой части населения (мелких и отчасти средних торговых и посадских людей, а также стрельцов и других мелких служилых людей) роста возбуждения и обострения классовой борьбы. Как мы видели выше, и дворянство, и крупное купечество не только относительно легко перенесли денежный кризис, но частично использовали его в своих экономических интересах. Эксплоатация мелкого слоя посадских людей со стороны купеческого капитала в условиях хозяйственной разрухи принимала более тяжелые формы, что еще сильнее углубляло противоречия между зажиточными слоями посадского населения и мелкими торговыми людьми и ремесленниками.

[1] Акты Московского государства, т. 3, № 582.

В период развития кризиса, вызванного расстройством денежного обращения (1661—1662 гг.), мы наблюдаем многочисленные проявления нарастающего возбуждения в стране, охватившего крестьян, мелкие и средние слои посадского населения и частично армию, грозившую военным бунтом. В большинстве случаев это движение носило еще пассивный характер, выражаясь в разброде посадского населения, в отказе принимать медные деньги, в неуплате пошлин, в бегстве из полков на театре военных действий и в укрывании беглых в тылу. Однако после изучения экономического положения низших слоев населения не может оставаться сомнения, что все эти разрозненные проявления классовой борьбы готовы были слиться и принять более активные формы. Взрыв произошел в самой столице, где 25 июля 1662 г. вспыхнуло открытое восстание.

К сожалению, у нас нет возможности проследить развитие возбуждения среди московского населения. Только Мейерберг, уехавший из Москвы почти накануне восстания, занес в свои записки опасение близкого взрыва. Рассказывая о числе фальшивомонетчиков, заключенных в тюрьму, о вздорожании цен и об отчаянии деревенских жителей, находивших свои зарытые в землю деньги погибшими от ржавчины, он замечает: „Так мы всегда и боялись, чтобы вынужденный отчаянием народ, впрочем всегда готовый возмутиться по своей склонности к мятежам, не поднял бунта (tumultum), с которым не легко будет справиться". Далее, сообщив о вздорожании хлеба в 14 раз, он прибавил: „От того-то у некоторых уже вырывались угрозы против думных бояр (senatores), остановленные на этот раз строгою казнью — лишением руки и языка, когда виновные были уличены в их произнесении одним богатым купцом". [1]

В этом небольшом рассказе обращает внимание не только сообщение об угрозах, открыто раздававшихся по адресу наиболее влиятельной правительственной группы „думных бояр", но и замечание, что виновные были уличены „одним богатым купцом". Высший слой купечества, повидимому, был встревожен развитием недовольства, так как понимал, что возмущение было бы одинаково направлено и против бояр и против крупных торговых людей, являвшихся в глазах мелкого посадского населения конкретными виновниками жесткого разорения.

[1] Mayerberg. Iter in Moschoviam, стр. 92—93.

Сообщение Мейерберга о ходивших в Москве слухах и угрозах подтверждается показанием, сделанным во время розыска о восстании.[1] Дьячок Демка Филиппов рассказал, что он после светлой недели слышал, что „чаят быть на Москве смятенью". По другим, более определенным показаниям дьячок говорил с тремя попами и дьяконом коломенского Александровского монастыря, что „чернь собираются и хотят боярина Ильи Даниловича Милославского и гостя Василья Шорина и иных богатых людей дворы грабить за денежное дело". Таким образом, вполне возможно, что слухи о готовящемся выступлении ходили в Москве задолго до 25 июля, по крайней мере за три месяца до этого дня.

Начальным моментом развития событий 25 июля источники очень согласно устанавливают распространение в столице прокламаций. Котошихин сообщает, что „воровские листы" были ночью прибиты во многих местах города — по воротам и стенам.[2] Гордон говорит о воззваниях (der Zettel), которые были развешены в различных местах города.[3] Факт распространения прокламаций подтверждается показаниями во время сыска. 25 июля сотский Савка Шапочник извещал в Золотой палате боярина кн. Фед. Фед. Куракина, что „идучи де в город видял у Пречистья в Кательниках писмо приклеено у церкви и чтут многие люди".[4] Сретенской сотни сотский Павел Григорьев видел в это же утро другое письмо, написанное „на дву столбцах", прикрепленное воском к решеточному столбу на Лубянке. Наконец, в материалах розыскного дела есть указание, что „воровские письма" были развешены на решетках „на крестцах", т. е. на самых видных местах, мимо которых нельзя было пройти, не заметив этих прокламаций.

Приведенные сообщения позволяют сделать очень важный вывод о том, что выступление 25 июля было заранее подготовлено. В этом отношении особенно ценным является приведенное выше сообщение Котошихина, что „воровские письма" были развешены

[1] А. Зерцалов. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском. На стр. 296—360 напечатана большая часть следственного дела о восстании 1662 г. (Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 959). В дальнейшем, при изложении событий 26 июля 1662 г., ссылки на материалы, напечатанные А. Зерцаловым, не делается.

[2] Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 101.

[3] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon (Moskau, 1849), т. I, стр. 310.

[4] Разрядный приказ. Приказный стол, ст. № 959, л. 1.

по городу еще ночью. К сожалению, их текст не сохранился. Мы знаем только краткий перечень намеченных жертв из состава влиятельных при дворе лиц. Показание, что прокламация, вывешенная на Лубянке, была написана на двух столбцах, позволяет предполагать, что ее размер был больше, чем это необходимо для перечисления 5—6 фамилий. Может быть текст содержал специальное обращение к народу с призывом итти на изменников и с характеристикой выдвинутых против них обвинений. Это предположение находит некоторое подтверждение в действиях толпы, непосредственно последовавших в результате чтения воззвания.

Смысл распространения прокламаций именно 25 июля делается более ясным при рассмотрении той обстановки, в которой развивались события этого дня. Царь Алексей Михайлович в это время отсутствовал. Еще 16 июля он уехал из столицы и лишь один раз, в Ильин день, 20 июля, приезжал на несколько часов из Коломенского, отстоял церковную службу и участвовал в крестном ходе к церкви Ильи пророка за ветошным рядом.[1] В то время как Кремлевский дворец охранялся сильными дворцовыми караулами из наиболее надежных стрелецких полков, охрана Коломенского дворца была слабой. Кроме того, гарнизон столицы в это время значительно уменьшился, так как часть стрелецких приказов была послана в Смоленск, Новгород и Севск.[2]

Незадого до 25 июля был объявлен сбор „пятой деньги".[3] Обсуждение вопросов, связанных со сбором тяжелого налога, должно было создать нервное настроение среди посадского насе-

[1] С. Белокуров. Дневальные записки Приказа тайных дел, стр. 146, (Чтения в Обществе истории и древностей российских, кн. 1, 1908 г.).

[2] 1 июля царь „жаловал к своей государеве руке" рейтарских и солдатских полковников и стрелецких голов, назначенных на службу в Смоленск, Севск и В. Новгород. 4 июля был произведен смотр приказам московских стрелков: Микифора Колобова и Матвея Спиридонова, отправлявшихся в В. Новгород, и Ивана Зубова — в Севск. 13 июля царь смотрел „с переходов" стрелецкие приказы, отправлявшиеся на службу в Смоленск: Федора Александрова, Герасима Соловцова, Ивана Ендаурова, Андрея Коптева и Зимы Волкова (С. Белокуров, Дневальные записки приказа Тайных дел, стр. 144—146).

[3] О сборе пятой деньги с посадских людей и по полтине со двора на жалованье ратным людям с крестьянских и бобыльских дворов была послана 3 июля 1662 г. царская грамота в Пермь и Соль Камскую. Сбор производился медными деньгами (Акты Археографической экспедиции, т. IV, № 137). Тяжесть сбора (20% с торгов и промыслов) была усилена производившейся в это время реквизицией „указных" товаров.

ления. Из материалов следственного дела мы узнаем, что вопрос о новом налоге действительно горячо обсуждался в городе с утра 25 июля. Первые инциденты этого дня были связаны с одним из таких собраний. Поэтому возможно предположить, что распространение ночью по городу воззваний было рассчитано на участников этих сходок.

Посадский человек Лучка Житкой на розыске показал, что во втором часу дня, т. е. рано утром, на большой Сретенской улице „был у них у мирских людей меж собою совет о пятинной деньге". Сообщение случайно проходивших людей о каком-то „письме", прибитом на Лубянке у столба, было подхвачено возбужденной толпой, двинувшейся на его защиту. При попытке отобрать „письмо" разыгрались первые столкновения толпы с представителями городской администрации. Сотский Сретенской сотни Павел Григорьев, проходивший мимо и увидевший, что „письмо" читают „многие люди", сообщил об этом в Земский приказ, откуда к месту сборища были посланы дьяк Афанасий Башмаков и дворянин этого же приказа Семен Ларионов. Когда последние взяли „воровское письмо" и направились с ним в приказ, в толпе стали требовать, чтобы отобрать „письмо" обратно. Дьяку кричали: „вы-де то письмо везете к изменникам, а государя на Москве нет, а то-де письмо надобно всему миру". Находившийся в толпе стрелец Куземка Нагаев убеждал отнять „письмо", говоря, что иначе оно будет передано боярину И. Д. Милославскому „и там-де то дело так и изойдет, и за то-де воровское дело вы, православные христиане, всем миром постоите". Толпа, нагнав Башмакова и Ларионова, грозила побить их камнями. По рассказу последняго, их „изымали за лошадь и за ноги и то письмо отняли" и гнались за ними до Спасских ворот. Так была одержана первая маленькая победа, еще больше поднявшая настроение возбужденной толпы.

Прокламация, отнятая у дьяка и дворянина Земского приказа, была затем прочитана с крыльца церкви Феодосии на Лубянке. Читал стрелец Куземка Нагаев и „кричал в мир, чтоб за то всем стоять". Свидетелями этого чтения были стрельцы приказа Якова Соловцова, стоявшие у приказной избы, и не принявшие никаких мер против собравшейся толпы и чтения „воровского письма".

Заслушав воззвание, толпа двинулась к Земскому двору, где сотского Павла Григорьева поставили на скамью и велели вновь читать письмо, а когда он не согласился, то „письмо" в одну сторону прочитал тот же стрелец Куземка Нагаев, а в другую сто-

рону — неизвестный подьячий. Двукратное чтение воззвания в разные стороны может служить косвенным указанием на возросшую численность толпы. Интересно также отметить, что местом чтения был выбран Земский приказ, являвшийся по своим функциям полицейским учреждениям столицы; ходившая с „письмом“ толпа в этот момент уже сознавала свою безнаказанность и чувствовала бессилие земских властей. Выбор же Земского двора мог быть обусловлен и желанием возбудить и привлечь на свою сторону тех мелких посадских людей, которые по разным делам всегда в большом числе толпились у ворот Земского приказа. Эпизод необычного чтения прокламации у Земского приказа, повидимому, произвел известное впечатление на столичное население, так как о нем нашел нужным упомянуть в своем дневнике Гордон, не бывший личным свидетелем этого события: „Один дьяк прочел перед ратушей (Земским двором) письмо, в котором были перечислены тягости и имена некоторых лиц, обвинявшихся в злоупотреблениях; этот человек приглашал итти к царю и требовать прекращения злоупотреблений и голов злых советников“. [1]

Рассмотренный эпизод с чтением прокламации сначала на Лубянке, а потом у Земского приказа не был единственным. Повидимому, и в других местах столицы расклеенные прокламации собирали вокруг себя возбужденные группы людей. Как мы уже отмечали выше, сотский Савка Шапошников в то же утро донес боярину кн. Ф. Ф. Куракину, что „идучи-де в город видел у Пречистья в Котельниках писмо приклеено у церкви и чтут многие люди“. По приказу боярина кн. Ф. Ф. Куракина оно было доставлено в Золотую палату и в тот же день послано царю в с. Коломенское. Следует отметить, что это происходило на противоположном конце города. Между тем, на Красной площади собралась большая толпа народа, где по одному из показаний „всяких чинов люди учали кричать, что нашли письмо, а написаны в нем изменники“. В церквах ударили в набат. В торговых рядах стали выгонять сидевших в лавках. Кодашевец Аничка Семенов, сидевший в лавке в Серебряном ряду, в расспросе под пыткой показал, что солдаты полка Аггея Шепелева и „иные многие люди из лавок всех людей выбили, а говорили, кто не пойдет — хотети побивать“. Большая толпа, состоявшая из посадских людей, стрельцов и солдат разных московских полков, двинулись в с. Коломенское, где находился царь.

[1] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, т. I, стр. 310.

Появление толпы в Коломенском было совершенно неожиданным. Царь, по свидетельству Котошихина и Гордона, в это время находился в церкви, где слушал обедню по случаю дня рождения царевны Анны Михайловны.[1] По рассказу Гордона, пришедшие „потребовали с большой свирепостью у некоторых бояр и придворных, чтобы те доложили о них царю“. Когда царь вышел из церкви и сел на лошадь, они, обступив его „непристойным образом и с большим криком потребовали облегчения налогов (den Beschwerden)“.[2] Царь и некоторые бояре, чтобы успокоить толпу, согласились исполнить эти требования и обещали немедленно созвать совет (ein Rath), под именем которого Гордон, очевидно, разумел Боярскую думу. В рассказе Котошихина этот эпизод передан с драматическими подробностями. По его словам, царь, увидев из церкви направлявшихся к нему людей „с криком и с шумом“ и узнав их „злой умысел“, велел тем боярам, - выдачи которых требовала толпа, спрятаться у царицы и царевен,—„а царица в то время, и царевичи, и царевны заперщися сидели в хоромах в великом страху и в боязни“.[3]

В житии Федора Ртищева рассказывается, что когда „... приидоша с Москвы оные мятежники с воплем и многим бесчинием на беззлобивого сего мужа Федора, хотяще его убити“, последний находился „в дому царском, в велице страсе, близь самыя смерти“— исповедовался и причащался.[4] Приготовление к смерти личного любимца царя указывает на то, что во дворце в это время помнили аналогичную обстановку возмущения 1648 г., когда по требованию толпы пришлось выдать Леонтия Плещеева и Траханиотова, и считали угрозу расправы с требуемыми боярами очень реальной.

По словам Котошихина, когда пришедшие стали просить у царя бояр „на убиение“, царь их уговаривал „тихим обычаем“, просил возвратиться в город и обещал, отслушав обедню, приехать в Москву и „учинить сыск и указ“. Говорившие с царем держали его за пуговицы платья и спрашивали „чему-де верить?“. Царь

[1] По сообщению Котошихина, в этот день „праздновали день рождения дочери его царской“. Здесь очевидная ошибка, так как ни одна из дочерей Алексея Михайловича не родилась в июле. 25 июля 1630 г. родилась дочь Михаила Федоровича—Анна.

[2] Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, т. I, стр. 311.

[3] Г. Котошихин, ук. соч., стр. 102.

[4] Житие Федора Ртищева, стр. 53.

клялся богом и „дал им на своем слове руку“, а один из говоривших даже бил с царем по рукам.[1]

В показаниях, полученных во время розыска, этих подробностей нет. Из расспросов участников восстания было только установлено, что „письмо“ с именами изменников, снятое на Лубянке, подал царю в своей шапке на нижней паперти церкви посадский человек Лучка Житкой. Находившийся тут же нижегородец Мартьян Жедринский „шумел, чтоб то письмо вычесть перед миром и изменников привесть перед великого государя“. Перед царем говорились „непристойные слова“.

Как показывает дальнейший ход событий, во время переговоров с царем удалось в значительной степени ослабить буйное и решительное настроение толпы. Миролюбивый тон царя, старавшегося говорить „тихим обычаем“, был вызван сознанием полной беспомощности и желанием выиграть время. По сообщению Гордона, при первом же появлении мятежников во дворце был послан приказ двум стрелецким полкам поспешно итти в Коломенское, а остальным подавлять восстание в городе, где в это время происходил погром дворов гостей Василья Шорина и Семена Задорина. По рассказу Котошихина, в Москву был послан царем боярин кн. Иван Андреевич Хованский уговаривать мятежников, „чтобы они смуты не чинили и домов ничьих не грабили“, и обещать, что царь лично приедет в тот же день для производства сыска.[2]

Выбор для переговоров с населением столицы кн. И. А. Хованского, известного своей необдуманной храбростью, очень деятельного и вместе с тем неудачливого полководца, объясняется, повидимому, тем, что последний принадлежал к числу наиболее воинственно настроенных противников Польши. Это должно было придать его выступлению в тот момент, когда обсуждался вопрос о раскрытой измене, особый авторитет. Действительно, по сообщению Котошихина, на уговоры Хованского прекратить мятеж ему отвечали: „что-де ты, Хованской, человек добрый, и службы его к царю против польского короля есть много, и им до него дела нет, но чтоб им царь выдал головы изменников бояр, которых они просят“.[3]

После того как первый натиск на Коломенский дворец не дал результатов, в Москве произошел сам по себе незначительный, но

[1] Г. Котошихин, ук. соч., стр. 102.
[2] P. Gordon, ук. соч., стр. 311; Г. Котошихин, ук. соч., стр. 102.
[3] Г. Котошихин, ук. соч., стр. 102.

очень интересный в связи с общим настроением в городе эпизод с сыном гостя Василья Шорина. Последний, по свидетельству Котошихина, избежал убийства, спрятавшись в Кремле во дворе кн. Черкасского. Его сын, юноша 15 лет, переоделся в крестьянское платье и пытался скрыться из Москвы, но был узнан и захвачен. Его посадили на телегу и с торжеством повезли в Коломенское как свидетеля, что его отец действительно бежал в Польшу с „боярскими листами", под которыми, очевидно, следует понимать тайную переписку бояр с Польшей. Толпа, направлявшаяся в Коломенское, встретила по дороге людей, возвращавшихся в город, и повернула их обратно. Она прибыла к дворцу в тот момент, когда царь садился на лошадь, чтобы ехать в город. Котошихин уверяет, что царь расспрашивал молодого Шорина, и последний, под влиянием страха, подтвердил бегство отца. Несколько успокоившееся возбуждение в этот момент вновь вспыхивает. Толпа опять потребовала у царя выдачи бояр „по тем ево парневым словам" и грозила „сердито и невежливо" самому царю: „будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами, по своему обычаю". [1]

Материалы розыска очень кратко касаются эпизода с сыном Шорина, подтверждая вместе с тем основной факт, сообщенный Котошихиным. Сохранилось показание дворцового крестьянина Мишки Бардакова, который вез сына Шорина в Коломенское на телеге. По его словам, он в Коломенском держал Шорина у ворот и находился там „как-де бояре выходили на улицу", что подтверждает сообщение о происходивших в это время переговорах с толпою. Весть о захвате молодого Шорина с какими-то документами, компрометирующими бояр, быстро разнеслась в столице и вызвала новый приток в Коломенское. Тюремный дьячок Дениско Иванов, находившийся в этот момент на Болоте, рассказывал, что „многие люди бежали в Коломенское и говорили: повели-де Васильева сына Шорина и с ним-де, сказывали, письмо воровское". Инцидент с захватом сына Шорина можно рассматривать как новую попытку поднять постепенно упавшее возбуждение, возникшее под влиянием слухов об открытой измене бояр.

Между тем в Коломенское направились полки Артамона Матвеева и Семена Полтева, оба полка, по свидетельству Гордона, в слабом составе. Одновременно, не надеясь на устойчивость стрельцов и вообще русских, царь послал в Немецкую слободу кн. Юрия

[1] Г. Котошихин, ук. соч., стр. 103.

Ромодановского с приказом привести в Коломенское всех иностранцев. По рассказу Гордона, „в слободе произошла большая суматоха; у одного купца было отобрано оружие и распределено между теми, кто его не имел. Затем, они (иностранцы. *К. Б.*) частью верхом, частью пешком отправились все вместе в Коломенское“. Оба стрелецких полка прибыли в Коломенское в тот затруднительный для царя момент, когда толпа восставших, на основании показаний молодого Шорина, требовала выдачи названных ею бояр. Стрелецкие полки были впущены через задние ворота и вместе с придворными (mit den Hofleuten) неожиданно напали на толпу. Безоружная толпа была без труда рассеяна, оставив на месте убитых. Вследствие занятия задних ворот бежавшие попали в узкое пространство между дворцом и рекой, и многие были загнаны в реку. [1]

Рассказ Гордона подтверждается Котошихиным. По его словам, царь, узнав о прибытии помощи, „закричал и велел столником, и стряпчим, и дворяном, и жильцом, и стрельцом, и людем боярским, которые при нем были, тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити“. По сведениям Котошихина, несомненно преувеличенным, было пересечено и переловлено, кроме разбежавшихся, более 7000 чел. и больше 100 человек потонуло в реке. [2] Мейерберг, передавший рассказ в том виде, в каком он дошел до него в Смоленске, еще больше сгустил краски трагического финала. По его словам, царь, услышав ругательства, раздававшиеся по адресу царицы, вспылил и крикнул придворным и дворцовой охране (praetorianes): „избавьте меня от этих собак“. „Те немедленно бросились на мятежников и почти всех их перебили. Однако они погибли не совсем неотомщенными, так как с отчаянной смелостью вонзили ножи в грудь не малому числу из дворцовой охраны (praetorianes) и закололи их в жертву по себе. Когда 3000 других вооруженных, следовавших по соглашению им на помощь, нашли их перебитыми в столь короткое время, они поступили более осторожно и, бросив оружие, упали перед царем, умоляя вместо заслуженной смерти сослать их в Сибирь, чего и добились от Алексея, гнев которого успокоился казнью других“. Затем Мейерберг сообщает, что 500 человек было повешено за грабежи богатейших домов. [3] На сообщениях Котошихина и Мейерберга отра-

[1] P. Gordon, ук. соч., стр. 312.

[2] Г. Котошихин, ук. соч., стр. 103.

[3] Mayerberg. Iter in Moschoviam, стр. 102.

зилось нарастание слухов в Москве и в провинции о событиях этого дня. В рассказе о доблестной смерти восставших у Коломенского дворца можно видеть проявление к ним сочувствия.

События, разыгравшиеся в столице около Коломенского дворца, несомненно произвели большое впечатление на Алексея Михайловича. Получив после подавления восстания в тот же день первое донесение кн. А. Н. Трубецкого о числе арестованных участников, царь тотчас послал к нему думного дворянина И. А. Прончищева со словесным указом „ис тех воров“ повесить 10 или 20 человек. На следующий день указ был подтвержден с некоторыми подробностями, касавшимися казни. Было указано „вершить“ виновных по всем дорогам около Москвы. Указ был выполнен в отношении 18 человек, отобранных, повидимому, по случайному признаку, так как имена казненных не упоминаются в материалах последовавшего затем розыска. Воздвигнув на Лубянке, на Болоте и по главным московским дорогам для устрашения 18 виселиц, следственная комиссия приступила к детальному разбору всех обстоятельств восстания и к допросу арестованных. Царь лично выслушивал пыточные речи и назначал наказания. Все следствие было закончено в очень короткий срок. 4 августа последовал царский указ о наказаниях (резать ноги, руки и языки) главным виновникам. На следующий день последовал указ о наказаниях дворянам, заподозренным в участии в грабеже имущества: жильцов, детей боярских, городовых дворян, начальных людей и рейтар из детей боярских было велено сослать в Астрахань без наказания и написать в службу в дети боярские. Из остальных, кроме перечисленных категорий, было велено выбрать 20 человек и бить кнутом. Всех арестованных участников восстания было велено перепятнать, положив на левой щеке пятно: „буки“ (бунтовщик). [1]

7

Социальный состав участников восстания довольно точно устанавливает Котошихин: „а были в том смятении люди торговые, и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские и гулящие и боярские люди, а поляков и иных иноземцев, хотя на Москве множество живет, не сыскано в том деле ни единого человека, кроме русских... А гости и добрые торговые люди

[1] Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 959. Г. Котошихин, ук. соч., стр. 103.

к тем вором не пристал ни один человек, еще на тех воров и помогали, и от царя им было похваление".[1] Таким образом, по свидетельству Котошихина, в восстании приняли участие низшие слои столичного населения и солдаты московского гарнизона. Другой очевидец этих событий, Патрик Гордон, называет участников восстания общим именем „чернь" (der Pöbel), часть которой разграбила дом Василья Шорина, а большая часть отправилась в Коломенское.[2] Наконец, Мейерберг, лично в это время не присутствовавший в Москве, записал в дневнике рассказ о начале восстания в следующем виде: „Накануне августовских нон (4 августа. *К. Б.*) 1662 г. половина из 18 тысяч, принадлежавших к последним подонкам (ultima foecis), в качестве заговорщиков, вооруженных одними ножами, пришла к Алексею, жившему в деревне в 6 милях от города, и по обычаю народа, всегда враждебного к знати и к властям, предъявила бесчисленные жалобы на его тестя, Илью Даниловича Милославского, дядю, Семена Лукьяновича Стрешнева, дворецкого Федора Михайловича Ртищева, Богдана Матвеевича Хитрово и Ивана Андреевича Милославского на их высокомерие, грубость, взяточничество, казнокрадство, измену и потребовала их смерти".[3] Трудно установить, на чем основывался Мейерберг, определяя численность низших слоев населения Москвы в 18 000 чел. Под термином „ultima foecis" он, повидимому, разумел беднейшее население столицы, элементы городского плебса.[4] Наконец, по

[1] Г. Котошихин, ук. соч., стр. 104.

[2] P. Gordon, ук. соч., стр. 310. После рассказа о том, как около Земского двора была прочитана прокламация, Гордон сообщает: „Und so versammelte sich der Pöbel, von dem einige das Haus eines Grosshändlers (Gost) Nammens Wassilij Schurin, plünderten; der grösste Theil aber zog nach Kolomenskoje".

[3] Mayerberg. Iter in Moschoviam, стр. 101.

[4] Мейерберг значительно преувеличивает численность беднейшего населения Москвы, если из состава его исключить торговцев, владевших лавочными помещениями, и самостоятельных ремесленников. По подсчету С. К. Богоявленского („Московское слободы и сотни в XVII в.") в Москве к середине XVII в. в дворцовых и казенных слободах было приблизительно 3400 дворов: в монастырских и владычных слободах — 1800 дворов; в черных слободах, по данным 1653 г., — 3428 дворов. Всего в этих слободах насчитывалось около 8600 дворов, в которых жило приблизительно 11 000 — 13 000 человек взрослого мужского населения. В этот подсчет не входят стрелецкие и иноземческие слободы. Не учтены также холопы и крестьяне, жившие во дворах своих владельцев, квартиранты (захребетники, соседи и пр.) во дворах, находившихся не на территории указан-

официальному сообщению, „в нашем царствующем граде Москве, собрався воры разных чинов худые людишка, учинили мятеж,... а наши великого государя всяких чинов ратные и торговые и земские люди к тому их воровству никто не пристали.[1]

Непосредственные очевидцы и участники событий 25 июля определяли их как восстание московских черных людей. Майор полка Аггея Шепелева, Григорий Юшков, вбежал утром в церковь во время обедни, где в это время находился полковник, и собщил ему, что „у мужиков учинился гиль". Несколько капитанов этого же полка бросились в Коломенское, чтобы сообщить С. Л. Стрешневу, что „солдаты учинились им непослушны, идут с мужиками". Красносельцы Фомка Иванов и Савка Прокофьев, наблюдавшие за движением толпы в Коломенское со стороны Потешного двора, думали, что идут „черных сотен земские люди и сотские к великому государю для челобитья".[2]

Однако нас не могут удовлетворить эти характеристики, ни принадлежащие Гордону и Мейербергу, ни принадлежащие очевидцам и участникам восстания, привлеченным к следствию. Под именами „der Pöbel", „ultima foecis", „мужиков", „худых людишек" могли скрываться различные категории низших слоев посадского населения, от самостоятельных мелких торговцев и ремесленников до холопов, ярыжек, нищих и других элементов городского плебса. Между тем в более подробной характеристике Котошихина содержится указание на участие в восстании на ряду с гулящими людьми и боярскими холопами — рейтар, ремесленников и торговцев; свидетельство Котошихина нуждается в проверке на основани документальных источников.

К сожалению, мы не располагаем полным материалом, характеризующим социальное положение лиц, обвиненных в участие в восстании. В делах розыска сохранилось несколько списков захваченных „с поличным" и „без поличного" во время разгромов купеческих дворов в Москве, а также список людей, бежавших из села Коломенского и пойманных на окраине Москвы (у Земля-

ных слобод, нищие, скитавшиеся „меж двор", и другие категории низшего городского населения, не поддающиеся учету. Можно предполагать, что общая численность средних и низших слоев московского населения (без служилых людей и армии) была близка к цифре, указанной Мейербергом.

[1] Акты Московского государства, т. 3, № 595.

[2] Материалы следственного дела об участниках восстания (А. Зерцалов, ук. соч.).

ного города.) Сводный материал этих списков представлен на таблице,[1] помещенной на стр. 97.

Наибольший интерес представляет список возвращавшихся из села Коломенского, большинство которых несомненно участвовало в походе к царскому дворцу. Всего было арестовано у ворот столицы 54 чел. Повидимому, многим удалось пробраться в город еще до того момента, когда путь был прегражден выставленным оцеплением; возможно также, что часть участников восстания скрылась в окрестностях столицы. Из числа 54 чел., арестованных при возвращении в город, самую многочисленную группу составляли рейтары, солдаты и драгуны 40.7%, за которой следовала группа посадских людей 31.5%. Обращает внимание наличие детей боярских (2 чел.) и боярских людей (8 чел.).

Для характеристики состава толпы, бросившейся грабить купеческие дворы, мы располагаем более полным материалом. По двум росписям зарегистрированы 141 чел. Кроме того, имеются еще две росписи людей, приведенных „с поличным" в виде отдельных предметов домашнего обихода или лоскутов материи, и „без поличного", всего 122 чел. К сожалению, не представляется возможным из этих двух списков выделить тех, кто дважды повторяется в каждом из них. Поэтому приходится их рассматривать в отдельности. Соотношение между отдельными социальными группами здесь несколько иное, чем в рассмотренной росписи бежавших из с. Коломенского. Первую по численности группу также составляют солдаты московского гарнизона (31.2% и 28.6%) с подавляющим преобладанием рейтар, солдат и драгун при совершенно незначительном числе стрельцов. Второй по численности идет группа холопов и крестьян (27.6% и 26.2%). Вследствие этого удельный вес посадских людей

[1] Разрядный приказ, Приказный стол, № 990. В четырех списках, находящихся в следственных материалах о восстании, частично могли повторяться одни и те же лица. Поэтому в первой и второй графах составленной нами таблицы мы поместили захваченных участников восстания, относительно которых нет сомнения, что они не повторялись дважды; в первой графе помещен список из 54 чел., бежавших из с. Коломенского и пойманных у Земляного города; во второй графе роспись из 45 чел. полуголовы Василья Баранчеева и вторая роспись „приводным людям, которые взяты в грабежном деле" (96 чел.). Четвертая графа составлена из двух росписей приведенных „с поличным" и „без поличного" (122 чел.). В эти росписи могли попасть люди, уже внесенные ранее в росписи графы 2 нашей таблицы. Однако легко убедиться, что графа 4 в целом не повторяет графы 2.

Социальные категории	Бежали из Коломенского и были пойманы у Земляного города	Были арестованы за грабеж в городе	Всего	Были приведены с поличным и без поличного
	1	2	3	4
1. Дворяне				
Жильцы	—	2	2	2
Городовые дворяне	—	—	—	19
Дети боярские	2	10	12	—
	2	12	14	21
2. Армия (регулярная)				
Начальные люди	—	3	3	—
Рейтары, солдаты и драгуны	22	35	57	29
Стрельцы	—	3	3	2
Пушкари	1	3	4	4
	23	44	67	35
3. Посадские люди				
Торговцы и ремесленники	9	13	23	18[3]
Гулящие и вольные люди	6[1]	4	9	9
Мелкие служилые люди	1	9[2]	11	3[4]
Земский ярыжка	1	—	—	—
Нищие	—	2	2	—
	17	28	45	30
4. Крестьяне и холопы				
Боярские люди	8	15	23	25
Боярские люди и крестьяне	—	19	19	—
Крестьяне	1	5	6	7
	9	39	48	32
5. Духовенство и церковники				
Поп	—	—	—	1
Дьячки	1	2	3	1
Монастырские служки	1	1	2	1
Звонари	—	1	1	—
	2	4	6	3
6. Националы				
Татары	1	1	2	1
Поляки	—	1	1	—
	1	2	3	1
7. Прочие				
Приезжие	—	12	12	—
	—	12	12	—
Всего	54	141	195	122

[1] В том числе „пушкарский сын".

[2] В том числе: 2 земских метельщика, 2 подьячих, верховой сторож, пристав, трубник, рассыльщик и отставной конюх.

[3] В том числе: 3 городовых посадских и ученик Аптекарского приказа.

[4] В том числе: 2 подьячих и пристав Патриаршего приказа.

несколько снижается (19.8% и 24.6%). Несколько возросла группа дворян (8.5% и 17.2%), большинство из которых принадлежало к мелкому провинциальному дворянству (городовые дворяне и дети боярские). Наконец, некоторое участие приняли приезжие, составлявшие в первом списке 8.5%. В составе толпы, громившей купеческие дворы, усиливались элементы, принадлежившие к низшим слоям населения. Возможно также, что картина разгрома домов одних из самых состоятельных в Москве купцов могла привлечь и чисто случайных очевидцев, захваченных во время производства облавы.

В толпе, пришедшей к царю в Коломенское, как и среди людей, громивших купеческие дома в Москве, заметную часть составляли рейтары и солдаты, придававшие нестройной и неорганизованной вспышке характер вооруженного выступления. Среди захваченных омятжеников встречаются представители почти всех полков иноземного строя, расположенных в Москве: Аггея Шепелева, Венедикта Змеева, Григорья Тарбеева, Ивана Полуэктова и др. Обращаю также внимание кадомские и свияжские татары из полков Тамаса Шаля и Христофора Мингауса, стоявших таборами в окрестностях Москвы и также оказавшиеся среди пленников восстания. Впрочем один лишь факт нахождения среди последних еще не говорит об активном участии в движении, так как в тот момент, когда толпа побежала из Коломенского, ловили без разбора всех, оказавшихся на оцепленной войсками территории. Однако активная роль в выступлении некоторых рейтарских полков не вызывает никаких сомнений.

Больше других оказался замешанным в выступлении полк Аггея Шепелева. Попытка собрать весь полк после известия о начале мятежа не увенчалась успехом: часть солдат еще раньше примкнула к толпе; роты, расположенные в Кожевниках, были собраны по барабанному бою капитаном кн. Кропоткиным, который самовольно увел их в Коломенское; за этой ротой потянулись солдаты других рот, причем шли как вооруженными, так и без оружия. Увидев непослушание солдат, группа „начальных людей“ в составе 8 капитанов и поручиков бросилась в Коломенское, чтобы известить о случившемся окольничего Р. М. Стрешнева. Последний послал их к солдатам, стоявшим у дворца, уговаривать отойти, но „солдаты их не послушали, от государева двора прочь не пошли“. Несколько позже за бояриным и за начальными людьми „солдаты и всяких чинов люди бунтовщики учали гонять с палками“. Поведение „на-

чальных людей" полка Аггея Шепелева, оказавшихся около дворца в то время, когда полк по тревоге собирался в Москве, вызвало некоторые подозрения. По следственному делу было наказано батогами и ссылкой 3 капитана, прапорщик и 2 поручика.

Полк Самуила Крафорта, в котором служил Гордон, состоял из 1200 чел., в числе которых было 500 мордвинов и черемисов; лишь в последних можно было быть уверенным, что они не соединятся с мятежниками, „остальные были русские, на которых нельзя было так уверенно положиться". Офицеры тщательно следили за солдатами. Гордон велел каждому раздать пороха и свинца на 3 выстрела. На возвратном пути из Коломенского он встретил полк Аггея Шепелева, который был очень немногочисленным, так как многие из солдат присоединялись к мятежникам. Далее Гордон встретил 2 стрелецких полка — Артамона Сергеевича Матвеева и Семена Федоровича Полтева, которые он также по численному составу называет „довольно слабыми полками". Впрочем неполный состав этих полков, повидимому, объясняется неожиданностью тревоги и невозможностью в короткое время собрать весь полк.

Вопрос о том, насколько социальный состав арестованных по приведенным выше росписям является достаточным для характеристики всех участвовавших в восстании, связан с вопросом об общем размере восстания 25 июля. Котошихин сообщает, что во время разгрома восстания больше 100 чел. потонуло в реке и больше 7000 чел. было пересечено и переловлено, кроме разбежавшихся. Мейерберг, как мы видели, число участников восстания определяет в 9000 чел. Гордон сообщает, что 4000 — 5000 чел. выступили за Серпуховские ворота; повидимому, в это число не вошли те, кто остался в городе грабить дома богатых купцов. Таким образом, все три свидетельства современников дают в общем близкие сведения; число участников восстания по этим данным определяется в 8000 — 9000 чел. Изучение материалов следственного дела не подтверждает, однако, этих цифр, которые следует признать преувеличенными, по крайней мере в отношении активного ядра, принимавшего непосредственное участие в разгроме купеческих дворов и в походе в с. Коломенское. Чтение воззваний на улицах и картина погрома дворов богатых людей могли привлечь значительное число любопытных, которых, конечно, нельзя считать участниками восстания, тем более, что среди этих случайных лиц могли быть и не сочувствующие и даже враждебно относившиеся к выступлению низших слоев московского населения.

С другой стороны, следует отметить, что Котошихин, в общем хорошо осведомленный о событиях 25 июля, преувеличил даже те данные, которые поддавались более точному учету. По его сведениям, в день восстания около села Коломенского было повешено 108 чел. Кроме того, в ту же ночь „пущие воры“ были посажены в большие суда и потоплены в реке. В материалах следственного дела сохранились донесения кн. А. Н. Трубецкого о подавлении восстания в городе и о числе арестованных. Из них мы узнаем, что царь, получив 25 июля первое сообщение об арестованных за грабеж на дворах гостей Василья Шорина и Семена Задорина, прислал в Москву думного дворянина И. А. Прончищева, который словесно передал указ повесить „ис этих воров“ 10 или 20 человек. В тот же день кн. А. Н. Трубецкой ответил, что приказал повесить 20 чел. На следующий день, повидимому в связи с получением новых, более подробных донесений о захваченных за участие в восстании, царь прислал письменный указ, в котором подтверждал распоряжение, данное накануне: „... и вы б тех воров, которые приведены з грабежною рухледью розыскивая накрепко, которые довелись смертные казни и вы б тех воров пущих заводчиков и людей боярских по своему рассмотренью по прежнему нашему великого государя указу велели вершить около Москвы по всем дорогам“. В сохранившемся списке повешенных 26 июля находится 18 чел.[1] Как отмечалось выше, выбор происходил более или менее случайно, так как среди казненных не оказалось ни одного имени из числа активных участников восстания, установленных последующим следствием. Смысл этой экзекуции, произведенной с большой поспешностью, заключался в желании правительства наглядно демонстрировать перед населением столицы, находившимся еще под свежим впечатлением только-что разыгравшихся событий, победу над восстанием. Поэтому виселицы были сооружены на людных площадях и на больших дорогах в самой Москве. Правительство, повидимому, опасалось возможности повторения восстания в ближайшие дни. Между тем, в материалах следственного дела нет никаких указаний, подтверждающих сообщение Котошихина о 108 повешенных вокруг Коломенского. Не было никакого смысла сооружать устрашающие орудия казни на полях в стороне от столицы, не говоря уже о том, что такая массовая казнь нанесла бы большой ущерб следственному делу. Активные

[1] Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 959, лл. 2—5.

участники нужны были для раскрытия всех подробностей восстания. Правительство проявляло особый интерес к установлению вождей движения — „заводчиков“ московского выступления, — а также авторов распространенных в столице прокламаций. По словам Котошихина, царь даже велел во всей Москве и в других городах отобрать у грамотных людей образцы почерка, который затем сравнивали с „воровскими письмами“. Едва ли, однако, и это сообщение не является преувеличенным.

В результате следственного дела был повешен только один человек и казнены различным способом (отсечение рук и ног, отнятие языка)—12 чел., среди которых находились наиболее активные участники восстания, установленные розыском.[1] Остальные обвиненные в числе 104 чел. были сосланы в ссылку. В действительности число сосланных было значительно больше, так как в указанное число не вошли захваченные в самой Москве за грабеж купеческих дворов, а также большое число солдат полка Аггея Шепелева, повидимому, выделенных в особую группу. Общее число сосланных в Астрахань и Сибирь с женами и детьми „на вечное житье“ было официально установлено в 1200 чел. Если считать, что средний размер семьи был не меньше 3 чел., то число сосланных участников восстания составляло не более 400 чел. Подтверждением этой цифры может служить количество кандалов, присланных из Москвы для ссыльных: для перевозки „колодников“ было велено изготовить 10 стругов и 400 кандалов.[2] Приняв в расчет число казненных и повешенных (31 чел.) и освобожденных за отсутствием улик (по официальным сведениям 22 чел.), общее число арестованных за участие в восстании можно предположительно установить в 450—500 чел. Цифра, сообщенная Котошихиным (7000 чел.), превосходит это число в 14—15 раз.

Таким образом, по отношению к установленной нами цифре захваченных участников восстания приведенное в таблице распределение арестованных по социальным категориям составляет около 30—40%, что нельзя не признать достаточно большим для характеристики всего состава участников восстания, захваченных правительством. Нет никаких оснований предполагать, что оставшиеся

[1] Предположение, что следственное дело сохранилось не полностью и что казненных после окончания следствия было больше, устраняется содержанием данных на следствии показаний, в которых не упоминаются лица, не попавшие в приведенное число осужденных.

[2] Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 959, лл. 54 и 286.

нераспределенными 60—70% имели в этом отношении принципиальные отличия. Можно ожидать только повышения удельного веса солдат и рейтар, так как более или менее значительная часть последних была обнаружена впоследствии после поверки наличного состава в полках. В частности, это особенно касается полка Аггея Шепелева.

Однако общее число участвовавших в событиях 25 июля в сходках на улицах и площадях, в погроме купеческих дворов и в двукратном походе в с. Коломенское должно было быть значительно больше числа осужденных. Установить общую численность населения, принявшего в том или ином виде участие в движении, не представляется возможным даже приблизительно. Также трудно определить, каков был размер толпы, заполнявшей двор Коломенского дворца во время переговоров с царем. Как мы видели, на основании приведенных материалов, к сообщениям Котошихина, Гордона и Мейерберга следует относиться с большой осторожностью. Вспыхнувший в столице мятеж с участием солдат, стрельцов и рейтар должен был произвести сильное впечатление на очевидцев, склонных в таких случаях преувеличивать размер движения и опасности; во всяком случае даже 2000 — 3000 чел. за оградой Коломенского дворца были достаточно внушительной силой, чтобы создать такое впечатление.

Чтобы решить вопрос, в данном случае являющийся наиболее интересным, о классовой характеристике этого выступления низших слоев московского посада, необходимо анализ социального состава захваченных участников восстания дополнить социальной характеристикой того возглавляющего ядра, которое придавало движению определенное направление и сообщало ему некоторые элементы организованности.

Несмотря на самый тщательный розыск с применением обычной системы пыток и очных ставок, следственной комиссии не удалось установить авторов расклеенных в столице прокламаций, как не удалось найти и действительных „заводчиков" восстания. Но правительство, повидимому, не сомневалось в том, что в этом восстании действовала сознательная воля, организовавшая и поднявшая массу „худых людишек" на поход в Коломенское.

Во время розыска удалось установить всего лишь около 10 чел., виновность которых не ограничивалась более или менее пассивным участием в толпе, пришедшей в Коломенское. Но и среди этой небольшой группы обвиняемых можно отметить лишь несколько че-

ловек, выделявшихся от остальных по своей более активной роли. Самую заметную фигуру среди них представлял стрелец приказа Артамона Матвеева Куземка Нагаев. По отрывочным показаниям, скупо дававшимся под пыткой, все же можно составить более или менее ясное впечатление о его участии в деле собирания и возбуждения толпы перед походом в Коломенское, начиная с того момента, когда он „за ворот водил“ сотского Павла Григорьева и отобрал у него прокламацию, содержавшую имена изменников— бояр и купцов. По некоторым показаниям, Куземка Нагаев читал это воззвание в трех местах, призывая „стоять всем на изменников“.

Такую же активную роль во дворе Коломенского дворца играл Сретенской сотни посадский человек Лучка Житкой, подавший царю „воровское письмо“ в своей шапке. Подобно Куземке Нагаеву, участие Лучки Житкого устанавливается на протяжении всего движения, начиная с эпизода чтения письма на Лубянке. Во время подачи прокламаций царю Лучку Житкого под руку поддерживали неизвестный торговый человек из Холщевого ряда и Дмитровской сотни тяглец староста денежных мастеров Федотка Квасник. Впрочем относительно последнего были сделаны противоречивые показания.

Стрелец Куземка Нагаев и посадский человек Лучка Житкой — две центральные фигуры восстания. Их организующая роль в этом движении позволяет думать, что их участие в нем не было случайным. Возможно, что они были заранее посвящены в план народной демонстрации, цель которой несомненно преследовали расклеенные ночью прокламации. Остальные, особо отмеченные среди следственного материала лица, принадлежали к той группе, которая составляла действующее ядро толпы, заполнившей ограды Коломенского дворца. Большинство из них обвинялось в выкрикивании угроз по адресу бояр. Подпрапорщик полка Аггея Шепелева Никита Ломовцев кричал и размахивал чеканом. Рейтар полка Григорья Тарбеева галичанин Федор Поливкин кричал: „время-де ныне побить изменников“. Нижегородец Мартьян Жедринский требовал перед царем, чтобы поданное ему письмо было прочитано перед миром. Кашинец, гулящий человек Мартинка Титов, кузнец, обвинялся в том, что поднимал палку. Крестьянин дворцового села Быкова Мишка Бардаков во время переговоров толпы с царем держал у ворот сына Василья Шорина. Было установлено участие в толпе в Коломенском нескольких кадашевцев и двух красносельцев. Есть указания и на активное участие мелкого городского духовенства. Поп церкви

„пресвятой богородицы что в Гончарах“ говорил „гилевщикам“: „теперя-де пора — не робейте“.

Характеристика лиц, выделявшихся своим активным поведением, подтверждает вывод, сделанный на основании статистики арестованных, о том, что движущей силой восстания были мелкие слои посадского торгово-ремесленного населения, а также рейтары и солдаты из полков московского гарнизона. Этим подтверждается приведенная выше характеристика Г. Котошихина. Во всяком случае активных участников восстания нельзя причислить к составу той „последней черни“, о которой говорит в своем дневнике Мейерберг.

Результат дня — 25 июля — был решен вмешательством на стороне правительства, в самый острый момент, трех стрелецких полков С. Полтева, А. Матвеева и Я. Соловцова, составлявших нечто в роде лейб-гвардии царя. Происхождение этой личной царской охраны связано с событиями 1648 г., когда Алексей Михайлович впервые испытал шаткость московского гарнизона. Шведский резидент в Москве К. Поммеренинг в январе 1649 г. сообщил королеве Христине о желании царя образовать особый отряд телохранителей: „так как стрельцы не пользуются доверием, то Букгофен, под (верховным) начальством Ильи Даниловича, который очень полагается на голландцев, будет командовать пятью тысячами человек в качестве отряда телохранителей великого князя; на такое хорошее распоряжение бояре смотрят с неудовольствием“. Через месяц он снова пишет: „о той сильной гвардии, которая здесь должна была вербоваться для безопасности его царского величества, теперь не так много слышно“. Наконец, в начале марта слухи о формировании царской охраны окончательно прекращаются, о чем сообщает Поммеренинг в очередном донесении королеве: „относительно сильной лейб-гвардии его царского величества и многих тысяч лошадей, которые здесь в Москве должны были набираться, теперь совсем тихо“. Об этом же он еще раз вспоминает через две недели в донесении от 23 марта. [1]

Нам неизвестны в точности причины, заставившие Алексея Михайловича отказаться от мысли создания сильного гвардейского отряда. На одну из причин указывает сам Поммеренинг, сообщая, что бояре смотрели с большим неудовольствием на проект этого формирования. Но во всяком случае после 1648 г. последовало значительное увеличение стрелецкого войска. Готовясь к борьбе

[1] К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII в., стр. 439—440.

за Украину, Московское правительство принимает ряд мер к повышению боевых качеств лучших отрядов армии. В Москву массами приглашаются иностранные военные специалисты. Сам царь Алексей проявлял острый интерес к военным экзерцициям, постоянно присутствовал на военных упражнениях и учебных стрельбах; отличившиеся на этих смотрах жаловались соболями. Между царем и „начальными людьми" стрелецких приказов устанавливаются особые более интимные отношения, резко отличавшиеся от отношения царя к остальной армии. Стрелецкие головы и полуголовы в качестве гостей постоянно присутствуют за царским столом, иногда в составе самого избранного общества.[1] Значительно расширяется также круг их служебных обязанностей; в качестве доверенных лиц они исполняют многочисленные и разнообразные личные поручения царя.

В отношении Алексея Михайловича к стрелецкой армии нельзя видеть только воинственный интерес, несомненно свойственный этому далеко не миролюбивому царю. В нем чувствуется также забота о личной безопасности, возникшая под непосредственным впечатлением событий 1648 г. Следует отметить, что в это время царь лично вникает в несение дворцовых караулов и даже придумывает пароли для стрелецких голов.[2] Из состава стрелецких полков выделяется несколько приказов, выполняющих по преимуществу роль личной охраны царя, его лейб-гвардии, охраняющей столицу. Самуил Коллинс называет стрельцов янычарами. Они постоянно несут караулы в Кремлевском дворце почти в одном и в том же составе. Например, полки Якова Соловцова и Семена Полтева, сыгравшие решающую роль в подавлении восстания 25 июля, иногда несли дежурства по несколько дней под ряд[3].

Через несколько дней после подавления восстания, в Москве был арестован трубник Еремка Крюковский, который, показывая на повешенных, говорил, что „те люди погибли от стрельцов".[4]

На роль московских стрельцов в деле подавления восстания имеются любопытные указания в одном подслушанном в Казани разговоре между ссыльными участниками восстания. Солдаты полка Аггея Шепелева говорили: „волен-де великий государь, а им-де свое взять опять бунтовать на Москве, бояр хотят побивать и домы

[1] А. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, стр. 336—343.

[2] А. Заозерский, ук. соч., стр. 338.

[3] С. Белокуров. Дневальные записи приказа Тайных дел 7165—7183 гг.

[4] Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 959.

на Москве грабить и разбивать и разорять, а то воровство им заводить в те поры, как они придут з государевы службы к Москве". На это им отвечали солдаты полка Матвея Кравкова: „... что-де они солдаты их бунтовщиков не покинут, станут с ними вместе бояр побивать и дома разорять". Говорившие стали грозить московским стрельцам приказов Якова Соловцова, Семена Полтева и Артамона Матвеева побить их до смерти „за то, что они их бунтовщиков имали и до смерти их побивали, а бояр побить им и домов разорять и грабить не дали". Озлобление против московских стрельцов вызывала также разница в материальном положении стрелецких и солдатских полков. Сосланные солдаты полков Матвея Кравкова и Михайла Вестова тогда же грозили стрельцам за то, что: „их великий государь жалует, дает им свое государево жалованье многое, а им-де солдатом дают государево жалованье малое и их-де солдатов великий государь ставит ни во что и покидает". [1]

Царь Алексей Михайлович щедро одарил усмирителей восстания 25 июля и впоследствии не раз вспоминал о тех полках, которые оказались лойальными в этот день. Так, например, в 1566 г. он приказал выдать солдатам полка М. Кравкова по рублю, да по кумачу человеку за то „что они во 170 году на Москве и в Коломенском к ворам бунтовщикам не пристали". [2]

8

Призывы к выступлению 25 июля, изложенные в тех воззваниях, которые москвичи рано утром нашли расклеенными у церквей и на решетках, были связаны с обвинением наиболее влиятельных лиц правительства в измене в пользу Польши. По словам Котошихина, „смута" возникла после чтения „воровских листов" с именами бояр — „бутто те бояре ссылаются с польским королем, хотят Московское государство погубить и поддать польскому королю". [3]

Сенсационное известие о том, что найдены изменники бояре, было почти одновременно подхвачено в разных местах столицы и везде создавало возбуждение, легко превратившееся в открытое выступление против Коломенского дворца. Сообщение об открытой измене должно было объяснить в представлении посадского населения и служилых людей причины быстро развивавшегося хозяйственного кризиса, выражавшегося в появлении малоценных медных

[1] Разрядный приказ, Приказный стол, ст. № 890, лл. 24—25, 36—39, 52—55.
[2] А. Заозерский, ук. соч., стр. 345.
[3] Г. Котошихин, ук. соч., стр. 101.

денег, в упадке торговли, в быстром вздорожании цен и голоде. Измена связывала вместе разнородные и разновременные события, от военных неудач на фронте до разорения в тылу. В лице изменников были найдены действительные виновники тягот, которые реально и остро ощущались малоимущими слоями населения. Поэтому весть об измене звучала как боевой лозунг этого дня. По показаниям очевидцев, рейтар Федор Поливкин шел „перед бунтовщиками" и кричал: „время-де ныне побить изменников". Тяглецу Покровской сотни Тимошке Андрееву, встретившему толпу по дороге в Коломенское, говорили, что идут „для того, чтоб побить изменников, а будет кто учнет за изменников стоять, мы-де и тех побьем, а самим всем стоять друг за друга и помереть всем за одно". Кашинец, гулящий человек кузнец Мартинко Титов, кричал в толпе в Коломенском, „чтоб великий государь не дал им погибнуть напрасно", и грозил палкой. Нижегородец Мартьян Жедринский кричал перед царем, чтобы „изменников привесть перед великого государя". Требование выдачи бояр вызвало во дворце смятенье и панику.

„Боярская измена" как основной мотив выступления, сложившийся под влиянием чтения воззваний, в действительности прикрывала собою более глубокие и сложные причины восстания. Соединяя вместе отдельные замечания и признания, полученные во время розыска, можно несколько их конкретизировать. Как мы видели, уже за несколько месяцев до восстания в Москве ходили слухи об ожидающемся погроме бояр и богатых купцов „за денежное дело". Быстрое падение денежной системы, разорившее средние и мелкие слои населения, занятого торговлей и промыслами, было источником развития в их среде глухого недовольства, которое еще больше усиливалось налоговой политикой правительства с начала 1662 г. По словам Гордона, во время переговоров с царем толпа требовала уменьшения налогов. Группа рейтар показывала, что она шла в Коломенское „бити челом великому государю о своих нуждах и об разорении". Другой захваченный рейтар говорил, что он хотел „бити челом великому государю о жалованье". Солдат полка Аггея Шепелева „бил челом" о соли. По существу это было повторением только в иной обстановке и форме многочисленных челобитий, подававшихся различными частями армии и различными группами служилых людей в течение 1661 и 1662 гг.

Необходимо отметить, что во время допроса захваченные участники восстания были крайне скупы в объяснении конкретных

причин своего выступления. Более ясными эти причины становятся после изучения состава лиц, обвиненных в измене К сожалению, до нас не дошли те подлинные „воровские листы“, которые содержали списки намеченных жертв. Из материалов следственного дела мы знаем, что в этот список вошли имена Ильи Даниловича и Ивана Михайловича Милославских, Федора Михайловича Ртищева и гостя Василья Шорина. Мейерберг, проявивший большой интерес к московским событиям, сообщает другой список, несколько отличающийся от вышеприведенного: вместо Ивана Михайловича Милославского у него показан другой Милославский — Иван Андреевич и, кроме того, указан отсутствующий в первом списке Богдан Матвеевич Хитрово. По данным розыска в толпе у Коломенского дворца выкрикивалось еще имя боярина Семена Родионовича Стрешнева. Наконец, в „дневальных записях“ Приказа тайных дел имеется указание на то, что вместе со двором Василья Шорина был разгромлен двор гостя Семена Задорина.

Наиболее крупная фигура в этом списке — тесть царя, Илья Данилович Милославский, ставший после падения в 1648 г. Я. К. Черкасского главою правительства. В свое непосредственное ведение он получил Большую казну, Стрелецкий, Рейтарский, Иноземный и Аптекарский приказы, сосредоточив таким образом в своих руках управление финансами и армией.[1] По словам С. Коллинса, „царь больше его боялся, нежели любил, но царица всегда держала его сторону. Его сделали государственным казначеем и дали ему еще 6 или 7 должностей, которые он все исполнял очень деятельно, только не бескорыстно“.[2] Огромное значение Милославского, его почти неограниченная власть при царе, хорошо понимались современниками как иностранцами, так и русскими. Шведский резидент де-Родес в начале 1652 г., характеризуя воинственные настроения Московского двора, писал шведской королеве, что боярин И. Д. Милославский, „который теперь все делает и командует всем войском“, готов был немедленно начать войну, но опасался „внутреннего беспокойства“. При этом он сообщал, что пострадавший в 1648 г. Б. И. Морозов имел влияние не меньше, чем раньше, но предоставлял имя правителя носить Илье Даниловичу.[3] Этот отзыв совпадает со словами Савинки Корепина: „боярин-де

[1] Древняя российская вивлиофика, т. XX, стр. 178, 282, 315, 389 и 403.

[2] С. Коллинс. Нынешнее состояние России, стр. 32.

[3] Б. Курц. Состояние России в 1650 — 1655 гг. по донесениям Родеса, стр. 93.

Б. И. Морозов делает умыслом бутто он ныне ничем не владеет а дал де владеть во всем боярину И. Д. Милославскому.[1] Царский тесть и царский свояк вместе со своими друзьями и сторонниками составляли одну сплоченную группу, державшую в своих руках все основные нити внешней и внутренней политики. Как начальнику приказа Большой казны И. Д. Милославскому подчинялся Денежный двор, что ставило его в непосредственное отношение к монетной реформе и к выпуску медных денег. Мейерберг, слышавший разговоры, ходившие среди московского населения накануне восстания, сообщает о громадных злоупотреблениях И. Д. Милославского, сумевшего выбить лично для себя медных монет на 120 000 рублей.[2] Но с именем И. Д. Милославского связывалась не только монетная реформа, но и тяжесть всей финансовой политики и налогового обложения, в частности те экстраординарные сборы пятой деньги, которые поступали в Большую казну. Два других Милославских представляли относительно малозаметные фигуры. Их положение в основном определялось значением богатого и влиятельного родственника. Иван Михайлович Милославский заведывал Челобитным приказом, что может до известной степени объяснить личные мотивы недовольства со стороны челобитчиков и мелких посадских людей.[3] Иван Андреевич Милославский, указанный Мейербергом, в 1654 г. при отъезде царя в армию был оставлен при царице.[4] В 1657 г. он получил боярство.[5] В приказном управлении его роль ограничивалась заведыванием Ямским приказом,[6] но при дворе его имя в эти годы часто встречается среди ближайшего окружении царя.

К тому же тесному кружку Милославских примыкал их отдаленный родственник, царский дворецкий Федор Михайлович Ртищев (большой). Толпа в Коломенском особенно энергично требовала его выдачи, „глаголаху бо, яко сей есть злотворец“.[7] В этой фразе, сообщаемой автором его „жития“, можно видеть косвенный намек на причастность Ртищева к неудачной монетной реформе, о чем вполне определенно говорит Мейерберг. Однако и помимо этой

[1] С. В. Бахрушин. Московский мятеж 1648 г., стр. 736.

[2] Mayerberg. Iter in Moschoviam, стр. 92.

[3] Акты Археографической экспедиции, т. 4, №№ 132 и 135. Древняя российская вивлиофика, т. XX, стр. 411.

[4] Дворцовые разряды, т. III, стр. 413.

[5] С. Белокуров. Дневальные записи приказа Тайных дел, стр. 5.

[6] Древняя российская вивлиофика, т. XX, стр. 419.

[7] Житие Федора Ртищева, стр. 53—54.

причины у восставшей толпы могло быть много других поводов поместить имя Ртищева среди наиболее ненавистных ей сильных людей; Ртищев, пользовавшийся поддержкой Милославского и Морозова и личным расположением царя, представлял для этого достаточно крупную фигуру. Уже в первые годы царствования Алексея Михайловича он был одним из самых близких лиц для Б. И. Морозова. Автор „жития“ сообщает, что Б. И. Морозов, не терпевший никакого пререкания, выслушивал Ф. М. Ртищева, который „глаголаше ему полезная, тихообразно и не мятежно, безо всякого обиновения“.[1] Сближение Ртищева с царем особенно усилилось во время войны, причем Ртищев выполнил ряд дипломатических поручений. Участие Ф. М. Ртищева в переговорах с Польшей, сторонником мира с которой он являлся, было, повидимому, поставлено ему в особую вину. Дьячок Демка Филиппов во время розыска показал, что „говорят-де в миру, а кто имяны, того не знает, что де присланы из Польши листы воровские про окольничаго про Федора Михайловича Ртищева“. В январе 1656 г. Ртищев получил в заведывание обширное дворцовое хозяйство.[2] По словам Котошихина, дворецкий, заведывавший приказом Большого дворца, имел большое влияние: „...и тот боярин честно бывает другой человек, под конюшим первой“.[3] Под управлением этого приказа было больше 40 городов и 8 московских слобод с торговыми и ремесленными людьми (котельники, оловянишники, кузнецы, плотники, рыбники, шатерники, горшечники, печники и кирпичники). Таким образом, по заведыванию Большим дворцом Ф. М. Ртищев имел близкое отношение к части мелкого посадского населения столицы.

Менее крупной, но все же заметной фигурой был племянник Ф. М. Ртищева — окольничий и оружейный Богдан Матвеевич Хитрово, быстро выдвинувшийся в первые годы царствования из незначительных алексинских дворян.[4] Б. М. Хитрово пользовался большим личным расположением царя. По словам С. Коллинса, его называли „шепчущим любимцем“, так как он всегда действовал „из-за двери“.[5] В 1654 г. он заведывал Земским приказом, бывшим по существу высшим полицейским учреждением для столицы.

[1] Житие Федора Ртищева, стр. 53—54.

[2] Н. Кашкин. Родословные разведки, т. I, стр. 422.

[3] Г. Котошихин... О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 88.

[4] Н. Кашкин, ук. соч., стр. 410.

[5] С. Коллинс, ук. соч., стр. 37.

В это же время и в последующие годы он заведывал Новой четью.[1]

Все перечисленные лица не только составляли тот же тесный кружок Морозова и Милославского, который сложился еще в 1648 г., но и находились между собою в родственных отношениях.[2] Отдельно стоит лишь дядя царя со стороны матери — Семен Лукьянович Стрешнев. В начале царствования он принадлежал к группе, противной Морозову. После окончательного укрепления у власти Морозова и Милославских С. Л. Стрешнев не играл крупной роли, но сохранил при Дворе известное положение в качестве ближайшего старшего родственника царя. В 1657 и 1666 гг. он заведывал Устюжской четвертью.[3] Имя С. Л. Стрешнева не было в известном нам списке, содержавшемся в расклеенных прокламациях, и его назвали уже в толпе, в Коломенском.

Из крупных торговых людей, подвергшихся разгрому 25 июля, нам известны двое: гость Василий Шорин, фигурировавший в составленном заранее списке „изменников", и гость Семен Задорин. Василий Шорин, один из самых крупных представителей купеческого капитала XVII в., был в то же время очень близок московской правящей бюрократии. Повидимому, он имел какое-то отношение к выпуску медных денег. По сообщению Котошихина, в 1662 г. ему был поручен сбор пятой деньги, что являлось уже само по себе достаточным основанием для возбуждения ненависти со стороны населения. Гость Семен Задорин, двор которого был разграблен, находился среди торговых людей, заведывавших реквизицией „указных товаров".[4] Следует также отметить, что Василий Шорин и Семен Задорин были тесно связаны между собою в торговле. В Сибирь часто посылались приказчики с общим товаром. Повидимому, они совместно организовывали крупные торговые операции на паях, по величине которых производился раздел прибыли.

[1] Древняя российская вивлиофика, т. XX, стр. 309, 343 и 349.

[2] Ртищевы находились в отдаленном родстве с Милославскими через Соковниных (П. Ф. Соковнин был двоюродным братом М. А. Ртищева). На одной из дочерей П. Ф. Соковнина был женат Г. И. Морозов (Н. Кашкин, ук. соч., стр. 373). Б. И. Морозов был женат на Анне Милославской, дочери И. Д. Милославского и сестре царицы. Б. М. Хитрово был племянником М. А. Ртищева и, следовательно, приходился двоюродным братом Ф. М. Ртищеву (С. В. Бахрушин. Московский мятеж 1648 г., стр. 728).

[3] Древняя российская вивлиофика, т. XX, стр. 405.

[4] На обязанности С. Задорина лежал прием реквизированной пеньки (Сибирский приказ, ст. № 605, лл. 8 и 29).

Таким образом, каждый из перечисленных в воззваниях лиц имел индивидуальный повод к возбуждению против себя острого недовольства со стороны московского населения; это были как-раз те люди, с именами которых связывались все тягости неудачной затянувшейся войны и внутренней политики правительства, разорившей низшие и отчасти средние слои торгового и промышленного населения. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что указанные лица, составлявшие небольшую однородную правящую группу, были заранее внесены в список „изменников", в то время как ни одно лицо, не принадлежавшее к ближайшим единомышленникам Милославского, в него не попало. Возможно, что нараставшим возбуждением среди столичного населения поспешила воспользоваться группировка, враждебная Милославскому и его кружку. Это подозрение еще больше усиливается при анализе событий 25 июля. Само движение, несмотря на его неожиданность и беспорядочность, не было в полном смысле стихийным взрывом. В распространении прокламаций еще ночью в разных местах города нельзя не видеть заранее обдуманной предварительной меры к поднятию восстания именно 25 июля. Повидимому, сложившаяся к этому времени общая обстановка в столице была признана благоприятной для выступления, так как незадолго перед тем часть стрелецких полков отправилась в поход, царь отсутствовал из столицы, а население было взволновано только-что объявленным тяжелым налогом в виде сбора „пятой деньги". В условиях нараставшего возбуждения было легко дискредитировать правительство Милославского, бросив в народ сообщение об его измене в пользу Польши. Обращает также внимание, что Василий Шорин во время разгрома двора скрывался во дворе Черкасских, давних противников Морозова и Милославских. Повидимому, он считал это место наиболее обеспеченным от нападения толпы.

Таким образом, не исключена возможность, что противники Милославского, чувствуя неизбежность взрыва, стремились направить его в желательном направлении. Это было тем удобнее сделать, что ответственность за создавшееся положение переносилась со всего правящего класса на отдельных его представителей.

9

Московские восстания в 1648 и в 1662 гг. отделены одно от другого промежутком в 14 лет. Большая экономическая программа, начавшаяся осуществляться в первые годы царствования Алексея

Михайловича, была приостановлена в 1654 г. войной с Польшей. Впереди других вопросов стали вопросы финансовой организации войны. Смело задуманная, но неудачно проведенная монетная реформа была одним из решений этой проблемы.

Экономический и финансовый кризис, развившийся во время войны, как мы видели, особенно тяжело отразился на посадском и торговом населении и усилил классовые противоречия в его среде. Но если проявление этого кризиса в виде расстройства денежной системы, дороговизны, голода и разорения явилось непосредственной причиной к июльскому выступлению в столице, то более глубокие основания московского восстания 1662 г., так же как и других городских восстаний в половине XVII в., были подготовлены общими условиями развития посадов этого времени. Поэтому было бы неправильно видеть в неудачной монетной реформе единственную причину восстания 1662 г. и трактовать его исключительно как „медный бунт".

В исторической литературе неоднократно указывалось на тяжелое положение посадского населения в XVII в., несмотря на развитие торговли и рост товарно-денежных отношений. В задачу настоящей работы не входит рассмотрение причин этого кризиса всестороннего объяснения которого мы все еще не имеем. Но необходимо отметить, что среди населения, занятого торговлей и городским ремеслом, происходила значительная социальная дифференциация. И если в это время усиливалась экономическая мощь высшего слоя посадского населения, постепенно превращавшегося в крепкую торговую буржуазию, то, с другой стороны, росли кадры обнищавших и плебейских элементов. По своему социальному составу это была сложная и пестрая группа, включавшая мелких торговцев, легко закабаляемых национальным и иностранным торговым капиталом, ремесленников, находившихся в зависимости от скупщиков, чернорабочих и ярыжек, питавшихся случайной работой. В годы хозяйственной разрухи к ним близко стояли мелкие служилые люди, занимавшиеся городскими промыслами и торговлей, и часть средних слоев торгового населения, легко поддававшаяся ударам неблагоприятной рыночной конъюнктуры. Легко воспламеняющуюся, подвижную и вместе с тем мало устойчивую и неорганизованную толпу, состоящую из этих элементов, мы одинаково встречаем в качестве движущей социальной силы во всех городских восстаниях XVII в.

Идеология этого движения никогда не было точно выражена его участниками, но она устанавливается из общих направлений

классовой борьбы в городах этого периода. В основе ее лежит борьба низшего торгово-ремесленного населения против закабаления со стороны крупного ростовщического и торгового капитала и против феодально-крепостного государства с его системой тяжелых налогов, поборов и обязательных служб, против существования особых феодальных прав, стеснявших экономическое развитие посада. Столкновения различной остроты между посадскими „худыми людишками“ и „лучшими людьми“ были тем основным фоном, на котором развертывались во всем многообразии конкретных исторических фактов отдельные моменты этой борьбы. Поэтому городские восстания XVII в. представляют собою цепь связанных событий, хотя каждое из них имеет свой особый отпечаток. Только путем изучения общих социально-экономических процессов этого времени можно правильно оценить значение непосредственных причин и поводов для отдельных выступлений: протест против политики Морозова и против соляного налога в Москве в 1648 г., выколачивание податей и взяточничество воевод в Устюге и в Соли Вычегодской в этом же году, борьба за посадских тяглецов в Курске скупка хлеба для вывоза за границу в Новгороде и Пскове в 1650 г., обесценение медных денег в Москве в 1662 г. Эти конкретные поводы ускоряли и обостряли развитие социальных конфликтов между различными слоями посадского населения. Все выступления мелких торговцев, ремесленников и плебейских элементов города носили ясно выраженный антифеодальный характер.

Протягивая параллели от 1662 к 1648 г., мы видим много общих явлений между обоими столичными выступлениями. Оба восстания были направлены не только против одной и той же правительственной системы, но даже по существу против одних и тех же лиц. Наиболее ненавистной фигурой в 1648 г. был Борис Иванович Морозов. В 1662 г., когда Б. И. Морозова уже не было, такой фигурой стал его родственник и тесть царя, всемогущий И. Д. Милославский. И Морозов и Милославский вместе с тесным кругом единомышленников, в основном сложившимся еще в первые годы царствования Алексея Михайловича, представляли в системе высшей московской бюрократии однородную, сильную правящую группу. Своекорыстные устремления отдельных представителей этой группы сочетались с удовлетворением интересов класса крупных землевладельцев и высшего слоя купечества. Движение в 1662 г., направленное как и в 1648 г. против бояр и купцов, имело поэтому совершенно определенное классовое устремление. Как мы видели,

есть оснований подозревать, что выбор жертв происходил не без участия группировки, враждебной Милославскому, которая стремилась воспользоваться народным движением для борьбы с правительством Милославского, подобно тому, как это имело место в 1648 г. в отношении Морозова и оттиснутой им на второстепенные роли старой титулованной знати. К сожалению, мы пока не располагаем материалом, достаточным для того, чтобы опровергнуть или подтвердить это предположение.

Как и в 1648 г., в движении участвуют стрельцы. В 1662 г. участие столичного гарнизона становится еще более заметным. Опыт 1648 г. позволил правительству сохранить в своих руках основное ядро стрелецких полков. Кроме того, большинство полков, расположенных в столице, находилось в это время на театре военных действий. Благодаря этому восстание было быстро ликвидировано, тогда как в июне 1648 г. оно бушевало в течение нескольких дней.

Отмечая сходные черты в двух крупных выступлениях низших слоев столичного населения, необходимо остановиться и на тех явлениях, которые накладывали на каждое из восстаний в 1648 и 1662 гг. свой особый отпечаток. Городское восстание в 1648 г. слагалось в сложной обстановке первых лет царствования Алексея Михайловича, когда происходила борьба с частновладельческими правами на городской территории, затрагивавшая интересы не только посадского населения, но и крупной родовитой аристократии. В это время не был еще полностью разрешен вопрос о беглых крестьянах, что поддерживало оппозиционное настроение среди среднего и мелкого дворянства. Вместе с тем, над страной не висела тяжесть войны со всеми ее социальными и экономическими последствиями. Классовое движение в 1648 г., в основе которого лежала борьба низших слоев посада против феодалов и купцов, все же носила более сложный характер; в московском восстании в 1648 г. нельзя не учитывать значительной роли провинциального дворянства.

В 1662 г. классовая борьба развивалась в обстановке очень острого хозяйственного кризиса при бешеной спекуляции серебром и обнищании средних и низших слоев населения. Падение медных денег, застой в торговле и тяжелые налоги в пользу войны еще больше углубляли общий кризис московского города. На это указывает абсолютное уменьшение населения даже в крупных городах в течение 50-х и 60-х гг.

Городское восстание в 1648 г. широко разлилось по всей территории страны; в 1662 г. оно локализовалось в одной столице.

Но в 1662 г. оно прозвучало как сильный и предостерегающий аккорд. Оно показало, что не только армия на фронте, но даже гарнизон столицы были близки к вооруженному выступлению.

Вслед за ликвидацией июльского восстания правительство принимает спешные меры к укреплению своего положения: усмирители восстания получают денежные и другие награды; улучшается общее материальное положение солдатских и стрелецких полков; под непосредственным руководством царя создается особая организация приказа Тайных дел, имеющая целью обеспечить собственным хозяйством продовольствие и снабжение московских стрельцов, чем еще больше скрепляется связь между царем и его „лейб-гвардией"; [1] усиленно принимаются меры для возвращения к серебряному обращению; окончательно побеждает мнение о пользе немедленного заключения мира с Польшей, наиболее видным представителем которого был А. Л. Ордын-Нащокин. После окончания войны в 1667 г. правительство вводит ярко выраженный протекционный тариф и удовлетворяет в Новоторговом уставе основные требования крупного купечества.

Однако в ближайшее время после июльского восстания в Москве настроение еще было тревожное. Шведский агент Эберс писал в 1663 г.: „в Москве общественное настроение дурное, там недовольны новыми налогами... слышится повсеместно ропот". [2] По рассказу Гордона, правительство, объявив обмен медных денег на серебряные из расчета в 1%, очень опасалось нового восстания. Поэтому в первые два дня после начала обмена оно выдало нескольким сотням жителей разных сословий серебряные деньги не по официально объявленному курсу, а в десять раз выше (за десять медных рублей выдавало один серебряный рубль). „Между тем — пишет Гордон, — бо́льшая часть народа, особенно солдаты, так радовалось этой перемене (т. е. возвращению к серебряной денежной системе. *К. Б.*), что не обращала внимания на частные убытки". [3] Наступившее после заключения мира некоторое оживление торговли способствовало временному успокоению посада. Но через несколько лет на другом участке фронта вспыхивает крестьянско-казацкое восстание Степана Разина. В его подготовке сыграла известную роль и хозяйственная разруха 60-х гг.

---

[1] А. И. Заозерский. Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве, стр. 346.

[2] Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (Журнал Министерства народного просвещения, 1898 г., июнь, стр. 317).

[3] P. Gordon, ук. соч., 1, стр. 325.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Технический редактор Л. А. Федоров.
Ученый корректор А. А. Мирошников.
Сдано в набор 27 октября 1935 г. —
Подписано к печати 29 ноября 1935 г.
120 стр. Формат бум. 62×94 см.
Объем $7^4/_8$ печ. л. 49 000 знак. в л.
Ленгорлит № 31977. Тираж 2170.
АНИ № 1076. Зак. № 2063. Ленпромпечатьсоюз, типография „Печатня",
Прачечный пер., 6.

